

Н. Л. Абрамович

**ВОСПОМИНАНИЯ
И
ВЗГЛЯДЫ**

КНИГА ПЕРВАЯ

ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания и взгляды

Исай Абрамович

Взгляды

Абрамович И. Л.

Взгляды / И. Л. Абрамович — — (Воспоминания и взгляды)

Во второй книге – «Взгляды. История эволюции советского строя после смерти В.И. Ленина» – я сделал попытку исследовать: историю борьбы Сталина за его самоутверждение как «преобразователя России»; организационные и политические маневры, использованные им в борьбе против бывшей большевистской партии, социалистической страны и революционных кадров; развитие его идеологии в противовес идеологии большевизма, под знаменами которого была осуществлена Октябрьская революция.

Содержание

I. ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ	5
1. Введение	5
2. Сталин до Февральской революции	8
3. Сталин и Февральская революция	9
4. О роли Сталина и Троцкого в Октябрьской революции	12
5. Сталин и борьба Ленина с Зиновьевым	14
6. О «конституционных иллюзиях»	15
7. О «межрайонцах»	17
8. Троцкий и Сталин в первые послеоктябрьские дни	19
9. О Брестском мире	20
10. Военная оппозиция	25
11. Сталин и Красная Армия	27
12. Отношения между Лениным и Троцким	35
13. Фальсификаторы истории при преемниках Н.С. Хрущева	43
II. ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	59
14. Постановка вопроса	59
15. Причины возникновения и упрочения бюрократизма	66
16. Равенство и социализм	75
17. Государство и демократия	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Исай Львович Абрамович

Взгляды

Посвящается Боевой группе студентов Московского института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова, боровшихся в рядах оппозиции, возглавленной Л.Д. Троцким, и погибших в тюрьмах и лагерях в эпоху сталинского террора.

История эволюции советского строя после смерти В. И. Ленина

«Политическое содержание дискуссии до такой степени завалено мусором, что я не завидую будущему историку, который захочет добраться до корня вещей».

Л. Троцкий «Моя жизнь», том II, стр. 197, Берлин, 1929 год

I. ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ

1. Введение

В этой части книги я хочу сопоставить действительную историю партии с фальсификацией, которой подверглась она после смерти Ленина, по мере возвышения Сталина.

С помощью казенных, послушных историков Сталин создал целый комплекс лживых версий о предательстве ряда вождей партии и одновременно – легенду о своей выдающейся роли в Октябрьской революции, гражданской войне и строительстве социализма в СССР. Эта система подмены истории вымыслом, так выразительно изображенная Оруэллом, оттачивалась и шлифовалась постепенно. Ряд исторических трудов и документов изымался из обращения, не переиздавался, а вместо них издавались новые, с новой трактовкой. Другие просто запрещались. Так, к 1938 году стали запрещенными (и продолжают оставаться запрещенными по сию пору) собрания сочинений и вообще все произведения Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина, Л.Б. Каменева и др. Были изъяты из библиотек и запрещены к продаже букинистами все учебники по истории партии, изданные до «Краткого курса». Та же судьба постигла стенограммы и протоколы съездов партии, партконференций, пленумов ЦК (эти документы неукоснительно изымались при обысках), комплекты журнала «Пролетарская революция» (и вообще всех периодических изданий, выходивших с 1917 по 1930 гг.), книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», ряд мемуаров старых большевиков, в том числе «Воспоминания» Н.К. Крупской. Даже первое издание собственной книги «Основы ленинизма» запретил «вождь и учитель», срочно переименовав его на новый лад.

Многие из перечисленных (и не перечисленных) нами трудов продолжают оставаться недоступными для читателя и сейчас. Не говоря уже о книгах Троцкого, Бухарина и других оппозиционеров, до сих пор не изданы, например, протоколы военного заседания VIII съезда партии, стенограмма XIX съезда, доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС и др. Библиографической редкостью стал ряд до сих пор не переизданных документов.

Сталин убил историческую память партии о своем прошлом. Новое поколение членов партии, вступившее в нее в 30-х годах (даже те из них, которые вступили честно, не из карьеристских соображений), ничего не знали о ее действительной истории, не имели на вооружении ее идей и традиций. Вместо истории была «tabula rasa», белый лист бумаги, на котором Сталин

и его присные писали новую фальсифицированную «историю», вдавливая в головы слушателей и читателей мысль, что досталинская история партии есть история предательств Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и вообще всех, кто смел не соглашаться со Сталиным.

Так был сфабрикован «Краткий курс», после чего и исчезли из обихода все другие учебники по истории партии, включая даже четырехтомную книгу Ем. Ярославского, написанную им в угоду Сталину вполне в духе его лживых версий.

Необходимо отметить, что ряд созданных по указанию Сталина легенд (в частности, измышления о предательстве бывших вождей партии и ряда старых большевиков) до сих пор продолжает фигурировать в учебниках, в «исторических» трудах, в предисловиях к собранию сочинений Ленина и в напечатанных там же указателях имен. В энциклопедиях, словарях, журналах, кинофильмах, телепередачах продолжает повторяться все тот же сталинский стереотип. И сегодня историк КПСС может получить ученую степень только в том случае, если он в своей диссертации будет придерживаться сталинской концепции относительно троцкистов и правых, апробированной современным руководством партии.

Что касается роли Сталина, то современные официальные историки, оценивая ее, строго придерживаются рамок, очерченных известным постановлением ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 года.

Не говоря уже о том, что сам термин «культ личности» недостаточен для выражения сущности преступлений Сталина, документ этот, как явствует из его внимательного изучения, достаточно двусмыслен. Он направлен не столько на преодоление «культа личности», сколько на его консервацию. Вместо того чтобы дать простор историкам и исторической науке в объективном изучении и анализе причин перехода от ленинского руководства к сталинскому и того урона, который нанес Сталин партии и мировому коммунистическому движению – это постановление заранее очерчивает рамки, которые историку запрещено переступить.

Не может быть достойной своего названия историческая наука, вынужденная руководствоваться «установками», полученными от могущественных лиц и органов власти. Не может существовать история, лишенная возможности объективно изучать подлинные документы и первоисточники и на основе их анализа выдвигать и отстаивать собственные концепции.

В условиях, когда подлинные документы спрятаны в спецхранах и недоступны для широкого обозрения, изучения и публикации, когда они по произволу властей предрержащих могут просто уничтожаться, – в таких условиях не могут даже сформироваться кадры подлинных историков. Характерным примером бесстыдства сталинских историков является поведение Б.Пономарева, участвовавшего при Сталине в создании «Краткого курса», выступившего на XXII съезде КПСС с резкой критикой этой книги как злостной фальсификации истории партии, а в 1969 году в качестве руководителя авторского коллектива «Истории КПСС» вернувшегося в очередном учебнике к формулировкам «Краткого курса».

Многих документов уже нет, они безвозвратно исчезли. Об этом говорилось на собрании в ИМЛ старых большевиков (в... году [в рукописи пропуск. – прим. ред.]), посвященном обсуждению макета III тома многотомной «Истории КПСС». В частности, старая большевичка Селугина, упомянув о «черной книге», которую завели для документов, подписанных Троцким и другими оппозиционными вождями, сказала: «... Там были ценнейшие документы Каменева и Зиновьева о Ленине. Как можно было их уничтожить?..»

«Были» – значит, уже нет. И многого уже нет. Но ряд документов все-таки сохранился, многое опубликовано за рубежом. Уцелел кое-кто из людей, помнящих подлинную, не фальсифицированную историю партии.

Автор этих строк – один из таких людей, и он считает своим долгом сделать все, что в его силах, чтобы способствовать очищению истории от наслоений сталинской лжи и фальсификации.

Неотъемлемой частью, остовом этой сталинской конструкции является самореклама, с помощью которой Сталин объявил себя «единственным» никогда не ошибавшимся вождем партии.

С разоблачения этой лжи и следует начать, так как присвоение Сталиным самому себе вымышленных заслуг неизбежно сопровождалось соответствующей подтасовкой фактов истории – и наоборот.

2. Сталин до Февральской революции

О раннем периоде деятельности Сталина каких-либо подлинных документов в архивах нет. Если многие факты биографий других выдающихся деятелей партии зафиксированы в сохранившихся архивах департамента полиции, зорко наблюдавшего за революционерами, то к Сталину это не относится. Похоже на то, что он предусмотрительно изъясил из архивов все относившиеся к нему документы охранки. Исключением является публикация в тбилисской газете «Заря Востока» от 23.XII.1925 г. двух материалов: жандармской справки о Джугашвили (Сталине), датированной 1903 годом, и перехваченного охранкой письма Сталина из ссылки, датированного 1911 годом. В первом документе сказано: «По вновь полученным мною агентурным сведениям Джугашвили был известен в организации под кличкой „Сосо“ и „Коба“. С 1902 года работал в социал-демократической организации сначала меньшевиком, потом большевиком, как пропагандист и руководитель первого района (железнодорожного)». Наиболее интересная часть письма Сталина от 24.1.1911, адресованного его друзьям, гласит: «О заграничной „буре в стакане“, конечно, слышали. Блока Ленина-Плеханова с одной стороны и Троцкого-Мартова и Богданова с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное, но вообще на границу рабочие начинают смотреть пренебрежительно: „Пусть, мол, лезут на стену. Кому дороги интересы движения, тот работай, остальное приложится“. Это, по моему мнению, к лучшему».

Скудные, прямо скажем, сведения, и непонятно, зачем понадобилось Сталину их публиковать. Впрочем, в 1925 году они еще могли быть опубликованы без согласования со Сталиным. Из них можно вывести, что если охранка что-то не напутала, то Сталин, оказывается, был сначала меньшевиком. Когда «сначала»? Справка датирована 1903 годом, и II съезд РСДРП, где произошел раскол на большевиков и меньшевиков, состоялся тоже в 1903 году. Но если сведения охранки соответствуют действительности, то, значит, Сталин скрыл их и при издании своей «Краткой биографии», и при издании своего собрания сочинений.

Второй документ интересен только тем, что он подтверждает неоднократно уже отмеченное пренебрежение Сталина к теории, неспособность его понять ее значение.

Известно, что 1913, 1914, 1915 и 1916 годы Сталин провел в ссылке в Туруханском крае. В его «Краткой биографии» об этом периоде сказано:

«Отрезанный от всего мира, оторванный от Ленина и партийных центров, Сталин занимает ленинскую, интернационалистскую позицию по вопросам войны, мира и революции».

На чем основано это утверждение? Ни на чем. Какими документами оно подтверждается? Никакими. Ни одним. В «Краткой биографии» нет ссылок на какие-либо документы. В собрании сочинений Сталина годы с 1913 по 1916 пустое место: в нем не напечатано ни одной статьи, ни одного письма, отрывка, наброска, по которым можно было бы судить о позиции Сталина в годы войны. В № «Правды» от 21 декабря 1929 года, когда Сталину исполнилось 50 лет, об этом периоде скупно сказано: «1913, 1914, 1915, 1916 годы Сталин проводит в Туруханской ссылке». И все. И больше ничего. А ведь если были бы в распоряжении Сталина и его приспешников хоть две строчки, подтверждающие, что Сталин в годы войны занимал ленинскую позицию в вопросах войны, в отношении ко II Интернационалу и пр., об этом, несомненно, протрубили бы его услужливые биографы.

Одно из двух. Либо Сталин в эти острейшие годы действительно ничего не писал, никакой политической позиции не занимал и фактически отошел от партийной жизни, что никак не согласуется с легендой о нем как о вожде мирового пролетариата. Либо он писал нечто такое, что в годы, когда публиковались его «Краткая биография» и «Собрание сочинений», могло только нанести ущерб его политической репутации – и он предпочел это скрыть.

3. Сталин и Февральская революция

В марте 1917 года в Петрограде появились вернувшиеся из ссылки Сталин, Каменев и Муранов, ранее, до ареста, входившие в редакцию «Правды». Самовольно они отстраняют руководивших до их приезда газетой Молотова и Шляпникова, отстаивавших (хоть и примитивно) большевистский курс, и забирают «Правду» в свои руки.

Вот что вспоминает об этом периоде Шляпников в своей книге «Семнадцатый год», изданной в 1925 году:

«День выхода первого номера „преобразованной“ „Правды“ – 15 марта 1917 года – был днем оборонческого ликования. Весь Таврический дворец, от дельцов Комитета Государственной Думы до самого сердца революционной демократии Исполкома, был преисполнен новостью: победой умеренных, благоразумных большевиков над крайними. В самом Исполкоме нас встретили ядовитыми улыбками, это был первый и единственный раз, когда „Правда“ вызвала одобрение даже матерых оборонцев либердановского толка. Когда этот номер „Правды“ был получен на заводах, там он вызвал полное недоумение среди членов нашей партии и сочувствовавших нам и язвительное удовольствие у наших противников. В Петербургский комитет, в бюро ЦК и в редакцию „Правды“ поступали запросы: в чем дело, почему наша газета отказалась от большевистской линии и стала на путь оборончества? Но Петербургский комитет, как и вся организация, был застигнут этим переворотом врасплох и по этому случаю глубоко возмущался и винил бюро ЦК. Негодование в районах было огромное, а когда пролетарии узнали, что „Правда“ была захвачена приехавшими из Сибири тремя бывшими руководителями „Правды“, то потребовали исключения их из партии».

Отношение Сталина к Временному правительству выявилось на мартовском партийном совещании (заседание от 29 марта 1917 г.). Отметим, кстати, что протоколы этого совещания были запрещены при Сталине и остаются запрещенными и по сей час.

«Временное правительство, – говорил Сталин, – взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционного народа. Совет рабочих и солдатских депутатов мобилизует силы, контролирует. Временное же правительство упираясь, путаясь – берет роль закрепителя тех завоеваний народа, которые фактически уже взяты им. Такое положение имеет отрицательные, но и положительные стороны: нам невыгодно сейчас форсировать события, ускоряя процесс откалывания буржуазных слоев, которые неизбежно впоследствии должны будут отойти от нас».

«Поскольку..., – продолжал Сталин, – Временное правительство закрепляет шаги революции, постольку ему поддержка, поскольку же оно контрреволюционно, поддержка Временного правительства неприемлема».

Как реагировал на такую позицию Ленин, прибывший в Петроград в дни, когда работало мартовское партийное совещание?

Вот что говорил он на этом совещании, выступая на нем 4 апреля 1917 года:

«Даже наши большевики обнаруживают доверчивость к правительству. Объяснить это можно только угаром революции. Это гибель социализма. Вы, товарищи, относитесь доверчиво к правительству. Если так, нам не по пути. Пусть лучше останусь в меньшинстве. Один Либкнехт стоит 100 оборонцев типа Стеклова и Чхеидзе. Если вы сочувствуете Либкнехту и протянете хоть палец (оборонцам) – это будет измена международному социализму».

По вопросу о выходе из империалистической войны Сталин и Каменев занимали одинаковую позицию. Это была, по существу, меньшевистско-эсеровская позиция. Откликаясь на изданное меньшевистско-эсеровским Советом воззвание к народам всего мира с призывом заставить собственные правительства прекратить бойню, Сталин писал:

"Прежде всего, несомненно, что голый лозунг «долой войну!» совершенно непригоден как практический путь... Нельзя не приветствовать вчерашнее воззвание совета рабочих и солдатских депутатов... Воззвание это, если оно дойдет до широких масс, без стеснения вернет сотни и тысячи рабочих к забытому лозунгу – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Сталин, ПСС, т.3, стр. 7).

И далее, там же:

«Выход – путь давления на Временное правительство с требованием изъяснения им своего согласия немедленно открыть мирные переговоры».

Еще яснее сформулирована позиция Сталина в его статье от 17 марта, не вошедшей в собрание его сочинений. Говоря о поисках путей выхода из войны, Сталин утверждает, что выход "... заключается в том, чтобы заставить собственное правительство высказаться не только против всяких завоевательных планов..., но и открыто сформулировать волю русского народа немедленно начать переговоры о всеобщем мире на условиях полного отказа от всяких завоеваний с обеих сторон и права наций на самоопределение".

Из выступления Ленина на том же мартовском партийном совещании явствует, как относился он к сталинско-каменевской позиции:

«„Правда“ требует, – говорил Ленин, – от правительства, чтобы оно отказалось от аннексий. Требовать от правительства капиталистов, чтобы оно отказалось от аннексий, – чепуха, вопиющая издевка. Воззвание Совета рабочих депутатов? – Там нет ни одного слова, проникнутого классовым сознанием. Там сплошная фраза».

Напоминаем, что хотя речь Ленина на мартовском совещании опубликована, но протоколы мартовского совещания в целом все еще засекречены, и широкому читателю невдомек, что ленинская критика направлена против Сталина.

Примиренческую позицию по отношению к меньшевикам Сталин занял сразу после приезда из ссылки. Вплоть до возвращения Ленина и победы ленинской точки зрения Сталин был сторонником объединения с меньшевиками. Вот как записано об этом в протоколах мартовского совещания:

"В порядке дня – предложение Церетели об объединении.

Сталин: Мы должны войти. Необходимо определить наши предложения по линии объединения. Возможно объединение по линии Циммервальда-Кинтала."

В ответ на сомнения Молотова, заявившего о существовании между большевиками и меньшевиками непреодолимых разногласий, Сталин сказал: «Забегать вперед и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие разногласия».

Не вдаваясь здесь в обсуждение некоторых словес Сталина, которым он никогда не следовал на деле (например, совершенно правильного заявления, что «без разногласий нет партийной жизни»), отметим совершенно отчетливо противоположную ленинской позицию Сталина в марте 1917 года. Недаром Ленин по прибытии из Швейцарии оценил линию «Правды», проводимую Сталиным и Каменевым, как каутскианскую. Сталин в марте 1917 года выступал за поддержку Временного правительства, за объединение с меньшевиками, занимал оборонческую позицию. Такова была реальность, такова была действительность.

А вот как освещается позиция Сталина в марте 1917 года в так называемых «научных» трудах придворных сталинских историков, создавших легенду, на которой воспитались поколения:

«Переход партии на легальное положение выявил разногласия в партии. Каменев, некоторые работники московской организации, например Рыков, Бубнов, Ногин стояли на полуменьшевистской позиции условной поддержки Временного правительства и политики оборонцев. Сталин, который только что вернулся из ссылки, Молотов и другие вместе с большинством

партии отстаивали политику недоверия Временному правительству, выступали против оборончества и призывали к активной борьбе за мир, к борьбе против империалистической борьбы».

Как видите, прямая ложь. Все – наоборот.

Приведенная цитата – из сталинского «Краткого курса», изд. 1945 года, стр. 176.

В учебнике «История КПСС», изданном в 1962 году, сделана – правда, половинчатая, робкая – попытка восстановить истину. Там сказано:

"Позицию давления на Временное правительство занимал Сталин. Эта позиция сеяла в массах иллюзии, будто буржуазное правительство могло дать народу мир...

Сталин высказался также за объединение с меньшевиками, что противоречило политике партии и указаниям В.И. Ленина".

Формулировка, повторяю, половинчатая, недостаточно четкая. Но все-таки она развеивает миф о том, что Сталин всегда придерживался ленинской линии, развеивает миф о «непогрешимом» вожде. Однако формулировка эта продержалась недолго, из третьего издания того же учебника в 1969 году был вычеркнут весь абзац, критикующий Сталина за его отношение к Временному правительству, за его оборонческую позицию и за его предложение пойти на объединение с меньшевиками.

Следует, пожалуй, здесь отметить, что если Каменев продолжал упорствовать в избранной им позиции, то Сталин, оказавшись после того, как восторжествовала точка зрения Ленина, в меньшинстве, немедленно отступил и сначала отмалчивался, а потом постепенно стал поддерживать Ленина. Это-то и была его «позиция»: поддерживать победителя, пока победителем не стал он сам. Собственных мыслей, собственных концепций у него никогда не было. Любопытна характеристика, которую в своих «Заметках о революции» дает мимоходом Суханов Сталину, вошедшему вместе с Каменевым в Исполком Петроградского совета: «... За время своей скромной деятельности в исполкоме он производил – не на одного меня – впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем нечего сказать». («Записки о революции», кн. 2-я, стр. 265–266)

4. О роли Сталина и Троцкого в Октябрьской революции

Существеннейшим аспектом сталинской фальсификации истории является искажение действительного облика политических деятелей того времени, вождей партии и революции. Роль одних – и, прежде всего, Л.Д. Троцкого замалчивается и до неузнаваемости извращается, роль других – и, прежде всего, Сталина – до неузнаваемости превозносится и преувеличивается. Для достижения этой цели сталинские историки не брезгают прямой ложью и даже при случае – подлогом.

Созданные таким образом легенды уже в течение полувека распространяются газетами, журналами, книгами, фильмами, издаваемыми в больших тиражах, и таким образом закрепляют в сознании поколений вымысел, вытесняющий правду.

Одной из таких легенд является версия, до сих пор пропагандируемая редакцией много-томной истории КПСС и авторским коллективом соответствующего учебника. Это – легенда о ведущей якобы роли в Октябрьской революции военно-революционного центра во главе со Сталиным.

В статье «Искусство и революция», напечатанной за границей в 1935 году («Бюллетень» NoNo 77–78), Троцкий вспоминает, как начиналась эта легенда. В 1924 году, пишет Троцкий, Леонид Серебряков обратил его внимание на опубликованные в «Правде» выдержки из протоколов ЦК за конец 1917 года. Среди них публиковалось без всяких пояснений и вынесенное на заседании 16 октября 1917 года постановление пополнить советский штаб восстания вспомогательным партийным центром в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского. В эти самые часы, пишет Троцкий, на заседании Петроградского Совета был создан военно-революционный комитет, который и возглавил работу по подготовке восстания. О созданном «центре» забыли все, в том числе и сами его участники. В то бурное время немало таких импровизаций потонуло в водовороте событий.

Публикация в 1924 году этой забытой протокольной записи была первым осторожным шагом на пути создания центрального сталинского мифа, занимающего и по сей час немалое место в советской историографии. На самом деле этот существовавший только в протокольной записи «центр» никогда не работал и никакого участия в подготовке восстания не принимал, хотя отдельные поименованные в нем товарищи выполняли поручения Военно-революционного комитета. Это, впрочем, не относится к Сталину: он, как вспоминает в той же статье Троцкий, никогда не входил в ВРК, не появлялся в Смольном, то есть в штабе революции, не имел никакого отношения к практической подготовке восстания, а сидел в редакции «Правды» и писал статьи.

Подготовкой и проведением восстания в октябре 1917 года в действительности руководил Военно-революционный комитет, созданный Л.Д. Троцким и работавший все время под его непосредственным руководством.

Не будучи в состоянии опровергнуть этот исторический факт ссылкой на какие-либо документы (ни о каких протоколах, решениях, указаниях пресловутого «центра» нигде нет даже упоминаний), официальные историки попросту голословно и немотивированно отрицают его. Так бывший руководитель ИМЛ Поспелов писал:

«Буржуазные фальсификаторы истории вопреки фактам объявили Троцкого председателем военно-революционного комитета. На самом деле он ни одной минуты не был им ни до, ни во время, ни после восстания».

Современный читатель имеет право с сомнением и недоверием отнестись к утверждениям обеих сторон. В самом деле: Троцкий и его сторонники обвиняют в фальсификации Сталина и сталинистов, Сталин и сталинисты обвиняют в фальсификации Троцкого и троцкистов.

Как человеку, живущему в конце 70-х годов, разобраться в том, кто прав? Ведь и протоколировалось тогда далеко не все, да и многие документы погибли, а другие спрятаны.

К счастью, существуют свидетельства, написанные по горячим следам событий, в первые годы после революции, когда некого еще было бояться и нечего скрывать. Первоиздания этих воспоминаний еще свободны от последующих искажений сталинской цензуры, от произвольных купюр и сделанных под давлением поправок. Эти первоиздания и по сей час находятся под запретом, но все же кое у кого они сохранились, и пока являются единственным надежным источником для восстановления исторической истины.

К таким источникам относится известная книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», заслужившая одобрение Ленина и запрещенная Сталиным. В этой книге отмечена руководящая роль Л.Д. Троцкого в Октябрьском восстании – и в этой книге даже не упоминается имя Сталина.

К таким источникам следует отнести и изданные в 1918, 1919, 1920 годах воспоминания Подвойского, Антонова-Овсеенко, Смилги, Раскольниковца, Невского, Механошина и других непосредственных активных участников восстания.

К таким источникам, опровергающим то, что сказано и написано им позже, к конфузу Сталина можно отнести и его собственное выступление в «Правде» в 1918 году, в годовщину Октября. Вот что писал он тогда:

«...Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана, прежде всего и главным образом, тов. Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками Троцкого». («Правда», 6.XI.1918)

К этому, пожалуй, добавить нечего.

5. Сталин и борьба Ленина с Зиновьевым

Поведение Зиновьева и Каменева накануне Октября широко известно. Напомним вкратце события. После того, как 10.X.1917 г. Центральный Комитет принял решение о восстании, Зиновьев и Каменев выступили в меньшевистской газете «Новая жизнь» против него, выдав по существу его дату. Ленин назвал их выступление «безмерной подлостью», «штрейк-брехерством» и потребовал их исключения из партии.

Сталин взял тогда Зиновьева и Каменева под защиту. Разделяя формально позицию Ленина и большинства ЦК, он напечатал в газете «Рабочий путь» (органе ЦК, который он редактировал вместе с Сокольниковым) письмо Зиновьева и примечание к нему редакции, составленное в примирительном духе:

«Мы в свою очередь выражаем надежду, что сделанным заявлением т. Зиновьева, (а также заявлением т. Каменева в Совете) вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи т. Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками».

Это заявление, написанное Сталиным и напечатанное от имени редакции, не было согласовано с соредктором Сталина Сокольниковым, который на заседании ЦК от 20.X заявил, что не принимал участия в этом заявлении и считает его ошибочным. («Протоколы ЦК РСДРП», изд. 1958 г., стр. 107) Пытаясь оправдать свой поступок перед возмущенными членами центрального комитета, Сталин говорил на пленуме ЦК: «Каменев и Зиновьев подчинятся решениям ЦК.....все наше положение противоречиво. Исключение – не рецепт, нужно сохранить единство; предлагаю обязать этих двух товарищей подчиниться, но оставить их в ЦК». (Там же)

Чем же объяснить такое поведение Сталина?

Только тем, что он занимал по существу меньшевистскую позицию, не верил в успех Октябрьского восстания, но в отличие от Каменева, упорно отстаивавшего свою линию, не решался открыто противостоять Ленину. С характерной для него хитростью Сталин старался обеспечить себе беспроигрышное положение. Точка зрения Ленина победила в партии – и Сталин примкнул к ней. Но еще не был решен вопрос, будет ли победоносным самое восстание – и Сталин на всякий случай решил заручиться расположением Каменева и Зиновьева.

6. О «конституционных иллюзиях»

Во всех официальных «трудах» по истории партии утверждается, что между Лениным и Троцким существовали непреодолимые расхождения по вопросу о сроках восстания.

Впервые это заявил в 1928 году Я. Яковлев в предисловии к протоколам II съезда Советов. Он писал: «...Большевики не поддались „конституционным иллюзиям“, отказались от предложения т. Троцкого приурочить восстание обязательно ко II-му съезду Советов». («Второй Всероссийский съезд Советов», Госиздат, 1928)

Откуда взялась версия о том, что Троцкий предлагал обязательно (?) приурочить восстание к съезду Советов, – неизвестно. Можно только предположить, что этот вымысел в ряду других был взят на вооружение в 1928 году для пущей компрометации Троцкого.

В 30-х годах формулировка Яковлева, самого уже бывшего кандидатом во «враги народа», разумеется, оказалась недостаточной. В «Кратком курсе», редактировавшемся самим Сталиным, вопрос о сроках восстания освещается так:

«Хотя Троцкий на этом заседании (речь идет о заседании ЦК 10.X 1917 г. – Авт.) прямо не голосовал против резолюции, но он предложил такую поправку, которая должна была свести на нет и провалить восстание. Он предложил не начинать восстания до открытия II-го съезда Советов, что означало затянуть дело восстания, заранее расшифровать день восстания, предупредить об этом Временное правительство». («Краткий курс», М.1945, стр. 196)

Как видим, здесь, в соответствии со сценариями, разработанными по заданию Сталина А.Вышинским для процессов над «врагами народа», Троцкий изображается уже не как «ошибающийся», страдающий «конституционными иллюзиями», а как провокатор, предатель, намеревающийся провалить восстание.

Миллионы читателей, читавших и «изучавших» «Краткий курс», впитывали эти формулировки, и они откладывались в их сознании. И откуда им было знать, что на деле ничего подобного не было, и что сам Сталин через два с половиной года после Октября, когда память о событиях была еще свежа, описывал эти события совершенно иначе!

Вот что говорил Сталин в своей речи в МК РКП(б), выступая по поводу 50-летия В.И.Ленина:

"В 1917 году, в сентябре... когда было созвано Демократическое Совещание и когда меньшевики и эсеры строили новое учреждение Предпарламент... в этот момент у нас в ЦК было решение не разгонять Демократическое Совещание и идти вперед по пути укрепления Советов, созвать съезд Советов, открыть восстание и объявить съезд Советов органом государственной власти. (Подч. мною. – Авт.) Ильич, который в то время находился вне Петрограда в подполье, не соглашался с ЦК и писал, что Демократическое совещание надо теперь же разогнать и арестовать...

Несмотря на все требования Ильича, мы не послушались его, пошли дальше по пути укрепления Советов и довели дело до съезда Советов 25 октября, до успешного восстания. Ильич был тогда уже в Петрограде. Улыбаясь и хитро глядя на нас, он сказал: «Да, вы, пожалуй, были правы».

Любопытно, что последний абзац приведенного выше отрывка из речи Сталина, произнесенной в 1920 году, совпадает с воспоминаниями Троцкого, написанными в 1924 году.

Рассказывая о появлении В.И. Ленина в Смольном в ночь на 25 октября, Троцкий приводит сказанные им в ту ночь слова: «Что ж, можно и так. Лишь бы взять власть». Ярославский в 1930 году с негодованием отверг достоверность этого рассказа Троцкого, забыв или не зная о выступлении Сталина в 1920 году. Но сопоставление этих воспоминаний двоих людей, очень скоро ставших непримиримыми врагами, убедительно опровергает все последующие измышления фальсификаторов.

Как видно из приведенной выше выдержки, Сталин в своей речи засвидетельствовал, что вопрос обсуждался еще в сентябре 1917 года, а не на заседании ЦК 10 октября, и что в этом вопросе ЦК был единодушен с Л.Д. Троцким. Да и не о том шла речь, чтобы «приурочить» восстание к съезду Советов. План ЦК, впоследствии и осуществленный (как известно, свержение Временного правительства произошло одновременно с открытием II съезда Советов 25 октября – и никакой катастрофы от этого не произошло) состоял в том, чтобы подготовить восстание и мобилизовать на него массы под лозунгом съезда Советов как высшего органа – и ударить в подходящий момент. Так, собственно, и произошло.

Следует отметить, что цитируемая речь Сталина вошла в 4-й том его собрания сочинений. Очевидно, 29/I-1953 года, когда составлялся этот том, все, включая и самого Сталина, уже забыли, сколько копий было сломано в свое время в попытках доказать антиленинскую позицию Троцкого в вопросе о сроках октябрьского восстания. Что, впрочем, не помешало Пospelову, возглавлявшему ИМЛ как раз тогда, когда выпускался 4-й том собрания сочинений Сталине, впоследствии, в 1969 году, снова возродить дутую версию о противоречиях между Лениным и Троцким в вопросе о сроках восстания. «Уже спустя несколько месяцев после вступления в большевистскую партию, – писал Пospelов в No12 журнала „Коммунист“ за 1969 г., – Троцкий пытался, вопреки предупреждениям Ленина, провести свою линию на оттяжку Октябрьского вооруженного восстания до съезда Советов». Вся мощная шеренга официальных историков (Минц, Пономарев, Старцев и др.) продолжает и сейчас муссировать версию о разногласиях между Лениным и Троцким по вопросу о сроках восстания.

К сожалению, официальных историков в этом вопросе поддержал и Рой Медведев, который в своей книге «К суду истории» тоже мимоходом упомянул о «разногласиях между Лениным и Троцким насчет условий и сроков восстания».

7. О «межрайонцах»

В официальных изданиях укрепились ложное изображение процесса слияния в 1917 году с партией большевиков возглавлявшейся Троцким группы «межрайонцев».

Вот как изображен этот процесс в «Кратком курсе»:

«Во время VI съезда партии „межрайонцы“ заявили, что они во всем согласны с большевиками и просят принять их в партию. Съезд удовлетворил их просьбу, рассчитывая на то, что они со временем могут стать настоящими большевиками. Некоторые из „межрайонцев“, например, Володарский, Урицкий и другие, действительно стали потом большевиками. Что касается Троцкого и его некоторых близких друзей, то они, как оказалось потом, вошли в партию не для работы в пользу партии, а для того, чтобы расшатывать ее и взорвать изнутри».

Так излагались события 1917 года через двадцать лет, в эпоху сталинских «процессов ведьм», а вот как они воспринимались современниками и участниками событий.

В своем докладе VI съезду партии по организационному вопросу Я.М. Свердлов сообщил съезду:

«На апрельской конференции было решено объединиться со всеми социал-демократами, которые на деле порвали с меньшевиками-оборонцами... В Петербурге существуют две интернационалистские организации: Петербургский комитет и Межрайонный комитет. Резолюции по основным вопросам той и другой организации ничем по существу не отличались. Вопрос об объединении (подч. мною. – Авт.) оставили до партийного съезда. Так что на настоящем съезде присутствуют и большевики, и межрайонцы. С приездом гг. Троцкого, Луначарского, Чудновского было организовано бюро из 5 человек (три от большевиков и два от „межрайонцев“), которое выступило от тех и других.» (VI съезд РСДРП(б), М, 1952, стр.7)

Таким образом, в 1917 году произошло объединение «межрайонцев» с большевиками, а не поглощение одной организации другой, требовавшее, по сталинской традиции, «разоружения» и «признания ошибок». Эти категории позднейшие, тогда они в партии в ходу не были. Объединялись для совместной революционной деятельности все подлинно революционные силы. Так это и понимал Ленин, который, в связи с выдвижением кандидатов в учредительное собрание, в своих тезисах от 8 октября 1917 года писал о Троцком:

«Никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста, во-вторых, боролся среди интернационалистов за слияние, в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата».

Сталин, добивавшийся в 1917 году объединения с Чхеидзе, Церетели и Даном, оболгал через двадцать лет Троцкого, проявившего себя, по свидетельству Ленина, подлинным пролетарским революционером.

Небезынтересно сделать еще одно сопоставление между утверждениями Сталина и его прихвостней с одной стороны и историческими документами – с другой.

Поспелов в «Коммунисте» № 12 за 1969 г. заявляет:

«Утратив всякое влияние в рабочем движении, Троцкий в 1917 году формально вступил в партию большевиков...»

Формально, значит? И – «утратив всякое влияние»?

А вот о чем свидетельствуют протоколы того же VI съезда партии. Как известно, VI съезд работал нелегально, и поэтому было постановлено состав избранного ЦК не оглашать. Но выступивший на съезде Серго Орджоникидзе предложил в порядке исключения огласить имена четырех членов ЦК, получивших наибольшее количество голосов, чтобы, как сказал он, «выразить солидарность съезда с избранными вождями партии». Съезд принял предложение Орджоникидзе, и он огласил следующий список:

«Избраны: т. Ленин, получивший 133 голоса из 134; т. Зиновьев – 132, т. Каменев – 131, т. Троцкий – 131 голос».

Этот документ лучше каких бы то ни было доводов опровергает клеветнический вымысел Поспелова насчет «утраты влияния» и «формального» вступления в партию.

8. Троцкий и Сталин в первые послеоктябрьские дни

На заседании Петроградского комитета партии 1 (11) ноября 1917 года Зиновьев и Каменев продолжали утверждать, что партия большевиков не в состоянии удержать власть без коалиции с меньшевиками и эсерами. Ленин в речи на этом заседании, высмеивая их позицию, сказал, что о таком соглашении (с меньшевиками и эсерами) он даже не может говорить серьезно. «Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика».

Эта речь Ленина до сих пор не опубликована, и протокол этого заседания Петроградского комитета партии не увидел света в нашей стране. В сборник протоколов Петроградского комитета, изданный под названием «Первый легальный ЦК большевиков в 1917 году», он, разумеется, не вошел – именно из-за этой речи Ленина и содержащейся в нем характеристики Троцкого.

Копия этого протокола находилась в архиве Л.Д. Троцкого, который напечатал ее в «Бюллетене» No 7 (ноябрь-декабрь 1929 г.), отозвавшись там же о позиции Сталина в 1917 году как о позиции «центриста, боявшегося Ленина».

9. О Брестском мире

По этому поводу Сталиным и его придворными историками распространено особенно много легенд, имеющих хождение до сих пор. Главные из них – легенда о предательстве Троцкого и Бухарина и легенда о выдающейся якобы роли Сталина в спасении революции от угрожавшей ей катастрофы.

Предательства, разумеется, никакого ни с чьей стороны не было. Были острейшие разногласия в руководстве партии по вопросу о том, продолжать ли войну или заключать мир, – разногласия, угрожавшие расколом партии и тем самым поражением революции. Что же касается «выдающейся» якобы роли Сталина, то он не только выдающейся, но и никакой роли тогда не играл в партии и в стране. Как всегда в острые моменты, он занимал центристскую позицию, болтаясь между двумя течениями и выжидая, какое из них победит, чтобы примкнуть к победителям.

Попробую доказать это, основываясь на принятом в этой книге методе: сопоставляя вымыслы сталинских историков с подлинными документами.

В «Кратком курсе» утверждается:

«10 февраля 1918 года мирные переговоры в Брест-Литовске были прерваны. Несмотря на то, что Ленин и Сталин от имени ЦК партии настаивали на подписании мира, Троцкий, будучи председателем советской делегации в Бресте, предательски нарушил директивы партии».

Это – ложь, и тому есть документальные доказательства – протоколы заседаний ЦК. В протоколе от 11/24 января 1918 года, т. е. за две недели до прекращения мирных переговоров, отражена состоявшаяся в ЦК дискуссия по вопросу о мире и записаны данные о результате голосования. Вот эти данные (приводим выдержку из протоколов):

"Тов. Троцкий предлагает поставить вопрос: собираемся ли мы призывать к революционной войне? Ставится на голосование.

За – 2, против – 11, воздержался – 1.

Тов. Ленин предлагает поставить на голосование, что мы всячески затягиваем подписание мира. Ставится на голосование.

За – 12, против – 1,

Тов. Троцкий предлагает поставить на голосование следующую формулу: мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем.

Ставится на голосование.

За – 9, против – 7".

(«Протоколы ЦК РСДРП(б)», М., 1958, стр. 173)

Необоснованность обвинений Л.Д. Троцкого в самовольном прекращении переговоров приведенным выше документом доказана полностью.

В течение длительного времени усиленно муссировалась легенда, приписывавшая то Троцкому, то Бухарину в период дискуссий о Брестском мире намерение отстранить, арестовать и даже убить Владимира Ильича. В период «пика» сталинских репрессий последняя версия вошла даже в популярный фильм «Ленин в 1918 году». На процессе 1938 года Н.И. Бухарину прямо было предъявлено обвинение в том, что в 1918 году он намеревался отстранить и убить Ленина, а председателем Совнаркома сделать «левого коммуниста» Р. Пятакова.

Легенда эта родилась не в тридцатые годы, тогда она была лишь соответствующим образцом «подана» так, чтобы изобразить подсудимых и всех вообще преследуемых большевиков диверсантами, террористами, «врагами народа». Распространять же ее начали в 1923–1924 гг., во время внутривнутрипартийной дискуссии, чтобы создать у массы членов партии возмущение тем, до чего может довести путь оппозиции. Характерно при этом, что в разные периоды по-раз-

ному трактовалась роль различных участников группы «левых коммунистов», а об одном из самых резких противников подписания мира, особенно рьяно выступавшем против Ленина Ф.Э.Дзержинском, почти ничего не говорилось ни в 20-х, ни в 30-х годах. О поддержке же позиции Троцкого, скажем, Куйбышевым и Фрунзе официальная история вообще молчит.

Известно, что в период наиболее острой дискуссии В.И. Ленин по вопросу о мире оказался в меньшинстве. Против его позиции выступали: Троцкий, Бухарин, Дзержинский, Фрунзе, Куйбышев, Бубнов, С. Коссиор, Ломов, М. Покровский, Иоффе, Крестинский, Урицкий, В.Смирнов, Ольминский, Осинский, Пятаков, Преображенский и другие. Однако ни о каком отстранении, а тем более аресте, и речи, конечно, не было. Даже со стороны Дзержинского, который, как видно из протоколов ЦК, утверждал, что «подписание мира есть капитуляция всей нашей программы», что «тов. Ленин в скрытом виде делает то, что в Октябре делали Зиновьев и Каменев» и что решение можно было бы принять в том случае, «если бы партия была достаточно сильна, чтобы вынести раскол и отставку Ленина». («Протоколы ЦК РСДРП(б)», стр. 172 и 212).

Откуда же пошла легенда о намерении противников Ленина в партии отстранить и арестовать его?

Ответ на этот вопрос можно найти в № «Правды» от 3 января 1924 года. В этом номере напечатано письмо в редакцию девяти бывших «левых коммунистов» Г. Пятакова, Ин. Стукова, К.Радека, В.Яковлевой, В.Смирнова, М.Покровского, Е.Преображенского, Шевардина, В.Максимовского. Большинство подписавших письмо принадлежали в то время к сторонникам левой оппозиции, но были среди них и сторонники большинства ЦК, например М.Покровский.

Привожу выдержки из этого письма.

"Уважаемые товарищи! С легкой руки тов. Бухарина в партии распространяется легенда о переговорах левых коммунистов с левыми эсерами в 1918 году относительно свержения и ареста тов. Ленина и избрании нового Совета народных комиссаров.

В виду того, что дело изображается совсем не так, как оно было на самом деле, в интересах восстановления исторической истины и в целях противодействия извращению истории нашей партии, мы, бывшие участники фракции левых коммунистов, считаем себя обязанными изложить те два совершенно незначительных инцидента, которые могли подать тов. Бухарину, а за ним и гг. Зиновьеву и Сталину мысль о якобы имевших место переговорах о свержении Совнаркома и об аресте Ленина".

...Во время заседания ЦИК... к Пятакову и Бухарину во время речи Ленина подошел левый эсер Камков. Во время разговора, который не только не имел характера каких-либо официальных переговоров, но не имел даже характера предварительного, делового, взаимно прощупывающего разговора, Камков между прочим полусхвату сказал:

– Ну, что же вы будете делать, если получите в партии большинство? Ведь Ленин уйдет, и тогда нам с вами придется составлять новый Совнарком. Я думаю, что председателем Совнаркома мы выберем тогда тов. Пятакова".

..."Предложение" левых эсеров не только не было с негодованием отвергнуто, но оно вообще не отвергалось, так как не обсуждалось, ибо никакого предложения левых эсеров левым коммунистам не было". (Подчерк. мной. – Авт.)

"...Позже, уже после заключения Брестского мира... имел место второй случай, точно так же не имевший абсолютно никакого значения. Тов. Радек зашел к тогдашнему Наркомпочтелю – левому эсеру Прошьяну. Прошьян, смеясь, сказал Радеку:

– Вы все резолюции пишете. Не проще ли было бы арестовать на сутки Ленина, объявить войну немцам и после этого снова единодушно избрать Ленина председателем Совнаркома?

Прошьян тогда говорил, что, разумеется, Ленин, как революционер, будучи поставлен в необходимость защищаться от наступающих немцев, всячески ругая нас и вас, тем не менее, лучше кого бы то ни было поведет оборонительную войну.

Опять-таки, это «предложение» не только не было левыми коммунистами отвергнуто, но оно также не обсуждалось – как совершенно анекдотическая и смехотворная фантазия Прошьяна. Любопытно отметить, что еще в 1918 году, еще до восстания левых эсеров, когда после смерти Прошьяна Ленин писал о последнем некролог, тов. Радек рассказал об этом случае тов. Ленину, и последний хохотал по поводу такого плана".

Да, история шутит невеселые шутки! В 1923 году Н.И. Бухарин счел уместным вспомнить шуточные разговоры левых эсеров Камкова и Прошьяна с Пятаковым и Радеком для того, чтобы набросить некоторую тень на своих бывших соратников по фракции левых коммунистов, оказавшихся в 1923 году в оппозиции к Сталину, которого Бухарин тогда поддерживал. Мог ли он думать, что не пройдет и пятнадцати лет – и Сталин включит эти шуточные разговоры в обвинительное заключение против Бухарина, которому всерьез будет приписано намерение убить Ленина.

В шеститомной истории КПСС совершенно неверно трактуется суть, смысл разногласий между Лениным и его оппонентами по вопросу о мире. Так, не соответствует действительности следующее утверждение: «Борьба за заключение мира в начале 1918 года представляла, в сущности, борьбу за сохранение диктатуры пролетариата». («История КПСС», т. III, кн.1-я, стр. 521).

Нет, не вокруг этого шла борьба. Никакого противостояния по этому вопросу между фракциями не было. И Ленин, и Троцкий, и Бухарин считали главным не сохранение диктатуры пролетариата в России, а обеспечение победы мировой революции, во имя чего следует, если потребуется, пойти даже на утрату пролетарской власти в России. Противоположные тенденции, правда, уже тогда замечались у Сталина. Так, выступая против Бухарина и Троцкого на заседании ЦК 24.1.1918 г. Сталин говорил: «Революционного движения на Западе нет, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться».

Но это говорил Сталин. Ленин тут же резко возразил ему: «...Я не согласен... со своими единомышленниками. С одной стороны, конечно, на Западе есть массовое движение, но революция там еще не началась. Однако если бы в силу этого мы изменили бы свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму». Здесь же Ленин возражает Зиновьеву, который допускает, что «миром мы усилим шовинизм в Германии и на некоторое время ослабим движение на Западе». «Если, – говорил Ленин, – мы верим в то, что германское движение может развиваться немедленно в случае перерыва мирных переговоров, то мы должны пожертвовать собой, ибо германская революция по силе будет гораздо выше нашей». ("Протоколы ЦК РСДРП(б), No 37, стр. 171–172).

Из приведенных выше цитат явствует, что Ленин, в отличие от Сталина и его последователей, вовсе не считал главной целью упрочение власти Советов и сохранение диктатуры пролетариата в России, как утверждают авторы шеститомной истории КПСС. Главной для него была победа мировой революции. Как, впрочем, и для его оппонентов. Разногласия Ленина с Троцким, Бухариным, Дзержинским и другими заключались в том, что последние считали неподписание мира и обращение за помощью к мировому пролетариату наиболее верным путем развязывания мировой революции. Ленин же считал, что поскольку ни в одной из крупных европейских стран нет непосредственной революционной ситуации, позволяющей надеяться на быструю поддержку, было бы ошибкой утратить власть в России. Организовать же оборону в условиях развала армии в то время было невозможно. Ленин говорил:

«Нам важно задержаться до появления общей социалистической революции, а этого мы можем достигнуть только заключив мир».

Как видим, во всех официальных историях КПСС нарочито искажена главная мысль Ленина, лежавшая в основе его борьбы за заключение мира.

Расстановка сил при решающем голосовании известна: за подписание мира на условиях Германии голосовало 7 членов ЦК (Ленин, Стасова, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольни-

ков, Смилга), против – 4 (Бухарин, Бубнов, Ломов, Урицкий); воздержались тоже четверо (Троцкий, Дзержинский, Крестинский, Иоффе). Предложение Ленина было принято, мир подписан, и раскол партии удалось предотвратить.

Это удалось сделать только потому, что четверо воздержавшихся, хотя и придерживались ошибочной точки зрения, не стали голосовать против именно потому, что опасались раскола партии. Это относится в одинаковой мере ко всем четверым. Однако сталинские фальсификаторы не жалели сил, чтобы сосредоточить огонь именно на Троцком. Вот что говорится об этом решающем голосовании в шеститомной истории КПСС:

"Дзержинский, Иоффе, Крестинский, хотя и не отказались целиком от своей «левой» точки зрения, однако, почувствовав угрозу раскола для партии, при голосовании воздержались. Троцкий продолжал упорствовать, утверждая, что возможности революционной войны не исчерпаны, но «так как единодушия нет, я не возьму на себя ответственность голосовать за войну».

Авторы этой интерпретации явно намекают на то, что Троцкий пошел на уступки и воздержался только потому, что в его фракции не было единодушия, и он остался в одиночестве. Но это – безусловная передержка: Троцкий, конечно, имел в виду отсутствие единодушия в партии. Он так и мотивировал свое воздержание:

"Вести революционную войну при расколе партии мы не можем. Приходится считаться не только с международными отношениями, но при создавшихся условиях наша партия не в силах руководить войной, тем более что часть сторонников войны не хочет материальных средств для ведения войны.

...С точки зрения внутренней политики нет той дилеммы, которую изображает Ленин, но с точки зрения международной можно было бы многое выиграть. Но нужно было бы максимальное единодушие. Раз его нет, я на себя не возьму ответственности голосовать за войну". («Протоколы...», No 45, стр. 211–212).

Как видим, тональность выступления Л.Д. Троцкого совершенно не та, которую пытаются изобразить сталинские фальсификаторы. Не так все было в действительности, как трактуют они: никто из единомышленников Троцкого не шел на раскол с ним, и наиболее резкую позицию против ленинской точки зрения занимал во фракции Троцкого не Троцкий, а Дзержинский, который как раз и заговорил о гипотетической возможности отставки Ленина.

«Передышки не будет, – говорил Дзержинский (см. тот же протокол No 45 от 25.II. 1918 г., стр. 212), – наше подписание, наоборот, будет усилением германского империализма. Подписав условия, мы не гарантируем себя от новых ультиматумов. Подписывая этот мир, мы ничего не спасем. Но согласен с Троцким, что если бы партия была достаточно сильна, чтобы вынести развал и отставку Ленина, тогда можно было бы принять решение, теперь – нет».

Сам Л.Д. Троцкий через несколько месяцев после подписания мира, выступая 3-го октября 1918 года на экстренном соединенном заседании высших органов советской власти, говорил:

«Я считаю в этом авторитетном собрании долгом заявить, что в тот час, когда многие из нас, и я в том числе, сомневались, нужно ли, допустимо ли подписывать Брест-Литовский мир, только тов. Ленин с упорством и несравненной прозорливостью утверждал против многих из нас, что нам нужно через это пройти, чтобы дотянуть до революции мирового пролетариата. И теперь мы должны признать, что правы были не мы». Стенограмма отмечает в этом месте «продолжительные овации».

В своих воспоминаниях, изданных в 1930 году в Берлине издательством «Гронин», том II, стр. 120, Л.Д. Троцкий, рассказывая об этом, писал:

«Партия хотела этим показать, что понимает и ценит мое отношение к Ленину, чуждое какой бы то ни было мелочности или ревности. Я слишком ясно сознавал, что значил Ленин для революции, для истории и – для меня лично. Он был моим учителем. Это не значит, что

я повторял с запозданием его слова и жесты. Но я учился у него приходить самостоятельно к тем решениям, к каким приходил он».

Какую же позицию по вопросу о Брестском мире занимал Сталин?

Как всегда – центристскую.

19 января 1918 г. он говорил, что «выход из нашего положения дает нам средняя точка зрения – позиция Троцкого». Но здесь же он предлагал созвать совещание представителей разных точек зрения и на нем добиться «ясности». Добился ли он «ясности» – хотя бы для себя в вопросе о том, подписывать или не подписывать мир, к заседанию ЦК 23 февраля 1918 года? Трудно сказать, ибо на этом заседании Сталин выступил дважды. В первом своем выступлении он сказал, что «мира можно не подписывать, но начать мирные переговоры», во втором – что «мы немедленно должны подписать эти условия» (то есть мир). На одном заседании – два противоположных предложения!

В «Кратком курсе» платформы и поведение Троцкого и Бухарина в период Брестской дискуссии названы «предательскими». «Они, – сказано там, состояли тогда в тайном заговоре против советского правительства... ставили себе цель сорвать Брестский мирный договор, арестовать В.И. Ленина, И.В. Сталина, Я.М. Свердлова, убить их и сформировать новое правительство». Приведенные выше документы неопровержимо доказывают вздорность этой клеветы, которую и по сейчас продолжают распространять сталинские фальсификаторы, приклеивая ошибочной позиции Троцкого и Бухарина ярлык «предательская».

10. Военная оппозиция

Документы, освещающие деятельность «военной оппозиции», открыто выступившей на VIII съезде партии, а до того порядком лихорадившей Красную Армию, до сих пор не опубликованы. Прошло более шестидесяти лет с того закрытого заседания VIII съезда, на котором обсуждались военные вопросы, и если тогда, в условиях жестокой войны с врагом, эта закрытость была вполне оправданна, то сейчас ей нет иного объяснения, как нежелание сталинских фальсификаторов открыто признать, что они в угоду Сталину шли на ложь и подлоги.

Суть разногласий заключалась в том, что ряд руководящих военных партийцев выступали против линии партии на использование в строительстве Красной Армии старых военных специалистов. Оппозиция эта сформировалась на царьцынском фронте, под руководством Сталина и Ворошилова, причем Сталин действовал по своему обычаю закулисно: в Царицыне он проводил «антиспецовскую» линию и ориентировал на нее кадры, но на VIII съезде партии за предложения оппозиции не голосовал. На этом основании официальные историки отрицали и продолжают отрицать тот факт, что Сталин был активным участником военной оппозиции.

Понадобилось это для того, чтобы трактовать военную оппозицию как продукт деятельности Троцкого, то есть вывернуть все наизнанку. Поэтому и скрываются документы, свидетельствующие о том, что Троцкий вместе с Лениным отстаивал линию партии на привлечение военных специалистов, а Сталин действовал против этой линии.

По сути дела это подтверждается позднейшими свидетельствами самого Ворошилова, а косвенно – и Сталина, разрешившего эти свидетельства публиковать. Так, Ворошилов в своей статье «Сталин и Красная Армия», опубликованной в «Правде» 21 декабря 1949 г., в день 70-летия Сталина, приводит следующие слова:

«Если бы наши военные „специалисты“ (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана, а если линия будет восстановлена, то не благодаря военным специалистам, а вопреки им».

Эта цитата хорошо иллюстрирует мнение, высказанное Троцким в его автобиографии: "одной из основ военной оппозиции была мужицкая ненависть к «спецам».

Характеризуя Ворошилова и подобных ему, Троцкий там же писал: «Это худший тип командира. Они всегда невежественны, но не хотят учиться. Своим неудачам – а откуда быть у них удачам – они всегда ищут объяснения в чужой измене... Цепко держась за свои посты, они с ненавистью относятся к самому упоминанию о военной науке. Для них она отождествляется с изменой и предательством».

В той же юбилейной статье Ворошилова приводится документ, подтверждающий, что Сталин, вопреки Троцкому, настаивавшему на том, чтобы создать военным специалистам условия для плодотворной работы, проводил линию военной оппозиции, игнорируя «спецов» и преследуя их. Чтобы доказать, какой Сталин уже тогда был «антитроцкист», Ворошилов приводит следующую выдержку из записей белогвардейца-перебежчика Носовича:

«Характерной особенностью этого разгона было отношение Сталина к руководящим телеграммам из Центра. Когда Троцкий, обеспокоенный разрушением с таким трудом налаженного им управления округов, прислал телеграмму о необходимости оставить штаб и комиссариат на прежних условиях и дать им возможность работать, то Сталин сделал категорическую и многозначительную надпись на телеграмме: „Не принимать во внимание“. Так эту телеграмму и не приняли во внимание, а все артиллерийское и штабное управление продолжает сидеть на барже в Царицыне».

Только после XX съезда КПСС, и то не полностью, стала прорываться правда о военной оппозиции и поведении Сталина. Но и до сих пор нигде не опубликовано то, что говорили старые большевики и военные деятели об этом в ИМЛ на обсуждении макета III тома «Истории

КПСС» и на обсуждении книги А. Некрича. «Июнь 1941 года». Так, старый большевик Снегов говорил:

«Авторы III тома пишут, что военная оппозиция – это продукт деятельности Троцкого. Это объективное оправдание оппозиции. Военная оппозиция – это продукт сталинской деятельности».

А работник генштаба Анфилов, выступая на обсуждении книги Некрича, заявил:

"Прежде всего, о чести Ворошилова и Буденного. Ее не было и нет... Многие материалы, хранящиеся в наших архивах... вынуждают к резко отрицательным выводам в отношении их деятельности. Так, в середине 1937 года в одном очень представительном собрании Сталин говорил: «Вот мы с Ворошиловым приехали в Царицын в 1918 году и в течение недели разоблачили всех врагов народа». Это он сказал о многих офицерах штаба СКВО и фронта.

(Голос с места: «И всех без суда утопили на барже»). И дальше Сталин сказал: «А вот вы не можете разоблачить даже своих соседей». После него выступил Ворошилов и всемерно поддержал Сталина, призывая доносить на своих товарищей и сослуживцев".

Но и это выступление Анфилова, как и документы, о которых он упоминает, как и стенограммы обсуждения макета III тома «Истории КПСС» и книги Некрича, до сих пор остаются засекреченными. И до сих пор во всех официальных историях партии отрицается принадлежность Сталина к военной оппозиции.

Есть только одно-единственное исключение. В изданном в 1970 году «Ленинском сборнике» № 37 черным по белому напечатано:

«Между Сталиным, Мининым и Ворошиловым с одной стороны, Сытиным и Механошиным с другой (все пять перечисленных товарищей входили в состав Военного совета Южного фронта) с самого начала возникли острые разногласия. Суть их состояла в нежелании царицынских работников считаться с линией партии на использование старых военных специалистов в строительстве Красной Армии, в попытках ввести отвергнутое партией коллегиальное управление войсками». (Подч. мною. – Авт.)

Это и была линия оппозиции, и именно потому, что Сталин проводил ее вопреки линии партии, проводившейся Реввоенсоветом РСФСР, он и был в конце концов отозван с Южного фронта, о чем прямо не говорится даже в цитируемом выше «Ленинском сборнике». Правда, из того, что там говорится, понять это можно:

«В целях исправления положения был образован новый Реввоенсовет Южного фронта в составе командующего фронтом П.П. Сытина и членов совета К.А. Механошина и Б.В. Леграна. 19 октября И.В. Сталин выехал в Москву». (Сборник, стр. 106–107).

11. Сталин и Красная Армия

Сталин в Царицыне

Начало конфликта между Троцким и Сталиным относится к 1918 году со столкновения по вопросу о методах управления армией и об отношении к военным специалистам. Кульминационным пунктом этого столкновения тогда было выступление военной оппозиции на VIII съезде партии, где она потерпела поражение. Сталин вынужден был отступить («отскочить» от оппозиции, как выразился впоследствии Троцкий). Попыткам Сталина, Ворошилова и других представителей «военной оппозиции» выдать политику военного ведомства за «личную политику» Троцкого, противопоставить ее политике ЦК, дали решительный отпор и лично Ленин, и центральный Комитет в целом. Когда на VIII съезде партии с такими обвинениями в адрес Троцкого выступил Ф. Голощекин, В.И. Ленин ответил ему так:

«...здесь выступал т. Голощекин, он сказал: политика ЦК не проводится военным ведомством. Если вы такие обвинения ставите, если вы, выступая ответственным оратором на партийном съезде, можете Троцкому ставить обвинения в том, что он не проводит политику ЦК, – это сумасшедшее обвинение. Вы ни тени доводов не приведете. Если вы это докажете – ни Троцкий не годится, ни ЦК. Какая же это партийная организация, если она не может добиться, чтобы проводилась ее политика. Это невероятнейший пустяк». («Ленинский сборник», No XXXVII, стр. 136).

В декабре 1918 года вопрос этот обсуждался Центральным Комитетом партии, и по нему было вынесено следующее специальное постановление ЦК РКП(б):

«В виду того, что в некоторых рядах партии распространяется мнение, будто политика военного ведомства есть продукт личных воззрений отдельных товарищей или отдельной группы, причем такого рода заявления проникают на страницы печати, – ЦК РКП(б) считает необходимым в самой категорической форме подтвердить то, что для наиболее ответственных и опытных работников в партии не могло вообще стоять под сомнением, именно, что политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее ЦК и под его непосредственным контролем». («КПСС о вооруженных силах Советского Союза. Документы 1917–1958», М. 1969, стр.35).

Кажется, все ясно? Но в 30-х-40-х годах эти документы были засекречены и не издавались. А издавались «Краткий курс» и «Краткая биография И.В. Сталина», в которых история гражданской войны и отдельные ее эпизоды излагались под углом зрения именно той концепции, против которой так горячо возражали В.И. Ленин и Центральный Комитет партии. Согласно этой концепции, Троцкий был предатель и враг, и гражданская война была выиграна только благодаря гению Сталина. Так, в «Краткой биографии» Сталина говорилось:

«Соединение в одном лице прозорливости вождя и таланта полководца позволило Сталину разгадать роль Царицына, как места главного удара со стороны контрреволюции... Беспощадно ломая сопротивление контрреволюционных специалистов, присланных и поддерживаемых Троцким, Сталин быстрыми и решительными мерами реорганизовал разрозненные отряды... Железная воля и гениальная прозорливость Сталина отстояли Царицын, не дали белым прорваться на Москву». («Краткая биография», М.1947, стр. 72–73).

Обратимся опять к документам, принадлежащим той эпохе, о которой идет речь. Они свидетельствуют о том, что именно Сталин и его интриги были причиной всех неурядиц, происшедших на Царицынском фронте. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма, посланная Троцким Ленину 4.X.1918 года:

«Москва предсовнаркома Ленину из Тамбова. Категорически настаиваю на отозвании Сталина. На Царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией в 50 тысяч солдат... До сего дня Царицын не посылает Козлов даже оперативных донесений. Я обязал их дважды в день представлять оперативные и разведывательные сводки. Если завтра не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и Минина и объявлю об этом в приказе по армии... Без координации действий с Царицыным серьезные действия невозможны. Для дипломатических переговоров времени нет. Царицын должен либо подчиниться, либо убраться. У нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия на верхах. С этим можно совладать в 24 часа, при условии вашей твердой и решительной поддержки. Во всяком случае, это единственный путь, который я вижу для себя. Но 552. Троцкий».

Следующая телеграмма, помеченная 5 октября (т. е. на другой день) гласит:

"Москва Ленину. Мною получена следующая телеграмма: «Боевой приказ Сталина No 118 надо приостановить исполнением. Командующему Южным фронтом Сытину мною даны все указания. Действия Сталина разрушают все мои планы... 01258 Главком Вацетис, член РВС Данишевский. Троцкий Козлов 5.X.1918 г.».

Вскоре после этого Сталин был убран из Царицына, а вслед за этим и Ворошилов переведен на Украину.

Сталин и Ворошилов на Украине

По прибытии на Украину бывшая царицынская группировка возобновила свои интриги против РВС республики. 10 января 1919 г. Л.Д. Троцкий шлет по этому поводу следующую телеграмму на имя председателя ЦИК Я.М. Свердлова:

«Заявляю в категорической форме, что царицынская линия, приведшая к полному распаду Царицынской армии, на Украине допущена быть не может... В среде украинцев развал, борьба клик за отсутствием ответственных и авторитетных руководителей. Окулов выезжает в Москву. Предлагаю Вам и тов. Ленину внимательнейшим образом отнестись к его докладу о работе Ворошилова. Линия Сталина, Ворошилова и Рухимовича означает гибель всего дела. ПредРВС Л.Троцкий».

Ленин был огорчен резкостью тона Троцкого по отношению к Ворошилову и Межлауку. Он считал, что нужен компромисс. Одновременно он строжайшим образом потребовал от Ворошилова точного выполнения всех распоряжений Реввоенсовета и его председателя Л.Д.Троцкого.

В результате нажима Ленина и его посредничества между командованием 2-й армией и Реввоенсоветом Республики установились нормальные, деловые отношения. К сожалению, они длились всего пять месяцев. В июне 1919 года Ленин получил от Троцкого следующую телеграмму:

«Домогательства некоторых украинцев объединить Укрармию (2-я армия), тринадцатую и восьмую в руках Ворошилова совершенно несостоятельны. Нам нужно не донецкое оперативное единство, а общее единство против Деникина... Идея военной и продовольственной диктатуры Ворошилова есть результат донецкой самостийности, направленной против Киева и Южфронта. Не сомневаюсь, что осуществление этого плана только усилило бы хаос и окончательно убило бы оперативное руководство. Прошу потребовать от ЦК, чтобы Ворошилов и Межлаук выполняли вполне реальную задачу, которая им поставлена: создать крепкую вторую Укрармию... 1-го июня 1919 г. Предреввоенсовета Троцкий».

Получив эту телеграмму, В.И. Ленин в тот же день в свою очередь телеграфировал:

"Харьков Межлауку, Ворошилову, Мельничанскому, Артему, Каминскому, Троцкому:

Политбюро ЦК собралось первого июня и, вполне соглашаясь с Троцким, решительно отвергает план украинцев объединить вторую, восьмую и тринадцатую армии, создавать донецкое единство. Мы требуем, чтобы Ворошилов и Межлаук выполняли свою непосредственную работу создания крепкой украинской армии. Завтра или послезавтра Троцкий в Изюм вызовет вас и подробнее распорядится... По поручению бюро ЦК Ленин 1-го июня 1919 г. №350". (ПСС Ленина, т.50, стр. 333).

Сталин в Перми

В цитированной выше юбилейной статье «Сталин и Красная Армия» Ворошилов писал: "Ленин телеграфировал тогдашнему председателю РВСР: «Есть ряд партийных сообщений из-под Перми о катастрофическом состоянии армии и о пьянстве. Я думаю послать Сталина – боюсь, что Смилга будет мягок к...., который тоже, говорят, пьет и не в состоянии восстановить порядок».

И дальше Ворошилов пишет, что одна из причин сдачи Перми была в «преступном способе управления фронтом со стороны Реввоенсовета Республики».

Доказательств преступности или хотя бы ошибочности управления фронтом со стороны РВСР, разумеется, не приводится: в 1949 году можно было писать о Троцком все что угодно без всяких доказательств. Но для того, чтобы сделать свое обвинение хоть мало-мальски убедительным, Ворошилов идет на подлог: он выбрасывает из текста телеграммы Ленина Троцкому три фразы – всего десять слов.

В «Бюллетене» № 12–13 дан подлинный текст, который мы печатаем ниже. Пропущенные Ворошиловым слова Ленина подчеркнуты:

"Козлов или по месту нахождения Предреввоенсовета Троцкого. Москва 31 декабря 1918 года № 6684.

Есть ряд партийных сообщений из-под Перми о катастрофическом состоянии армии и о пьянстве. Посылаю их вам. Просят вас приехать туда. Я думаю послать Сталина, боюсь, что Смилга будет мягок к...., который, говорят, тоже пьет и не в состоянии навести порядок. Телеграфируйте ваше мнение. Ленин".

Исключение из телеграммы Ленина этих десяти слов придает ей противоположный смысл. Из текста, адаптированного Ворошиловым, можно сделать вывод, что Ленин делает выговор Троцкому за беспорядки в его ведомстве. Из подлинного текста ясно, что Ленин советуется с Троцким, как лучше наладить дело.

В том же № «Бюллетеня» приведен ответ Троцкого на телеграмму Ленина:

«По оперативным донесениям III-й армии я заключил, что там полная растерянность верхов, предложил сменить командование. Решение затянулось. Сейчас считаю смену неотложной. Вполне разделяю ваши опасения относительно чрезмерной мягкости выехавшего товарища. Согласен на поездку Сталина с полномочиями партии и Реввоенсовета республики... Предреввоенсовета Троцкий».

Приведенные документы говорят о тесном сотрудничестве Ленина и Троцкого и опровергают утверждения Ворошилова относительно «преступного способа управления фронтом со стороны Троцкого».

Сталин на Петроградском фронте

К числу наиболее усиленно распространявшихся сталинистами относится миф о выдающейся якобы роли Сталина в разгроме Юденича под Петроградом в 1919 году. Вот что говорится об этом в «Краткой биографии» Сталина:

«...Красный фронт дрогнул, и враг прорвался к самому Петрограду. Для организации отпора белым ЦК послал Сталина. Сталин быстро ликвидировал растерянность, беспощадно уничтожил врагов и изменников. Угроза Петрограду была ликвидирована». («Краткая биография», стр. 75).

Верно, что для организации отпора Юденичу ЦК послал сначала Сталина. Но неверно, что он этот отпор сумел организовать. Можно поверить и в то, что он беспощадно уничтожал людей – это он умел! – хотя вряд ли можно утверждать, что все эти люди были изменниками. Но несомненным фактом является то, что ликвидировать угрозу Петрограду Сталин не смог, ибо был он под Петроградом только в мае-июне 1919 г., а кульминационный пункт угрозы Питеру был в октябре-ноябре, и ликвидацией этой угрозы занимался лично Троцкий, чему есть документы. Теперь некоторые из этих документов опубликованы в пятом издании собрания сочинений В.И. Ленина, и с ними может познакомиться каждый. Но тогда, в 30-х-40-х годах они были засекречены, и о них не знал никто. Это позволило сталинским угодникам бесстыдно приписать ему честь разгрома армии Юденича.

Чтобы убедиться, как обстояло дело в действительности, достаточно ознакомиться с одним из этих документов – с телеграммой, посланной Лениным Троцкому в октябре 1919 года:

"Л.Д. Троцкому 17-Х-1919 года.

Тов. Троцкий! Вчера ночью провели в Совете обороны и послали вам шифром постановление Совета обороны.

Как видите, принят ваш план.

Но отход питерских рабочих на юг, конечно, не отвергнут. Об этом говорить раньше надобности значило бы отвлечь внимание от борьбы до конца. Попытка обхода и отрезывания Питера, понятно, вызовет соответствующие изменения, которые вы проведете на месте...", и т. д. (ПСС В.И. Ленина, т.51, стр.61).

Из приведенного выше текста явствует, что в октябре 1919 г. не была еще исключена опасность обхода и отрезывания Петрограда и возможная необходимость эвакуации питерских рабочих. О какой же ликвидации Сталиным угрозы Петрограду в мае можно говорить?

В своих воспоминаниях, уже цитировавшихся нами, Л.Д. Троцкий писал:

"Наступление Юденича приурочено было к такому моменту, когда нам приходилось и без того смертельно трудно... Ленин пришел к выводу, что успешно бороться против офицерской армии Юденича, вооруженной по последнему слову техники, мы могли бы только ценою оголения и ослабления других фронтов, прежде всего южного. Но об этом не могло быть и речи. Оставалось, по его мнению, одно: сдать Петроград и сократить фронт. Придя к выводу о необходимости такой ампутации, Ленин принялся перетягивать на свою сторону других. Прибыв в Москву с юга, я решительно атаковал Ленина. В конце концов, он сказал: «Что ж, давайте попробуем».

15 октября Политбюро приняло мою резолюцию о положении на фронтах... В тот же день я внес в Совет Обороны проект постановления: «Защищать Петроград до последней капли крови, не уступая ни одной пяди и ведя борьбу на улицах города».

В тот же день я получил телеграмму Ленина". (которая приведена нами по 51 тому собрания сочинений Ленина. – Автор)

Из этой же телеграммы следует, что на месте находился и ликвидацией угрозы занимался Троцкий, которому Ленин поручает в случае необходимости внести соответствующие изменения в его, Троцкого, план, принятый Советом Обороны.

В свое время усиленно распространялась телеграмма Сталина В.И. Ленину от 16 июня 1919 года, в которой он со свойственным ему грубым хвастовством и пренебрежением к военным специалистам утверждал, что вопреки «так называемой науке» взял Красную Горку с моря, хотя морские специалисты утверждали, что это невозможно.

«Быстрое взятие Горки, – писал он в этой телеграмме, – объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязыванием моих собственных. Считаю своим долгом заявить, – заканчивал он, – что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой. Сталин 16-6-14 часов».

Это письмо печаталось многократно, как доказательство гениальности и решительности Сталина. Но... не печатались пометки Ленина на этой телеграмме. Впервые они напечатаны в 50-м томе ПСС Ленина. Рядом со словами «взятие Красной Горки с моря» Владимир Ильич поставил три вопросительных знака и написал: «Красная Горка взята с суши».

Вот какой получился конфуз с «военным гением»! Одно из двух: либо он попытался обмануть Ленина, либо просто не знал, как была проведена операция, которой он руководил.

Сталин на Деникинском Фронте

Пожалуй, из всех мифов о выдающейся роли Сталина в гражданской войне наиболее упорно пропагандировался миф о том, что Сталин спас Москву и Советскую Россию от Деникина.

В «Кратком курсе» об этом пишется так:

"Троцкий развалил работу на Южном фронте, и наши войска терпели поражение за поражением. К половине октября белые овладели всей Украиной, взяли Орел и подходили к Туле... Белые приближались к Москве. Положение Советской республики становилось более чем серьезным...

Для организации разгрома Деникина ЦК направил на Южный фронт товарищей Сталина, Ворошилова, Орджоникидзе, Буденного. Троцкий был отстранен от руководства операциями Красной Армии на Юге. До приезда т. Сталина командование Южного фронта совместно с Троцким разработало план, по которому главный удар наносился Деникину от Царицына на Новороссийск, через донские степи... Тов. Сталин подверг резкой критике этот план и предложил ЦК свой план разгрома Деникина: направить главный удар через Харьков-Донбасс-Ростов...

Центральный Комитет принял план тов. Сталина". («Краткий курс», стр. 227–228). (Подчеркнуто всюду мной. – Авт.)

Первый абзац приведенной цитаты соответствует действительности положение Советской республики действительно было тогда угрожающим. Что же касается второго абзаца, то дело обстоит как раз наоборот относительно того, что утверждают авторы «Краткого курса». Не Троцкий был автором ошибочного плана нанести главный удар Деникину от Балашева-Камышина на Нижний Дон, а главком С.С. Каменев, план которого одобрило и утвердило Политбюро. Членом Политбюро, как известно, был и Сталин, и никаких возражений его в то время против этого плана нигде не зафиксировано. Наоборот, возражения Троцкого, активно противодействующего этому плану, зафиксированы во многих документах, ныне скрытых от советского читателя, но опубликованных в свое время в «Бюллетене». Из этих документов явствует, что автором плана нанести удар по Деникину не через казачьи станицы, а по линии Воронеж-Харьков-Донбасс, был не Сталин, а Троцкий. Именно Троцкий с конца июля 1919 года боролся против плана Главкома и утверждал, что, нанося удар по линии Воронеж-Харьков-Донбасс, Красная Армия двигалась бы в социально-дружественной среде (харьковский и донецкий пролетариат и крестьянство), казачество же было бы отрезано от Деникина, на которого и обрушилась бы вся сила удара.

В своих воспоминаниях Л.Д. Троцкий писал:

"Главное место в гражданской войне занял, как уже сказано, южный фронт. Силы врага состояли из двух самостоятельных частей: казачества, особенно кубанского, и добровольче-

ской белой армии, набранной со всей страны. Казачество хотело отстоять свои границы от натиска рабочих и крестьян. Добровольческая же армия хотела взять Москву. Эти две линии сливались лишь до тех пор, пока добровольцы составляли на Северном Кавказе общий фронт с кубанцами, но вывести кубанцев из Кубани представляло для Деникина трудную, вернее сказать, непосильную задачу.

... Кубань была главной базой добровольцев. Ставка решила поэтому решающий удар нанести по этой базе с Волги.

... Если Деникин не мог поднять казачество на далекий поход против Севера, то, ударив по казачьим гнездам с юга, мы помогли Деникину. Отныне казаки не могли уже защищаться только на своей собственной земле. Мы сами связали их судьбу с судьбой добровольческой армии... Наше наступление поставило на ноги все казацкое население.

... План, который я предлагал с самого начала, имел прямо противоположный характер. Я требовал, чтобы мы первым ударом отрезали добровольцев от казаков, и, предоставив казаков самим себе, сосредоточили главные силы против добровольческой армии. Главное направление удара приходилось, по этому плану, не с Волги на Кубань, а от Воронежа на Харьков и Донецкий бассейн. Крестьянское и рабочее население в этой полосе, отделяющей Северный Кавказ от Украины, было целиком на стороне Красной Армии".

Но Политбюро приняло и одобрило не план Троцкого, а план Главкома С.С. Каменева – тот самый план, который в «Кратком курсе» и в «Краткой биографии» именуется «преступным планом Троцкого» (он, план Каменева, тоже конечно был не преступным, а лишь ошибочным). После этого Л.Д. Троцкий подал в отставку, но отставки его ЦК не принял (ниже будет приведен подтверждающий это документ).

В сентябре 1919 г. Троцкий снова обращается в ЦК с письмом по этому же вопросу:

«Априорно выработанный план операций на Южном фронте оказался безусловно ложным. Неудачи на южном фронте объясняются в первую голову ложностью основного плана... Поэтому причины неудач необходимо искать целиком в оперативном плане...»

Тогда же Троцкий, Лашевич и Серебряков отправили с фронта Главкому (копия ЦК) телеграмму с предложением пересмотреть план с перенесением центра тяжести борьбы на Южном фронте с Царицынско-Саратовского направления на Курско-Воронежское.

Ответ Политбюро, датированный 6 сентября, гласил:

«Орел Троцкому, Серебрякову, Лашевичу. Политбюро ЦК, обсудив телеграмму Троцкого, Серебрякова, Лашевича, утвердило ответ Главкома и выражает свое удивление по поводу попыток пересмотреть решенный основной стратегический план. 6-IX-1919 г. по поручению Цема Ленин».

Только дальнейшая неудача (сдача Орла и угроза Туле) вынудила ЦК пересмотреть план и перенести главный удар на донецкое направление. И только тогда, когда опыт уже вполне доказал ошибочность старого плана, от которого отказался уже и штаб, – только тогда изменил свою позицию и Сталин.

Здесь существенны даты. Письма и телеграммы Троцкого, в которых он протестовал перед ЦК против избранного Главкомом направления, датированы июнем-сентябром. А письмо Сталина, на которое ссылаются составители «Краткого курса» и «Краткой биографии», приписывающие Сталину авторство нового стратегического плана – ноябром. Фальсификация совершенно явная: Сталину приписываются заслуги Троцкого, а Троцкому – ошибки С.С. Каменева и Политбюро, против которых Троцкий протестовал.

Соответственно, лживо содержащееся в «Кратком курсе» утверждение, что после отправки Сталина на Юг, Троцкий «был отстранен от руководства операциями Красной Армии на Юге». Это не соответствует действительности. Вся решающую подготовку к наступлению на Деникина на Южном фронте провел именно Троцкий, за исключением октября и начала ноября, когда он руководил обороной Петрограда и разгромом армии Юденича. ЦК не только

не «отстранил» Троцкого от руководства операциями Красной Армии на Юге, но, когда Троцкий, не согласившись с утвержденным Политбюро планом, потребовал отставки, вынес следующее решение (хранящееся в архиве Троцкого и опубликованное в «Бюллетене» NoNo 12–13 за VII–VIII 1930 г.):

"Копия протокола заседания Организационного и Политического бюро ЦК от 5 июля 1919 года

Организационное и Политическое бюро, рассмотрев заявление т. Троцкого и всесторонне обсудив это заявление, пришло к единогласному выводу, что принять отставку т. Троцкого и удовлетворить его ходатайство оно абсолютно не в состоянии.

Организационное и Политическое бюро ЦК сделают все от них зависящее, чтобы сделать наиболее удобной для Льва Давыдовича и наиболее плодотворной для республики ту работу на Южном фронте, самом трудном, самом опасном и самом важном в настоящее время, которую избрал сам тов. Троцкий.

В своих званиях Наркомвоенмора и Предреввоенсовета тов. Троцкий вполне может действовать и как член РВС Южного фронта, с тем командующим фронтом (Егоровым), коего он сам наметил, а ЦК утвердил.

Организационное и Политическое бюро ЦК предоставили тов. Троцкому полную возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе и, если он пожелает, постарается ускорить созыв съезда партии.

Твердо уверенные, что отставка т. Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна и была бы высочайшим вредом для республики, Орг и Политбюро настоятельно предлагают т. Троцкому не возбуждать более этого вопроса и исполнять далее свои функции, максимально, в случае его желаний, сокращая их в силу сосредоточения своей работы на Южном фронте.

В виду этого Орг и Политбюро отклоняют и выход Троцкого из Политбюро и оставление им поста Предреввоенсовета республики (Наркомвоена).

Подлинно – подписали: Ленин, Каменев, Крестинский, Калинин, Серебряков, Сталин, Стасова".

Как видим, опять же, все наоборот: ЦК не только не отстраняет Троцкого от руководства операциями Красной Армии на Юге, как утверждается в «Кратком курсе», а, наоборот, предлагает ему сосредоточить свою работу на Южном фронте.

Попытку приписать стратегический план Троцкого по разгрому Деникина себе Сталин впервые сделал еще в 1927 году на заседании Политбюро ЦК. Но тогда это не удалось, на заседании Политбюро присутствовал член ЦКК Н.И. Муралов, прекрасно знавший историю вопроса. Он выступил после Сталина и подверг самозванца сокрушительному разгрому. Неудивительно, что стенограмма этого заседания была спрятана от партии, как и многие другие документы.

В 40-х годах, когда сторонники Троцкого были физически уничтожены, а подлинные документы – надежно погребены, ничто уже не мешало Сталину присвоить не принадлежавшие ему лавры. И появилась юбилейная статья Ворошилова и соответствующие измышления в «Кратком курсе» и в биографии Сталина.

* * *

Рассмотренные мною выше факты подтверждают, что после смерти Ленина Сталин с помощью своих подручных фальсифицировал историю партии за период с Февральской революции до смерти Ленина (далее тоже была фальсификация, но последующий период здесь не рассматривается). Создавая Сталину нужную ему биографию, услужливые «историки» изъяли из нее все невыгодные Сталину факты: все его ошибки, провалы, его расхождения с Лениным, его «перелеты» из одной группы в другую в зависимости от того, какая группа побеждает.

Соответствующий фон для сконструированной таким образом фигуры «вождя» создавался тем, что все или почти все действительно выдающиеся вожди революции, деятели партии, организаторы побед Красной Армии были оклеветаны, и имена их исчезли из истории, либо упоминались лишь со знаком минус. Особенно яростна клевета фальсификаторов истории, направленная против Л.Д. Троцкого. Следуя курсу, заданному Сталиным, они полностью отбросили роль Троцкого как организатора Красной Армии и ее побед – роль, признанную всеми современниками и, прежде всего, В.И. Лениным. Вся деятельность Троцкого в Реввоенсовете республики изображена ими как дезорганизаторская и предательская.

Эта фальсификация продолжается и сейчас. До сих пор, до конца 70-х годов книги, учебники, статьи по истории партии и гражданской войны по существу излагают (с минимальными исправлениями) версию, подброшенную Сталиным в «Кратком курсе». Это касается не только Троцкого, роль которого по-прежнему искажается и замалчивается. Это относится и к таким выдающимся деятелям Красной Армии, как Смирнов, Сокольников, Серебряков, Лашевич, И.Н.Смирнов, Белобородов, Пятаков, Муралов и другие старые большевики, примыкавшие в свое время к левой оппозиции.

Заканчивая эту главу, я считаю уместным сделать одно замечание. Как известно, важнейшей составной частью мифа о Сталине является распространявшееся им самим утверждение, что он был гениальным стратегом. В отличие от него Троцкий, имевший действительные, а не вымышленные огромные заслуги в военном деле, никогда себя стратегом не считал и не именовал. В своей книге «Моя жизнь» он писал:

«Я не считал себя ни в малейшей степени стратегом... Правда, в трех случаях – в войне с Деникиным, в защите Петрограда и в войне с Пилсудским я занимал самостоятельную стратегическую позицию и боролся за нее то против командования, то против большинства ЦК. Но в этих случаях стратегическая позиция моя определялась политическим и хозяйственным, а не чисто стратегическим углом зрения. Нужно, впрочем, сказать, что вопросы большой стратегии и не могут иначе разрабатываться».

12. Отношения между Лениным и Троцким

В сталинскую эпоху вокруг отношений между этими двумя самыми выдающимися деятелями революции распространилось множество легенд, которые не опровергнуты и по сей день.

С благословения и по инициативе Сталина во всех печатных партийных изданиях проводилась мысль, что Л.Д. Троцкий всегда был в большевистской партии «чужаком». Не удивительно, что на этой «идее» сделали себе карьеру такие сталинские подголоски, как Пospelов, Минц, Пономарев и прочие. Хуже, что свою руку к этому приложил А.М. Горький.

Ниже приводятся в сопоставлении две редакции одной и той же цитаты из воспоминаний А.М. Горького о Владимире Ильиче Ленине. Первая взята из первоиздания, напечатанного в 1924 году, вскоре после смерти Ленина, вторая – из текста того же очерка, изданного в 1930 году, уже после высылки Троцкого.

"– Да, я знаю, там что-то врут о моих отношениях с ним. Врут много и, кажется, особенно много обо мне и Троцком.

Ударив рукой по столу, он сказал:

– А вот указали бы мне другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов..."

"– Да, я знаю, о моих отношениях с ним что-то врут. Но что есть – есть, а чего нет – нет, это я тоже знаю.

Помолчав, он добавил:

– А все-таки не наш. С нами, а не наш. Честолюбив. И есть в нем что-то нехорошее, от Лассаля..."

В первой цитате мною подчеркнута то, что выброшено из нее в последующих изданиях. Во второй – то, что вставлено в нее в 1930 году. Ниже я скажу об этом подробнее; здесь замечу лишь, что подобные манипуляции с мемуарами не украшают никого, и Горького в том числе.

Прежде чем приступить к написанию этой главы, я сделал выборку всех положительных и отрицательных – замечаний В.И. Ленина о Троцком, сделанных Владимиром Ильичом в период от Февральской революции до смерти Ленина. Анализ этих высказываний убедительно свидетельствует о том, что Ленин во всех случаях отзывается о Троцком с большим уважением, и в большинстве случаев (за исключением дискуссий о Брестском мире и о профсоюзах) – как о своем единомышленнике. Владимир Ильич неоднократно в этот период в своих речах и статьях ссылается на Троцкого, неоднократно ставит его имя рядом со своим. Например:

«Тов. Троцкий был вполне прав, говоря, что это (как управлять страной-хозяйством) не написано ни в каких книгах, которые мы считали бы для себя руководящими, не вытекает ни из какого социалистического мировоззрения, не определено ничьим опытом, а должно быть определено нашим собственным опытом». (т. 39 ПСС, стр. 426).

«Мы с определенностью можем сказать, что оказался вполне прав американский товарищ Р., который издал толстую книгу, содержащую ряд статей Троцкого и моих (подчерк. мною. – Авт.) и дающую таким образом сводку истории русской революции». (Т.40, стр. 283).

«Тех, кому вопрос о нашей экономической политике представляется нелепым, я отсылаю к речам тов. Троцкого и моей (подчерк. мною. – Авт.) на IV Конгрессе Коммунистического Интернационала, посвященным этому вопросу». (т.45, стр. 297).

Ленин, который свою роль и значение в партии и в революции понимал, усиленно подчеркивал, что он относится к Троцкому как к равному. И в этом, вместе с личным отношением Ленина, отражалось и отношение партии, народа. Недаром так популярен тогда был лозунг: «Да здравствуют наши вожди товарищи Ленин и Троцкий!».

(Скажу попутно, что никто тогда не слышал таких приветствий в адрес Сталина, да и самое имя его было неизвестно широким массам. Никогда Ленин в своих выступлениях не

ссылался на Сталина, ни разу при жизни Ленина имя Сталина не появлялось рядом с его именем. Это уже гораздо позже историки сталинской формации, вычеркнув из истории Октябрьской революции много славных имен и прежде всего имя Троцкого, попытались представить Сталина единственным верным соратником Ленина и поставить его рядом с действительным вождем Октября Лениным).

К числу наиболее усиленно распространявшихся (и распространяемых поныне) измышлений о Троцком относится измышление сталинистов о существовавших якобы между Лениным и Троцким непримиримых противоречиях по крестьянскому вопросу, особенно в вопросе об отношении к середняку. Но на этот счет имеется опровергающее эти вымыслы заявление наиболее авторитетного свидетеля – самого Ленина:

«Слухи о разногласиях между мною и им (Троцким) – самая чудовищная и бессовестная ложь, распространяемая помещиками и капиталистами или их вольными и невольными прихвостнями. Я со своей стороны целиком подтверждаю заявление тов. Троцкого. Никаких разногласий у меня с ним не имеется... Тов. Троцкий в своем письме подробно объяснил, почему партия коммунистов и теперешнее рабоче-крестьянское правительство, выбранное Советами и принадлежащее к этой партии, не считает своими врагами крестьян-середняков. Я подписываюсь обеими руками под тем, что сказано тов. Троцким». (т.37, стр. 478)

Ленин в данном случае имеет в виду ответ Троцкого крестьянам-середнякам. Но таких высказываний, в которых он солидаризируется с Троцким по крестьянскому вопросу (и по вопросу об отношении к середняку в частности) у Ленина немало. В том числе можно упомянуть заключительную речь В.И. Ленина на X съезде партии, происходившем, как известно, после дискуссии о профсоюзах, в которой Ленин и Троцкий были противниками.

Люди, воспитанные за последние более полувека в сталинском понимании внутрипартийной жизни, вообще не могут представить себе, что в рамках партии могут вестись самые ожесточенные споры между взаимно уважающими людьми и что после того, как вопрос решен в ту или другую сторону, победитель и побежденный могут остаться товарищами и дружно работать вместе. Даже такую ожесточенную дискуссию, как о Брестском мире, Ленин не считал (как это изображается в сталинистских учебниках) вышедшей за рамки партийных споров. Открытое обсуждение разногласий, свободные дискуссии, выборы по платформам, – все это было при Ленине обычным стилем внутрипартийной жизни. «Новый» стиль ввел Сталин, нагнетавший вокруг внутрипартийной борьбы страх и подозрения, в корне пресекавшие всякие оппозиционные выступления.

Все, написанное выше об отношениях между Лениным и Троцким с 1917 года и до конца жизни Ленина, вовсе не означает, что между ними никогда не было разногласий. Наоборот, были – и очень серьезные. Известно, что на протяжении всей истории РСДРП(б), начиная с 1903 года (со II съезда партии) и до Февральской революции они коренным образом расходились по вопросу о роли партии и об организационных принципах ее построения. В полемике, происходившей между ними, обе стороны допускали и резкости, и взаимные оскорбительные обвинения. Но оба были достаточно крупными политическими деятелями и вообще крупными людьми, личностями, чтобы потом, будучи единомышленниками в главном, вспоминать прошлые обиды. Да и Владимир Ильич в своих письмах не раз упоминал о том, что в резкости тех или иных формулировок всегда отражается момент борьбы, а не твердо установившееся отношение к тому или иному человеку. Поэтому ни Ленин, ни Троцкий во время обеих дискуссий – о Брестском мире и о профсоюзах – даже не вспоминали о своих прошлых разногласиях. Главное, в чем В.И. Ленин обвинял Троцкого в ходе дискуссии о профсоюзах, – несвоевременность выступления со своей платформой в момент кронштадтского мятежа, создание не вовремя острого политического кризиса.

Что же касается существа разногласий, то Владимир Ильич никак не связывал их со своими прошлыми разногласиями с Троцким. Это уже после смерти Ленина, во время дискус-

сий 1923-25-27 гг. Сталин и сталинисты стали изображать позицию Троцкого по вопросу о профсоюзах как некий «рецидив троцкизма», как завуалированные расхождения с Лениным по крестьянскому вопросу.

Вообще в те годы, после смерти Ленина, Сталин с особым сладострастием выхватывал из прошлых, дореволюционных произведений Ленина отдельные резкие слова по адресу Троцкого, отдельные нелестные характеристики, приспособлявая их к нуждам текущей дискуссии. Троцкий отметил это в своей речи на VII пленуме ИККИ:

«Доклад тов. Сталина, по крайней мере, в своей первой половине... представляет собою сплошное обвинение в троцкизме. Это обвинение опирается на цитаты, выхваченные из политической и журналистской деятельности нескольких десятилетий и делает попытку, путем всяческих логических ухищрений, извлечь из давно преодоленных ходом событий споров готовые ответы на сегодняшние вопросы, которые выросли перед нами и перед всем Интернационалом на совершенно новом этапе хозяйственной и общественной жизни... И опять, и опять вся эта искусственная конструкция опирается на тот факт, что я в моей политической деятельности в течение ряда лет стоял вне большевистской партии, а в известные периоды резко боролся против нее и против существенных взглядов Ленина. Неправота была на моей стороне...» (подчерк. мной. – Авт.)

Ретроспективный взгляд на прошлое заставляет меня не согласиться в этом с Л.Д. Троцким. Не во всех прошлых спорах с Лениным Троцкий был неправ. Так, я считаю, что и на II-м съезде партии по вопросу о партийном строительстве, и в 1905 году в споре о перманентной революции правота была на стороне Троцкого.

Разберем сначала вопрос о перманентной революции. В чем суть разногласий по этому вопросу?

Ленин, выдвигая лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», исходил из того, что пролетариат не может прийти к власти, пока не будет доведена до конца демократическая революция. Троцкий же, выдвигая лозунг «Без царя, а правительство рабочее», ставил вопрос о власти вне зависимости от того, закончился ли уже демократический этап революции. Эти разногласия вытекали из того, что Ленин рассматривал русскую революцию, исходя из особенностей России как крестьянской страны – и эти особенности налагали свою печать на движущие силы и характер революции.

Троцкий же, напротив, рассматривал русскую революцию только как первый этап мировой революции, не придавая ей самодовлеющего значения. Он видел в этой революции акт российского пролетариата, который должен дать толчок к мировой перманентной революции.

Ленин доказывал, что русская буржуазия труслива и не способна осуществить демократическую революцию в России, что эту миссию способен выполнить только рабочий класс, опирающийся на многомиллионное крестьянство, заинтересованное в демократических преобразованиях в стране. Путь к этому установление демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, при гегемонии в этом блоке рабочего класса. Но, взяв власть и доведя буржуазно-демократическую революцию до конца, должна ли партия социал-демократов остановиться на этом? Осуществив демократическую революцию, следует ли ей отказаться от власти в пользу буржуазии?

Конечно, нет, отвечал Ленин и намечал два этапа русской революции.

Сначала – вместе со всем крестьянством против царя, помещиков и реакционной буржуазии.

Затем – после того, как будет доведена до конца демократическая революция – вместе с беднейшим крестьянством, при нейтрализации середняка, против буржуазии и кулаков, рабочий класс России осуществит социалистическую революцию.

Таким образом, программа Ленина предусматривала для первой русской революции 1905 года два этапа: первый – демократический и второй социалистический. Программа же

Троцкого предусматривала только один этап социалистический («без царя, а правительство рабочее»). Троцкий при этом исходил из того, что если русская революция не будет поддержана социалистической революцией на Западе, она неизбежно должна будет прийти в столкновение с массой крестьянства и потерпеть крах. В этом, впрочем, взгляды Ленина и Троцкого не расходились.

Кратко описанный выше спор относится к 1905 году. Какова же была ситуация и какие позиции занимали Ленин и Троцкий в 1917 году?

Напомним вкратце хорошо известные, в общем, события.

23 февраля 1917 года начались революционные события в Петрограде, которые к 25-му февраля вылились во всеобщую стачку петроградского пролетариата. 27 февраля к рабочим присоединились войска Петроградского гарнизона. В тот же день Государственная Дума избрала комитет во главе с Родзянко, принявший на себя функции правительства, а рабочие избрали депутатов в Петроградский Совет. Войска Петроградского гарнизона отказались выполнять директивы Комитета Думы и объявили, что они подчиняются только приказам исполкома Петроградского совета. Военские части избрали членов полковых комитетов и депутатов в Совет, который после этого стал именоваться Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.

Образовалось двоевластие. Формально власть находилась в руках царя и Комитета Думы, фактически – в руках Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Но большинство депутатов этого Совета принадлежало к партиям меньшевиков и эсеров. И когда депутаты-большевики предложили Петросовету образовать Временное революционное правительство из представителей всех социалистических партий, большинство совета отклонило это предложение. Партии меньшевиков и эсеров вошли в соглашение с думским Комитетом – и 15 марта образовали вместе с ним коалиционное Временное правительство.

В этот же день Николай II отрекся от власти в пользу своего брата Михаила, а на следующий день отрекся и Михаил. Власть перешла в руки коалиционного Временного правительства.

Вскоре после приезда Ленина из Швейцарии, в мае 1917 года, он от имени партии большевиков выдвинул лозунг «Вся власть Советам!» Почему он это сделал в условиях, когда подавляющее большинство депутатов принадлежало к партиям меньшевиков и эсеров, вступивших в соглашение с буржуазией? Потому что Ленин хотел испробовать последний шанс для установления в России демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, последний шанс для установления блока социалистических партий, входивших в состав Советов.

Но, как и предсказывал В.И. Ленин в 1905 году, русская буржуазия (и крупная – в лице правых партий, и мелкая – в лице право-социалистических партий) оказалась неспособной осуществить демократические требования трудящихся России: заключить мир, отдать крестьянам помещичью землю, осуществить самоопределение наций и т. д. Меньшевики и эсеры не желали брать на себя ответственности за доведение до конца демократической революции, они оставались на позициях «подталкивания» революции, «давления» на буржуазное правительство. (Такую же позицию, как мы показали ранее, занимали Сталин и Каменев.)

После Июльских дней, когда меньшевики и эсеры в качестве членов временного правительства приняли участие в подавлении большевистской партии, в аресте ее вождей и в разгроме ее газет, Ленин отказался от лозунга «Вся власть Советам», так как большинство Советов стало на путь предательства интересов революции. Демократический этап революции закончился, писал Ленин, и призывал партию и рабочий класс свергнуть Временное правительство и захватить власть.

Так сблизились пути Ленина и Троцкого.

Кто же к кому пришел?

Ситуация в стране сложилась так, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства не состоялась. Надо было двигаться дальше, дождавшись завершения демократического этапа революции, выполнения программы-минимум. И Ленин призвал партию и рабочий класс России к свершению социалистической революции, которая в ходе своем доведет до конца демократический этап революции.

А дальше? Ленин, как и Троцкий, в 1917 году рассматривал пролетарскую революцию в России как первый этап, как пролог, толчок к мировой социалистической революции. Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин, Ногин и многие другие старые большевики, воспитанные на ленинской тактике двух этапов революции, не поняли новой тактики Ленина и рассматривали его призыв к социалистической революции как авантюру, как «перепрыгивание» через демократический этап революции.

Но это была не авантюра. Это была новая тактика большевизма, в значительной степени вытекавшая из «старой» теории «перманентной революции» Троцкого. Демократический этап революции, как и призывал Ленин, был доведен до конца в ходе Октябрьской социалистической революции, первыми же декретами Советской власти – и, прежде всего, передачей крестьянам помещичьей земли. По предложению Ленина партия большевиков отказалась от своей аграрной программы и осуществила аграрную программу партии эсеров, которые ее лишь декларировали, но в жизнь не проводили. Левое крыло партии эсеров, как известно, солидаризировалось с большевиками и приняло участие в первом советском правительстве. Так был завершён первый этап демократической революции.

Связь ленинской концепции социалистической революции 1917 года с теорией «перманентной революции» Троцкого, родившейся в 1905 году, была тогда ясна всем. Вот что, например, писал Н.И. Бухарин в брошюре «От крушения царизма до падения буржуазии», изданной в 1918 году:

«Перед российским пролетариатом становится так резко, как никогда, проблема международной революции. Вся совокупность отношений, сложившихся в Европе, ведет к этому неизбежному концу. Так перманентная революция в России переходит в европейскую революцию пролетариата». (стр. 78).

В 1919 году была переиздана старая работа Л.Д. Троцкого «Итоги и перспективы революции», в которой наиболее полно излагается теория перманентной революции. В 1921 году она была издана Коминтерном на английском языке. К коминтерновскому изданию автор написал предисловие, в котором, в частности, говорилось следующее:

«Завоевав власть, пролетариат не может ограничить себя буржуазной демократией. Он вынужден принять тактику перманентной революции (подчеркнуто Троцким – Авт.), т. е. разрушить барьер между минимальной и максимальной программой социал-демократии, вводить все более и более радикальные реформы и стремиться к прямой и непосредственной поддержке европейской революции».

«Разрушить барьер между минимальной и максимальной программой» – но ведь это и есть ленинская формула о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Предпосылкой такого перерастания является завоевание власти пролетариатом, который логикой своего положения вынужден «вводить все более и более радикальные реформы».

Невольно возникает вопрос: если теория перманентной революции так противоречила общим принципам большевизма, почему никто в партии, в ЦК, в Политбюро не возразил Троцкому? Особенно на его предисловие, в котором он в 1921 году подтверждает правильность работы, написанной им шестнадцать лет назад, когда он еще не был большевиком?

Взгляды Ленина на характер русской революции приблизились к взглядам Троцкого после написания книги «Империализм как новейший этап развития капитализма». Теперь уже сам Ленин стал рассматривать русскую революцию как первый этап мировой социалистиче-

ской революции, так как теперь, в эпоху войн и революций, приход пролетариата к власти не мог уже быть преждевременным.

Что касается спора, разгоревшегося в свое время между Лениным и Троцким по вопросу об организационном принципе строительства партии, то и здесь правота была на стороне Троцкого. Это особенно ясно сейчас, когда для большинства истинных марксистов стало аксиомой, что тот сверхцентрализм, который был положен Лениным в основу организационных принципов партийного строительства, стал причиной многих бед партии и страны.

Против сверхцентрализма Ленина выступал не только Троцкий; главными оппонентами Ленина были Мартов и Плеханов. Став большевиком, Троцкий примирился с ленинскими организационными принципами. Но после смерти Ленина, увидев, до чего довели Сталин и сталинцы эти принципы, Троцкий счел необходимым в своей брошюре «Новый курс» дать свое разъяснение принципам демократического централизма, сводившее на нет их отрицательные стороны.

* * *

Об отношениях между Лениным и Троцким, как свидетельствует сам Ленин, лгали и сплетничали много. Но особенно беззастенчивой стала эта ложь, переросшая в клевету, после смерти Ленина, в период внутрипартийных дискуссий. Пиком этой кампании были тридцатые годы, период «процессов ведьм» в Советском Союзе. К сожалению, перед нажимом Сталина и сталинского аппарата не устояли многие. Выше я писал о том, как не устоял под этим нажимом А.М. Горький.

Но совсем непонятно, зачем понадобилось поддерживать вымышленную версию о противоречиях между Лениным и Троцким Р.А. Медведеву в своей книге «К суду истории»?

Приведя те же две цитаты, которые приведены мной на стр. 27–28 настоящей книги (отзыв Ленина о Троцком в воспоминаниях А.М. Горького в редакциях 1924 и 1930 гг.), Р.А.Медведев пишет:

«Мы думаем, однако, что более точная редакция данного разговора содержится как раз в издании 1930 года. В 1924 году Горький не мог и не стал бы писать все то, что Ленин говорил ему о Троцком».

Утверждение это голословно, некомпетентно и нелогично.

В 1924 году А.М. Горький находился за границей, ни от кого не зависел и мог писать то, что он считал нужным о ком угодно. Никаких оснований угождать Троцкому у него не было. Разговор с Лениным еще был свеж в его памяти: с того времени, когда он состоялся, прошло всего три-четыре года. Наконец, если Горький считал почему-либо неудобным приводить столь отрицательный отзыв Ленина о Троцком («С нами, а не наш. Честолюбив – и есть в нем что-то от Лассаля»), он мог бы просто не писать о нем. Не писать, а не приводить прямо противоположный отзыв, т. е. по Медведеву – заведомую ложь.

В 1930 году Горький, как и все в стране, находился под властью Сталина, который, как известно, больше всего ненавидел Троцкого. Уже это одно ставит под сомнение редакцию воспоминаний 1930 года. Каким образом Сталин заставил Горького вычеркнуть из своей памяти то, что он сохранил в 1924 году и «вспомнить» в 1930 году то, чего не было, мы не знаем. Но приведенный мною абзац из книги Р.А. Медведева не украшает ни Горького, ни Медведева.

Подлинных отзывов самого Ленина о Троцком очень много (некоторые из них приведены в этой книге). Достаточно и высказываний Троцкого о Ленине. Именно по этим материалам, а не по измышлениям сталинских фальсификаторов следует судить об отношениях между этими двумя крупнейшими деятелями пролетарской революции в России.

О том, как Ленин на протяжении всей своей жизни относился к Л.Д. Троцкому, свидетельствует Н.К. Крупская, в своем письме, написанном ею Льву Давыдовичу через несколько дней после смерти Ленина:

"Дорогой Лев Давыдович!

Я пишу, чтобы рассказать вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечитать это место, слушая внимательно, потом еще раз просматривая сам.

И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у Владимира Ильича к вам тогда, когда вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти.

Я желаю вам, Лев Давыдович, сил и здоровья и крепко обнимаю Н. Крупская".

В своих воспоминаниях Л.Д. Троцкий писал:

«Так или иначе, второй съезд вошел в мою жизнь большой вехой, хотя бы уже по одному тому, что развел меня с Лениным на ряд лет. Охватывая теперь прошлое в целом, я не жалею об этом. Я вторично пришел к Ленину позже многих других, но пришел собственными путями, проделав и продумав опыт революции, контрреволюции и империалистической войны. Я пришел благодаря этому прочнее и серьезнее, чем те „ученики“, которые при жизни повторяли не всегда к месту слова и жесты учителя, а после стали орудиями в руках враждебных сил». (стр. 190)

P.S. Особая тема – фальсификация советской истории и истории партии в литературе и искусстве: в романах, повестях, поэмах, пьесах и спектаклях, в картинах и фильмах. Не беря на себя задачу анализировать всю необъятную фальсификаторскую продукцию в этой области, автор отсылает читателей к интересной самиздатной работе Л. Надвоицкого «Недорисованный портрет или История пишется объективом». Л. Надвоицкий подвергает тщательному разбору изданный в 1970–1972 гг. альбом «Ленин. Собрание фотографий и кинокадров» (т.1 – фотографии 1874–1923 и т.2 – кинокадры 1918–1922), М., изд. «Искусство», сравнивая напечатанные в альбоме снимки с подлинниками, опубликованными в свое время в старых газетах и журналах. Из проделанной им работы явствует, какую магическую силу приобрела за ряд десятилетий в советском обществе ретушь – как в прямом, так и в переносном смысле. Из фотоснимков запросто исчезают люди, в свое время запечатленные на них фотообъективом – так же запросто, как исчезали они при Сталине из жизни. Такие известные фальсификаторы, как художники А.Герасимов, И.Бродский, В.Серов пишут картины на «исторические» темы, изображая в них события, которых попросту не было.

Иногда доходит до курьезов. В 1938 году художник [в рукописи пропуск прим. ред.] одарил советское искусство картиной, изображавшей Сталина во главе Тифлисской забастовки 1902 года. 27 апреля 1938 года «Известия» поместили снимок с этой картины, снабдив его соответствующей подписью. На следующий день газете пришлось извиняться: дело в том, что Сталин в период этой забастовки находился в Тбилисской тюрьме, и этот факт был опубликован в советской печати.

Но такое извинение – редчайший случай. Чаще всего не извинялись. Однажды опубликованная ложь становилась эталоном. Произведения литературы и искусства, не соответствовавшие этому эталону, либо вовсе изымались, либо кромсались по живому телу. Даже стих Маяковского сделали хромым, чтобы изъять из поэмы «Хорошо» имя Троцкого. Даже из изданного после посмертной реабилитации однотомника И. Бабеля вычеркнули куски замечательной художественной прозы только потому, что в них положительно упоминался Троцкий.

Зато романы Вирты, Г. Кочетова, Чаковского, Стаднюка, поэмы Ф.Чуева и С.В.Смирнова, написанные с самого начала по фальсификаторскому эталону, получали (и до сих пор получают) «зеленую улицу», огромные тиражи...

Надо надеяться, что найдутся люди, которые сумеют проделать по отношению к советской литературе то, что частично сделал Л. Надвоицкий по отношению к изобразительному искусству и фотографии: показать тот ущерб, который нанесли ей ретушь и другие виды фальсификации.

Здесь мне хотелось бы лишь воспользоваться поводом и ознакомить читателей с неизвестными им взглядами на этот вопрос Л.Д. Троцкого.

«Нельзя, – писал он в [в рукописи пропуск – прим. ред.], – без физического отвращения, смешанного с ужасом, читать стихи и повести или глядеть на снимки советских картин и скульптур, в которых чиновники, вооруженные пером, под надзором чиновников, вооруженных маузерами, прославляют „великих“ и „гениальных“ вождей, лишенных на самом деле искры гениальности или величия...»

«...подлинная революционная партия не может и не хочет ставить себе задачей „руководить“, тем менее – командовать искусством ни до, ни после завоевания власти. Подобная претензия могла прийти в голову только взбесившейся от самовластия невежественной и наглой бюрократии, которая превратилась в антитезис пролетарской революции...»

Искусство и наука, писал Троцкий, не только не ищут командования, но по самому существу своему не выносят его. Художественное творчество имеет свои законы – даже и тогда, когда сознательно служит общественному движению. Искусство может стать великим союзником революции лишь постольку, поскольку оно останется верным самому себе.

13. Фальсификаторы истории при преемниках Н.С. Хрущева

Начиная с 1964–1965 года, после удаления Н.С. Хрущева из Политбюро, идет постепенный, все нарастающий процесс «реабилитации» Сталина. Постепенно во всех исторических работах, в учебниках по истории КПСС, в периодике и другой литературе восстанавливаются формулировки, сходные с формулировками «Краткого курса». Запрещено упоминать в печати, по радио и телевидению о казнях и о гибели в тюрьмах и лагерях репрессированных Сталиным деятелей партии. Даже тогда, когда их имя проникает на страницы печати, когда о них пишутся воспоминания, когда публикуются их биографии, умалчивается о том, где и как они погибли. Фальсификация продолжается.

Она никогда и не прекращалась. Даже во времена Н.С. Хрущева, после XX съезда, после официального опубликования ряда документов, разоблачающих Сталина, вину ему ставилась только расправа с партийными кадрами в 1937–1939 гг. Политическая же и физическая расправа с участниками оппозиций, в том числе ближайшими соратниками Ленина, либо обходилась молчанием, либо имена их, оклеветанные Сталиным, продолжали упоминаться только со знаком минус.

Это происходит и сейчас, и поэтому вся история партии и революции преподносится многим поколениям в извращенном виде. Многих, слишком многих из тех, кто стоял рядом с Лениным в Октябрьские дни, кто под его руководством осуществлял защиту Октябрьской революции, кто составляли при Ленине основной костяк ЦК и Политбюро, до сих пор продолжают числить злейшими врагами ленинизма. В новой многотомной истории КПСС по-прежнему не упоминаются имена тех, кто играл значительную роль в жизни партии и страны.

Какая же это история? Говоря о партийных съездах, о конгрессах Коминтерна, о гражданской войне и т. п., составители многотомной истории ухищряются замалчивать такие имена, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский, Крестинский, Смилга, Пятаков, Сокольников, И.Н.Смирнов, Раковский, Преображенский, Радек, Серебряков, Евдокимов, Лашевич, Рязанов и многих других, игравших видную роль в партии. Вместо них вытаскиваются на первый план люди, ничем особым себя тогда не проявившие – и им задним числом приписываются не существовавшие заслуги. И по сей час при написании исторических работ свет и тени распределяются авторами не соответственно тому, как дело происходило в действительности, а соответственно тому, принадлежал или нет впоследствии к оппозиции данный исторический персонаж. Если в 20-х-30-х годах он был вместе со Сталиным против оппозиции, то о его заслугах в 1917 году или в гражданской войне можно упоминать. Если был в оппозиции к Сталину, будь он до этого трижды героем Октября, – места в истории партии и революции ему нет.

В этом смысле весьма характерны творения такого заслуженного фальсификатора, как П.Поспелов – и характерны тем, что свидетельствуют, как далеко зашло в настоящее время, в 70-х годах, возвращение к «Краткому курсу». Не в 1938, а в 1969 году, через тринадцать лет после разоблачения Сталина на XX съезде партии, напечатана статья Поспелова, в которой содержатся такие перлы:

«И только потому, что ленинская партия, ее Центральный Комитет во главе с И.В. Сталиным оказались в состоянии идейно и политически разгромить троцкизм как антиленинское учение, только потому, что вся партия поднялась на защиту ленинского учения, удалось предотвратить ее раскол, которого добивались троцкисты, и Коммунистическая партия привела советский народ к победе социализма в нашей стране...» («Коммунист», No 12, 1969)

Ссылаясь на заслуги Центрального Комитета «во главе с И.В. Сталиным», Поспелов забывает упомянуть о том, что тот самый Центральный Комитет, который добил оппозицию,

был в свою очередь отстранен Сталиным от руководства партией и что две трети его состава были репрессированы и уничтожены так же, как до этого были репрессированы и уничтожены так называемые «враги народа» троцкисты.

Ниже я буду говорить об этом подробнее. Здесь хочу лишь отметить, что слишком многие и по сей час еще не понимают неразрывной связи между борьбой Сталина против оппозиций и последовавшей затем расправы его со своими единомышленниками, вместе с которыми он громил оппозицию. Это был единый план, осуществление которого распалось во времени на несколько этапов. Конечной целью Сталина, разработавшего этот план, было – ликвидировать старую ленинскую партию и создать новую, свою, костяк которой состоял бы из преданных ему лично людей. Опираясь на этот костяк, он мог осуществлять свою единоличную власть.

Игнорируя это, современные историки КПСС продолжают – точно по схеме, разработанной Сталиным в «Кратком курсе» – расценивать разгром Сталиным всех оппозиций как победу ленинской линии. Игнорируется при этом и такой несомненный исторический факт, что дискуссии, и достаточно острые, существовали в партии при Ленине, и оппозиции возникали при нем достаточно активные, но никогда они не вели к политическому и физическому уничтожению участников оппозиции. Острая политическая борьба, которая велась на каждом съезде партии, при жизни Ленина велась в рамках товарищеской этики. Борьба эта не только не подрывала единство партии, но наоборот, создавая атмосферу идейного спора, помогала выработке правильной линии и сплачивала партию вокруг принятых в результате обсуждения решений.

На протяжении семи съездов партии – от апрельской конференции 1917 года по XI съезд включительно (последний съезд, на котором присутствовал Ленин) с Лениным спорили, иногда очень резко, в разное время и по разным вопросам, почти все лидеры партии. И ни один из них в результате своего выступления против Ленина, разумеется, не пострадал. Наоборот, тогда существовала такая практика, что лидер оппозиции, критиковавшей на съезде ЦК, избирался на этом же съезде в состав ЦК, даже если он до этого членом ЦК не был. Так Шляпников впервые был избран в ЦК на X съезде партии, где он выступал с платформой «рабочей оппозиции», а Сапронов – на XI съезде – как лидер группы «демократический централизм».

Статья Поспелова, упоминавшаяся мною выше, не зря напечатана в журнале «Коммунист» именно в декабре 1969 года – так сказать, к негласному 90-летнему юбилею Сталина. За прошедшие десять лет процесс «ресталинизации» далеко продвинулся вперед. Посмотрим, что будет в декабре 1979 года! Ждать осталось недолго.

Пока что, в 60-х и 70-х годах «Краткий курс», хотя и не переизданный, продолжает оставаться основой всех выходящих из печати современных трудов по истории партии. Так до сих пор сохранилась и пропагандируется сфабрикованная Сталиным версия о том, что только один Сталин из всего руководства партии после смерти Ленина отстаивал ленинскую линию. Да и как ей не сохраниться, если ни один из уничтоженных Сталиным членов ленинского Политбюро (а они уничтожены им все), не реабилитирован, а реабилитируется, наоборот, их убийца!

Но, независимо от этого, разберем по существу самую идею о том, что Сталин якобы оказался самым верным и последовательным продолжателем ленинской линии. Откуда бы это? При жизни Ленина Сталин был, как правило, практиком, в политических спорах занимал весьма скромное место, держась средней линии и примыкая к тем, кто победит. В обсуждении теоретических проблем ни на съездах партии, ни на конгрессах Коминтерна участия не принимал, в разработке программы партии – тоже.

В тех же случаях, когда Ленин и другие руководители по каким-либо причинам отсутствовали и Сталин становился у руководства, он в принимаемых им политических решениях неизменно попадал впросак и, во всяком случае, явно отходил от ленинской линии.

Так было в марте 1917 года, когда Ленин еще не вернулся в Россию.

Так было после июльской демонстрации до конца августа 1917 года. Ленин и Зиновьев тогда скрывались в Разливе, в шалаше, а Троцкий и Каменев сидели в «Крестах».

Так было в 1922 году, когда Сталин, воспользовавшись болезнью Ленина, натворил ошибок в национальном вопросе и в вопросе о монополии внешней торговли.

Откуда же вдруг взялась «безошибочность»?

Она взята с потолка, вымышлена, выдумана услужливыми ретушерами истории так же, как легенда о том, что Сталин якобы всегда плечом к плечу с Лениным вместе с ним боролся против уклонов и ошибок всех остальных лидеров партии.

Для того чтобы упрочить эту легенду, необходимо было опорочить всех других вождей партии, приписав им мыслимые и немыслимые грехи. Этим и занимается много лет официальная советская историческая наука.

К сожалению, свою лепту в это дело внес и неофициальный историк Р.А. Медведев.

Правда, он опорочивает не всех бывших оппозиционеров. Исключение Медведев делает для Бухарина, Рыкова, Томского, т. е. для так называемой «правой оппозиции». Что же касается Троцкого и его соратников по борьбе со Сталиным, то тут Медведев целиком становится на сторону Сталина, одобряя и оправдывая разгром левой оппозиции. Политика Сталина, считает он, становится ошибочной только с того момента, когда он поворачивает оружие против Бухарина.

Если в своей книге «К суду истории» Медведев каждое обвинение против Сталина старается подкреплять документами, то когда речь заходит о Троцком, он считает себя свободным от ответственности за свои оценки. Вместо того чтобы, как подобает историку, сослаться на документы, он пускается в плавание по океану всевозможных «если бы», которые всегда произвольны и необъективны.

Так Медведев пишет:

«...Известно (?), что в 1924–1927 гг. Сталин проводил более умеренную политику, чем та, которую предлагали проводить в отношении крестьянства и нэпманов такие члены Политбюро, как Троцкий, Зиновьев и Каменев... Не исключено поэтому (?) (подчерк. мною. – Авт.), что при руководстве Троцкого или Зиновьева то открытое столкновение пролетарского государства с основной массой крестьянства, которое приняло столь жесткие формы в 1929–1930 гг., могло произойти даже на 1–2 года раньше и сопровождаться не менее тяжелыми последствиями».

И в другом месте:

«Вопрос о „третьей революции“ обсуждался в кругах левой оппозиции открыто и задолго до того (подч. мною. – Авт.), как Сталин начал осуществлять свою „революцию сверху“, положившую начало преобладанию сталинизма в Советском Союзе».

Все это надо было бы доказать. Нельзя ведь утверждать, что не существует документов, излагающих взгляды и предложения левой оппозиции. Их с избытком: речи, выступления, статьи Троцкого, Преображенского, Радека и многих других; платформа, предложенная оппозицией для обсуждения в предсъездовской (перед XV съездом) дискуссии, но спрятанная Сталиным от партии; множество документов, опубликованных впоследствии Троцким за границей и др. Если бы Медведеву с помощью этих документов удалось доказать, что левая оппозиция предлагала осуществить «революцию сверху», проведя кооперирование сельского хозяйства административным путем на основе варварской ликвидации кулачества как класса, – тогда можно было бы считаться с его утверждениями, что осуществление программы Троцкого могло привести к открытому столкновению пролетарского государства с крестьянством.

Но таких документов не существует и не существовало. Левая оппозиция никогда не предлагала «третью революцию сверху», не предлагала отказаться от НЭПа. Левая оппозиция никогда не предлагала административными мерами ликвидировать кулачество. В полном соответствии с программой Ленина Троцкий и его единомышленники предлагали приостано-

вить отступление: освободить от налога примерно 40 % бедняков, оставить на прежнем уровне обложение 45–50 % середняков и увеличить обложение 10–15 % крестьян из числа зажиточных.

Предлагавшиеся левой оппозицией меры были, конечно, неизмеримо мягче, гуманнее, человечнее, чем то, что проделал Сталин в деревне в 1929–1930 гг. Ограничение эксплуататорских тенденций кулака и физическое уничтожение значительной части крестьянства – это разные вещи. Не говоря уже о том, что увеличение обложения зажиточных не влекло за собой разорения крестьянского хозяйства, к которому привела навязанная сверху сплошная коллективизация.

Поэтому совершенно неправомерно и необоснованно утверждение Медведева, что победа левой оппозиции привела бы к тем же результатам, что и победа Сталина и «даже на 1–2 года раньше».

Мне думается, что солидаризация Р.А. Медведева с официозными сталинистскими историками во всем, что касается Троцкого и левой оппозиции, проистекает из его необъективного, неисторичного отношения к Бухарину и его фракции. Присоединяясь к позиции Бухарина и считая, что только линия его фракции могла обеспечить после смерти Ленина плавный ход революции, Медведев хочет оправдать Бухарина во всем: в том числе в его блоке со Сталиным против Троцкого. Отсюда и попутное, бездоказательное осуждение Троцкого и оправдание Сталина.

Здесь не только историческая несправедливость, здесь еще и политическая и логическая ошибка – та самая, которую совершил ряд старых большевиков, оправдывая репрессии против оппозиционеров и недоумевая, почему эти репрессии обрушились потом на них, тех, которые сами вместе со Сталиным громили оппозицию. Та самая, которую совершил Н.С. Хрущев, не реабилитировав бывших вождей партии, принадлежавших к оппозициям. С преследования бухаринской группировки, считает Медведев, началось «преобладание сталинизма». Точно так же, как старые большевики-ортодоксы считали, что оно началось с преследования их, верных сталинцев.

Но неверно ни то, ни другое. Медведев механически разрывает единый процесс сталинизации партии, перехода от ленинизма к сталинизму. Начало «преобладанию сталинизма» положено было не в 1928–29 гг., как утверждает Медведев, и суть сталинизма проявилась гораздо раньше, чем Сталин, выступая против Бухарина, провел свою «аграрную революцию сверху». Преобладание сталинизма началось еще во время болезни Ленина, когда Сталин, постепенно прибирая к рукам партийный аппарат, внес решающие изменения в методы руководства партией и народом. Именно тогда было положено начало ликвидации внутрипартийной и советской демократии, подавлению самостоятельности масс и приоритету государственного аппарата. Сплошная коллективизация с ее чудовищными методами явилась не началом, а лишь результатом этого процесса, начало которому положил XII съезд, отклонив по настоянию Сталина (и при поддержке Зиновьева и Бухарина) ленинский план привлечения в состав ЦК авторитетных рабочих, связанных с массами. Вместо этого в ЦК были введены послушные Сталину аппаратчики, и это уже предрешило его победу. И в этом ему больше всего помогли Бухарин, Томский и Рыков, не подозревавшие, что копают могилу и партии, и себе.

Неверно, что Сталин вел борьбу с Троцким потому-де, что защищал от Троцкого ленинскую линию в вопросе об отношении к крестьянству и к НЭПу. Не говоря уже о том, что ленинскую линию защищал как раз Троцкий – никакой принципиальной идейной борьбы Сталин и здесь, как и нигде, не вел. Он искал повод и сторонников, чтобы отодвинуть от руководства Троцкого. И нашел таких сторонников – сначала в Зиновьеве, Каменеве и Бухарине, которых он затем в свою очередь разделил и натравил друг против друга.

Борьба идейная, принципиальная, как теперь совершенно ясно, шла между левой и правой группировками, между Троцким и Бухариным, которые предлагали принципиально раз-

личные пути развития страны и строительства социализма. Но Сталину на эти принципиальные расхождения было глубоко наплевать. Как всегда, он занимал в этом споре центристскую позицию, готовый в любую минуту, если это представится ему выгодным, перейти на другую сторону.

Как же можно утверждать, что до 1928–1929 года Сталин защищал ленинскую линию, вел партию ленинским путем?

Но может быть Сталин, независимо от своих побуждений, уже потому защищал ленинизм, что выступал против левой оппозиции, которая пыталась повернуть партию на антиленинский путь?

Это-то и пытается, но не может доказать Медведев. И в поисках аргументов прибегает к тем самым легендам, которые пущены были в ход Сталиным и его приспешниками.

К числу таких легенд относится приписанное Сталиным Троцкому намерение ликвидировать основной костяк партии (Сталин, как известно, часто приписывал своим противникам собственные намерения). Это измышление было выдвинуто Сталиным в 1924 году, в ходе дискуссии о партпоколениях. Медведев подхватывает сейчас этот сталинский вымысел и пытается доказать, что мысль об уничтожении старого большевистского ядра возникла у Троцкого раньше, чем у Сталина. В качестве доказательства он приводит следующую цитату из книги Л.Д.Троцкого «Новый курс»:

«Чередование политических поколений есть очень большой и сложный вопрос... Ленин не раз издевался над так называемыми „старыми большевиками“ и даже говаривал, что революционеров в 50 лет следовало бы отправлять к праотцам. В этой невеселой шутке была серьезная политическая мысль. Каждое революционное поколение становится на известном рубеже препятствием к развитию той идеи, которую оно вынесло на своих плечах. Политика вообще быстро изнашивает, а революция тем более. Исключения редки, но они есть: без них не было бы революционной преемственности».

Что же доказывает эта выхваченная из контекста цитата? Только то, что Троцкий был всерьез озабочен действительно серьезной проблемой преемственности партийных кадров и связанной с ней, не менее, а быть может и более серьезной проблемой опасности перерождения старых кадров. Об этой опасности он писал в брошюре «Новый курс», и это, как известно, вызвало возмущение у части старых большевиков. Можно понять негодование этих старых большевиков в 1923–1925 годах, если даже не разделять его. Но как понять Р.А. Медведева, поддерживающего их точку зрения сейчас, в 70-х годах, когда история показала, что в этом вопросе Троцкий был безусловно прав. Тогда он сигнализировал о надвигавшейся опасности. Мы уже давно пережили и перерождение кадров, и внезапную, без всякой преемственности, замену старых кадров новыми (если можно назвать «заменой» отправку прежних руководителей в лагерь или на расстрел).

Из приведенной Медведевым цитаты явствует только одно: Троцкий констатировал, что часть старых большевиков оказалась неспособной обеспечить переход партии на демократический курс и должна быть заменена более молодыми, не оказавшимися, но достаточно зрелыми политически партийцами. Что здесь общего с физическим и политическим уничтожением почти всех старых партийных кадров, проведенным Сталиным? Позиция Троцкого в этом вопросе вполне соответствует мнению, высказанному Лениным в его завещании, где он предостерегал партию от укомплектования руководящих органов оказавшимися коммунистами.

Столь же необоснованны обвинения в «левых крайностях», адресованные Медведевым оппозиции Троцкого, и восхваление им позиции Бухарина-Сталина как подлинно ленинской.

«Опыт 1918–1920 гг., – пишет Медведев, – достаточно ясно показал Ленину, сколь опасным для такой страны, как Россия, является открытое противоборство пролетарского государства и крестьянства. Это понимала также и группа Бухарина-Рыкова-Томского, которая не смогла, однако, одержать верх над Сталиным. Тем не менее, возможности иной, более эффек-

тивной и лишенной „левых“ крайностей политики, несомненно, существовали в нашей партии».

Конечно, существовали. И левая оппозиция предлагала именно такую политику, а отнюдь не «левые крайности», противоречащие линии Ленина. Выше я приводил вкратце программные требования левой оппозиции, заключающиеся в увеличении налогового обложения кулаков и нэпманов, в ограничении эксплуататорских элементов. Какие же это «левые крайности»? Линию оппозиции в крестьянском вопросе вполне можно охарактеризовать известными ленинскими словами: «Уметь достигать соглашения со средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту». (ПСС, т.37, стр. 10). Ни политика Сталина, разгромившего после 1928–1929 гг. среднее крестьянство, ни концепция Бухарина с его «врастанием кулака в социализм» и призывом «Обогащайтесь!» в эту ленинскую формулу не укладываются, а наоборот полностью ей противоречат.

Но, может быть, по прошествии десятилетий Медведев обнаружил, что прав был Бухарин, а не Ленин и Троцкий? Может быть, правоту взглядов Бухарина подтвердил опыт Югославии, Польши, Венгрии?

Может быть. Заняться изучением этой проблемы было бы крайне желательно, но Медведев такого анализа не проводит, а у меня для этого нет никаких возможностей.

Одно несомненно и зафиксировано в исторических документах. На протяжении 1926–1927 гг. левая оппозиция неоднократно предлагала, в полном соответствии с программой Ленина, не отказываясь от НЭПа, приостановить отступление, прекратить уступки капиталистическим элементам, пустить в ход рычаги налогового обложения. В течение двух лет это можно было сделать постепенно, обеспечив таким образом плавное проведение хлебозаготовок. Оппозиция предлагала это и на XV съезде партии, но предложение это было отвергнуто большинством. Однако не прошло и восьми дней (!) по окончании съезда, как Политбюро отменило его постановление и ввело чрезвычайные меры. Хлебозаготовки были проведены зимой 1928 года в порядке паники, с применением крутых чрезвычайных мер и были как бы прологом к дальнейшей жесточайшей политике ликвидации кулачества и сплошной коллективизации.

«Конечно, – пишет Медведев, – „революция сверху“ была связана с серьезным хлебозаготовительным кризисом 1927–1928 гг. Но в сравнении с кризисом 1920–1921 годов это был „легкий“ кризис, из которого можно было найти выход и на путях некоторого лавирования и отступления, не порывая в принципе с политикой НЭПа».

Верно. Но левая оппозиция именно это и предлагала. Почему же Медведев не хочет видеть, что Сталину на XV съезде было не до того, права или не права оппозиция по существу, не до хлебозаготовительного кризиса, не до взаимоотношений с крестьянством? Он был одержим главной для него мыслью: отлучить, изгнать из партии Троцкого и его сторонников.

Оценка Медведевым позиции Сталина в борьбе против левой оппозиции выглядит тем более странно, что в той же статье он в ряде случаев весьма трезво и правильно оценивает линию и направление мышления и поведения Сталина задолго до 1928–29 гг., когда Сталин обратил оружие против правой оппозиции. Так в своей статье он очень точно трактует статью Сталина «О политической стратегии и тактике», напечатанную в июле 1921 года (т. е. сразу после X съезда партии), статью, представляющую собой в завуалированной форме план личной стратегии Сталина, выдающий его мечты о завоевании личной власти, намечаемые им методы руководства, резко расходящиеся с ленинскими.

"Уже фраза о том, – пишет Медведев, – что "партия это командный состав и штаб пролетариата, может вызвать ряд возражений, ибо понятия «авангард» и «командный состав» далеко не идентичны. Но Сталин идет еще дальше, когда пишет: «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства советского, направляющий орган последнего, одухотворяющий его деятельность...»

Сравнение коммунистической партии с церковно-рыцарским орденом вряд ли могло придти на ум Ленину или Марксу..."

Или Троцкому и Бухарину, продолжим мы.

Я привел эту цитату из статьи Сталина, прокомментированную Медведевым, для того, чтобы показать, что Медведев, по-видимому, понимает, каков был круг мыслей, обуревавших Сталина еще в 1921 году, при жизни Ленина. Знает он и то, что осуществлять свой план перестройки партийной жизни на антиленинских началах Сталин начал еще при жизни Ленина, как только стал генеральным секретарем ЦК. В той же статье Медведев пишет:

"Так или иначе, но, возглавив секретариат партии, Сталин стал энергично работать над повышением авторитета партийного аппарата, который он считал всегда основой партийности.

Полномочия партийных органов все время возрастали в ущерб советам.

Очень быстро в руках Сталина оказалась громадная власть, тем более что Ленин в 1922 году часто болел, и его заменял в Совнаркоме и в Политбюро чаще всего Л.Б. Каменев.

Ленина стала беспокоить эта слишком большая власть Сталина... Ленин поэтому решил... написать специальное письмо... с характеристикой ведущих деятелей партии".

Как известно, ленинское письмо, знаменитое «Завещание», в котором Ленин предлагал убрать Сталина с поста генсека, было написано им в 1922 году и адресовано съезду партии. Известно также, что от партии оно было спрятано и опубликовано лишь после смерти Сталина и после XX съезда КПСС. Не может быть неизвестно Медведеву и то, что именно левая оппозиция распространяла текст этого ленинского завещания, и что вплоть до смерти Сталина изъятие у кого-либо этого документа влекло за собой заключение в лагерь на несколько лет.

Так можно ли после этого, как делает Медведев, исключать из всей антиленинской деятельности Сталина его борьбу с левой оппозицией и трактовать ее как защиту ленинизма?

С Бухариным против Троцкого Сталин объединился потому, что только при содействии бухаринской группировки он был в состоянии нанести поражение сначала зиновьевской фракции, а потом троцкистско-зиновьевскому блоку. Черед Бухарина пришел в свое время, когда Сталин использовал его так же, как он до этого использовал Зиновьева и Каменева.

Медведев не может, повторяю, этого не знать и не понимать. Но, исходя из неправильной предпосылки, что единственной альтернативой сталинизму была платформа Бухарина, он вынужден реабилитировать и Сталина за тот период, когда Сталин шел вместе с Бухариным, и когда левая оппозиция обвиняла сталинско-бухаринский блок в сползании с ленинской линии.

Вот как Медведев это делает.

"Нет, – пишет он, – с точки зрения интересов социалистического строительства в СССР это было движение вперед, хотя и не совсем по такому пути, который предлагали в 1925-1927-е годы «левые» группы в партии. Поэтому победа над «левой» оппозицией досталась Сталину не только и даже не столько благодаря вероломству или использованию партийного аппарата и аппарата ГПУ.

Несомненно, что в эти годы Сталин и Бухарин представляли в ЦК политическую линию, которая в большей мере соответствовала и ленинскому плану социалистического строительства в СССР, и настроениям широких народных масс. В середине 20-х годов не только крестьянство, но также рабочий класс и вся партия, а также большая часть партийных кадров смертельно устали от тягот военного коммунизма, голода, гражданской войны, не говоря уже об империалистической войне. Не только нэпманы и кулаки, но и все трудящиеся хотели воспользоваться той передышкой, которую гарантировало им правильное проведение политики НЭПа".

Но если дело обстояло так, значит, поддержкой партии и народа пользовался именно Бухарин, а не Сталин с его «ультралевой» политикой. Почему же после раскола сталинско-бухаринского блока победил не Бухарин, а Сталин?

Потому, отвечает Медведев, что

«...победу Сталина в эти годы определяли уже не столько „мудрость“ его политической линии, сколько нажим партаппарата и аппарата ГПУ, широкое использование фальсификации и обмана партии и народа, а также чрезмерная „мягкость“, податливость и ошибки его политических оппонентов. Новый поворот партии „влево“ не был объективной необходимостью, но именно этот поворот означал прекращение политики НЭПа, это был конец 20-х годов, это был решающий отход от ленинизма». (Подчеркнуто всюду мной. – Авт.)

Послушать Медведева, так можно подумать, что «нажим партаппарата и аппарата ГПУ, широкое использование фальсификации и обмана партии и народа» Сталин стал впервые использовать в 1928 году, а в ходе борьбы с левой оппозицией был стопроцентным ленинцем и применял вместе с Бухариным исключительно партийные, ленинские методы борьбы. Но чтобы утверждать такое, надо совершенно игнорировать историю, как она происходила в действительности. Стоит вспомнить, что именно в процессе борьбы с левой оппозицией Сталин вместе с Бухариным, Рыковым и Томским обосновал правомерность требования отказа от своих взглядов; что именно тогда были по существу запрещены внутривнутрипартийные дискуссии, что именно тогда начались массовые исключения из партии за оппозиционные взгляды. Это то, что касается нажима партаппарата. А что касается использования аппарата ГПУ, то стоит вспомнить провокацию с засылкой в ряды оппозиции бывшего белогвардейца, перехват писем оппозиционеров, аресты, ссылки и тюрьмы, которые обрушились на левых оппозиционеров в те годы, когда Бухарин вместе со Сталиным проводил «мудрую» политику отхода от интернационализма и строительства «социализма» в одной стране...

Создается впечатление, что концепция Р.А. Медведева порождена не объективным анализом исторических фактов, а продиктована стремлением в своей критике Сталина не слишком отклоняться от официоза. За свое стремление разоблачить Сталина и реабилитировать Бухарина Медведев платит вполне ортодоксальным поношением Троцкого. Он знает, что на протяжении более чем пятидесяти лет нет более проклинаемого официозом имени, чем имя Троцкого, и что нет большего «табу» в нашем обществе, чем положительное упоминание этого имени (за последние годы к нему, правда, прибавилось имя Солженицына). Поэтому путем всяких натяжек и повторения вымыслов Сталина и сталинистов Медведев пытается изобразить Л.Д.Троцкого антиленинцем.

Не лишены интереса содержащиеся в той же статье Р.А. Медведева рассказ о том, как Сталин сделался единоличным руководителем партии, и его оценка личности Сталина. Особенно интересны здесь цитаты.

"Троцкий, – пишет Р.А. Медведев, – однажды сказал о Сталине в кругу своих единомышленников, как о «самой выдающейся посредственности в нашей партии». Эта формула потом часто повторялась в кругах оппозиции, хотя подобная характеристика была не только неточной, но и не могла никак объяснить последующего возвышения Сталина. Троцкий и сам позднее понимал это, когда пытался объяснить, каким образом Сталину удалось одержать верх в ожесточенной борьбе за власть и влияние в партии над всеми соперниками. Исходя из своей крайне односторонней и потому ошибочной теории термидора, Троцкий пытался объяснить победу Сталина сложившимися в стране и в мире условиями спада революционной ситуации.

В одной из своих заметок Троцкий писал:

"В 1923 или в 1924 году И.Н. Смирнов, расстрелянный позже вместе с Зиновьевым и Каменевым, возражал мне в частной беседе:

– Сталин – кандидат в диктаторы? – говорил Смирнов. – Да ведь это совсем серый и ничтожный человек.

– Серый – да, ничтожный – нет, – отвечал Троцкий Смирнову".

«На ту же тему, – продолжал Троцкий, – были у меня два с лишним года спустя споры с Каменевым, который вопреки очевидности утверждал, что Сталин – „вождь уездного масштаба“. В этой саркастической характеристике была, конечно, частица правды, но только

частица. Такие свойства интеллекта, как хитрость, вероломство, способность играть на низших свойствах человеческой природы, развиты у Сталина необычайно, и при сильном характере представляют могущественное орудие в борьбе, конечно, не во всякой. Освободительной борьбе масс нужны другие качества, но где дело идет об отборе привилегированных, об их сплочении духом касты, об обессилении и дисциплинировании масс, такие качества Сталина поистине неопределимы... И все же взятый в целом Сталин останется посредственностью. Он не способен ни к обобщению, ни к предвидению. Его ум лишен не только блеска и полета, но даже способности к логическому мышлению. Каждая фраза его речи преследует какую-нибудь практическую цель; но речь в целом никогда не поднимается до логического построения. В этой слабости – сила Сталина. Бывают исторические задачи, разрешить которые можно только отказавшись от обобщений; бывают эпохи, когда обобщения и предвидения исключают непосредственные успехи. Это эпохи сползания, снижения, реакции».

Приведя эту цитату, Медведев продолжает:

"В этой характеристике, которую давал Сталину Троцкий, конечно больше истины, чем в приведенных им словах Смирнова или Каменева. Но и она во многом неточна. Это видно из вывода, который делает Троцкий: «Если бы Сталин мог с самого начала предвидеть, куда его заведет борьба против „троцкизма“, он, вероятно, остановился бы, несмотря на перспективу победы над всеми противниками. Но он ничего не предвидел».

Медведев возражает здесь Троцкому, и правильно возражает. Конечно, пишет он, Сталин не остановился бы, если бы заранее знал всю ту цену, которой досталась ему победа над своими противниками и его необъятная, поистине самодержавная власть.

Медведев прав, когда упрекает Троцкого в том, что он недооценил Сталина. И в этом смысле можно поспорить с Троцким и по вопросу о предвидении. Если Троцкий и прав в смысле политическом, философском, если Сталин лишен был дара теоретического обобщения и способности предвидеть последствия тех или иных политических мероприятий, то предвидения практического (т. е. умения загодя наметать и последовательно осуществлять эти наметанные им мероприятия) у него хватало с избытком. При этом он учитывал множество политических, психологических и личных особенностей как своих союзников, так и противников.

Так, он учитывал, что в борьбе с Троцким его союзники Зиновьев и Каменев сильно потрепят свой авторитет – и это впоследствии облегчит ему победу над ними. Он правильно рассчитал, начав борьбу с Зиновьевым и Каменевым, что Троцкий в этой борьбе останется нейтральным и не помешает ему, Сталину, громить их. И самое главное – он был убежден, что ни его противники, ни союзники не вскроют его тайных, внутренних замыслов и побуждений. И он оказался в этом прав. Ведь даже Троцкий, как это видно из процитированного выше его замечания, уже после многих лет борьбы со Сталиным, все еще считал, что Сталин прекратил бы свою антисоциалистическую и античеловеческую деятельность, если бы заранее знал, куда она его заведет.

Кстати, это его последнее замечание свидетельствует о таком качестве Троцкого, как его моральная чистота и некоторая, как это ни странно звучит по отношению к такому опытному политическому деятелю, наивность. Троцкий просто не мог представить себе, что человек может дойти до такого морального падения, чтобы, заранее зная, какое море лжи, клеветы, человеческой крови придется ему переплыть для достижения безграничной власти, – все-таки в это плавание пустился.

Дальше Медведев затрагивает очень глубокий и серьезный вопрос: о соотношении между ленинизмом и сталинизмом. Этот вопрос давно дебатруется и в ряде западных компартий, и в кругах буржуазных советологов. Многие западные историки накрепко связывают сталинский режим с режимом Ленина, усиленно подчеркивая, что Сталин в этом смысле являлся-де только продолжателем Ленина (это, кстати, любимая идея и А.И. Солженицына).

Можно ли целиком, что называется «от порога», отвергнуть эту мысль как злостную ложь? К сожалению, нельзя. Медведев прав, когда пишет, что «многие элементы советской политической и экономической системы, развитые позднее Сталиным, возникли еще при Ленине». Независимо от условий, в которых они возникли, независимо от субъективных намерений их творцов, эти элементы легко можно было использовать (и Сталин это сделал) для превращения советского общества из социалистического в антисоциалистическое. Можно и назвать некоторые из этих элементов: однопартийная система, ограничения свободы слова и печати, ограничения свободы дискуссий внутри партии, нетерпимость к инакомыслию и др.

Медведев говорит, однако, – и верно говорит – что «ошибочно отождествлять сталинизм и ленинизм или считать сталинизм естественным и логичным продолжением ленинизма». Но дальше следует нечто неожиданное. «Вместе с тем, – пишет Медведев, – очень трудно провести и какую-то строго определенную демаркационную линию между сталинизмом и ленинизмом».

Почему же трудно? Это все равно, что сказать: трудно-де провести демаркационную линию между честью и бесчестьем, идейностью и беспринципностью. Демаркационная линия во времени проводится легко – самым ходом истории. Демаркационная линия по существу – и того легче: по цели. Цель, сущность и содержание ленинизма – стремление к созданию социалистического общества. Цель, сущность и содержание сталинизма – стремление к власти. Сам Медведев очень хорошо иллюстрирует последний тезис.

«Всеобщий террор действительно преследовал в качестве одной из важнейших целей – укрепление личной власти Сталина и устранение всех его возможных конкурентов. Но этот террор не укреплял Советский Союз перед лицом смертельной угрозы со стороны гитлеровской Германии. Напротив, он ослаблял и армию, и партию, и народное хозяйство».

Как же можно после этого утверждать, что очень трудно провести демаркационную линию между ленинизмом и сталинизмом?

* * *

Вернемся от современного неофициального историка к современным официальным и попробуем понять, чем и насколько отличаются их труды от изданных в эпоху Сталина и написанных по его установкам.

В полном соответствии с «Кратким курсом» все современные учебники по истории КПСС, все современные публикации, излагая ход внутрипартийной борьбы в 20-х–30-х годах, характеризуют все оппозиции как представителей мелкой буржуазии, выступившей против диктатуры пролетариата. Вождей оппозиции, вместе с Лениным возглавлявших партию, все они по-прежнему трактуют как предателей и отступников от ленинизма, подкрепляя свою концепцию все теми же сочиненными Сталиным вымыслами, из которых убраны лишь самые одиозные и неправдоподобные (шпионаж, вредительство и т. п.).

Разгром всех оппозиций до сих пор рассматривается историками как победа ленинского курса партии, причем вопрос о том, какими средствами достигнут этот разгром, молчаливо опускается.

Полностью сохранено и положительное толкование роли Сталина в истории партии и страны в течение тридцати лет, причем главной заслугой его считается все тот же разгром оппозиций, с которого началось уничтожение партии. Но и все последующее – индустриализация, коллективизация, победа в Отечественной войне – записывается Сталину в плюс. Разорение сельского хозяйства, голод и гибель миллионов крестьян, выселение целых народов со своей земли, отступление на первом этапе войны с потерей колоссальных территорий, бесчеловечный отказ от своих соотечественников, оказавшихся в плену, а потом заключение их в лагерь, потеря 20 миллионов жизней в войне все эти грехи полностью отпускаются Сталину

авторами современных исторических трудов по истории партии и истории Великой Отечественной войны.

И для всякого вдумчивого читателя, если он молод и не знает никаких других источников, кроме официальных, становится совершенно непонятно: откуда вдруг взялись «культ личности» и «нарушение ленинских норм»? А о них все же приходится говорить – хотя бы в связи с неполным и неточным постановлением ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий».

В самом деле, ведь согласно схеме, вычерченной еще в «Кратком курсе», используемой и сейчас, все шло так хорошо. Сталин вел страну от победы к победе, он, как рыцарь с многоголовой гидрой, вел борьбу с антиленинскими оппозициями и всем им отрубил головы, спас партию от раскола. И вдруг внезапно обнаруживается, что Сталин единолично правил страной, нарушал социалистическую законность и создал культ собственной личности. Именно так изображается история происхождения культа личности в упомянутом выше постановлении ЦК и в истории КПСС, изданной при Н.С. Хрущеве.

Однако там же отмечается, что культ личности Сталина сложился постепенно. Что значит «постепенно», и в течение какого времени?

Ответа на этот вопрос в указанных документах нет, но его можно получить путем нехитрых вычислений.

Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» издано в 1956 году, а речь в нем (и особенно в докладе Н.С. Хрущева, происходившем в том же 1956 году) идет о событиях, относящихся еще к 30-м годам, начиная с убийства Кирова. Так, может быть, культ личности Сталина складывался «постепенно» с 1934 года? Но достаточно взять стенограммы XVII съезда партии, чтобы увидеть: культ личности на этом съезде был уже в полном цвету. Ни одна речь ни одного оратора (включая и бывших вождей оппозиции) не обходилась без восторженных панегириков и унижительных поклонов в адрес «великого вождя». На этом съезде, происходившем весной 1934 года, уже не было никакой оппозиции, не прозвучало ни одного слова критики. Чтобы создать такую атмосферу на съезде, нужна была соответствующая подготовка – и не в течение месяцев, а в течение лет. Она и проводилась, такая подготовка, действительно исподволь, постепенно, в ходе борьбы с оппозициями, с 1923 года, путем оттеснения, вытеснения и опорочивания старых вождей партии. И в процессе этой подготовки созданный Сталиным партийный аппарат постепенно создавал легенду о безошибочном вожде Сталине и всячески раздувал культ его личности. Нет, этот культ не «сложился» сам, стихийно. Он создавался организованно, по плану, спущенному сверху.

Кто создавал культ личности Сталина, кто стал связывать с его именем все успехи?

Секретари ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, горкомов, райкомов, наркомы, члены ЦК – все те, кто занял места удаленных оппозиционеров, кто был обязан своим выдвижением Сталину, выдвигавшему именно тех, кто проявил себя в борьбе с оппозициями. Потом это стало законом, обязательным правилом всех речей, статей, выступлений, даже обязательным первым тостом в застольях по случаю семейных праздников. Это вбивалось в голову детям, начиная чуть ли не с яслей (вспомним: «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство!»).

Выше я упоминал об одной особенности Сталина: он любил приписывать своим противникам свои собственные криминальные намерения. Так еще в 1923-24 гг. Сталин обвинил Троцкого в намерении занять место Ленина для того, чтобы единолично править партией и страной. Жизнь показала, кто вынашивал и осуществил такое намерение.

Троцкий высказался о культе личности Сталина на четверть века раньше, чем Хрущев. Еще в 1932 году он писал из-за границы в адрес партийных аппаратчиков:

"Вы начали борьбу против троцкизма под знаменем старой большевистской гвардии. Воображаемой амбиции Троцкого и его претензиям на единоличное руководство вы противопоставили коллективное руководство ленинского ЦК.

Что осталось от этого коллективного руководства ленинского ЦК? Аппарат независимо от рабочего класса и партии вымостил дорогу к диктатуре Сталина, который не зависит от аппарата.

Сегодня клятва верности ленинскому ЦК означает почти то же самое, что призыв к восстанию. Допускается только клятва верности Сталину. Единственно допустимая формулировка – ее должны все включать в свою речь – «под руководством Сталина».

Дальше Троцкий писал, что аппаратчики должны были бы отвергнуть притязания Сталина даже просто в собственных интересах и предупреждал, что только так они могли бы спасти себя. Он призывал работников партийного аппарата расстаться с мифом о Сталине, убрать его с пути партии и рабочего класса и очистить советскую систему от грязи, которой она обросла.

Партаппаратчики не вняли этим предупреждениям и погибли в свой черед, когда, по мнению Сталина, пришла пора окончательно покончить с теми, кто помнил еще ленинские времена. Они сходили со сцены, прославляя Сталина и погибая от его пуль. В трагически-гротесковой форме это в какой-то мере повторяло путь вождей оппозиции – кроме, конечно, Троцкого: все они сначала помогали Сталину громить Троцкого, а потом приходил их черед.

Но каким же образом изображается современными историками предыстория 30-х годов?

В общем, все тем же несложным путем прямой лжи, фальсификации, подтасовок, умолчаний и т. д.

В этом смысле чрезвычайно характерна все та же статья Пospelова в № 12 «Коммуниста» за 1969 год. Он пишет, например:

«Еще при жизни В.И. Ленина, осенью 1923 года, Троцкий начал яростную атаку на партию, возглавившую строительство первого в мире социалистического общества».

Как это могло быть, если именно в этот период, незадолго до смерти, В.И. Ленин в тесном контакте с Троцким, предлагая ему блок, боролся против извращения Сталиным национальной политики партии и против сталинских ошибок в вопросе о монополии внешней торговли? На этот счет есть документы, они опубликованы в ПСС В.И. Ленина. Расчет явно на то, что текущую статью Пospelова прочтут, а в собрании сочинений Ленина рыться не станут.

Далее:

«Троцкисты выступили с самой злостной демагогией против испытанных кадров ленинской партии, тех кадров, которые, тесно сплотившись вокруг Ленина, сыграли руководящую роль в свержении царизма и капитализма, выдержали тяжелые бои против сил старого мира в годы интервенции и гражданской войны, а в 1923–1924 годах начали успешно выводить страну из пропасти разрухи, нищеты, голода, в которую нас бросили империалисты». (подчеркнуто везде мной. – Авт.).

Кто же эти «испытанные кадры», против которых выступил Троцкий?

Конечно, в первую очередь к ним относятся члены Центрального Комитета партии.

Давайте посмотрим, кто тогда был членом ЦК и какова судьба тех, кто в период Октябрьской революции «тесно сплотился вокруг В.И. Ленина».

На апрельской конференции 1917 года, сразу после возвращения Ленина из Швейцарии, в ЦК было избрано 9 человек. Двое из них – Свердлов и Ногин умерли до 1923 года, третий – Ленин – был тяжело болен. Пятеро, по концепции Пospelова, были «врагами народа», и, как таковые, были впоследствии уничтожены Сталиным. Кто же спланировал вокруг Ленина для свержения царизма и капитализма? Враги народа? Или один только Сталин спланировал в единственном числе?

То же соотношение в ЦК, избранном на VI съезде партии в составе 21 человека. Четверо (Свердлов, Ногин, Урицкий, Сергеев (Артем) не дожили до 1923 года, Ленин умер в 1924 году. Один из членов ЦК (Иоффе) покончил с собой в 1927 году; Коллонтай в 1923-24 году в борьбе не участвовала, а 11 членов ЦК (и среди них и те пятеро, что были избраны в ЦК

еще на апрельской конференции) уничтожены впоследствии как враги народа (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Смилга, Крестинский, Сокольников, Ломов, Бубнов, Рыков, Милютин). Следовательно, только троим имеет право Пospelов предоставить честь сплачиваться вместе со Сталиным вокруг Ленина. Троим из двадцати одного!

Может быть, Пospelов имеет в виду активных участников Октябрьской революции, сыгравших действительно большую роль в свержении царизма и капитализма – Антонова-Овсеенко, Невского, Подвойского, Крыленко, Дыбенко, Раскольников, Чудновского, Мехоношина? Но и они все, кроме Чудновского, умершего в 1918 году, и Подвойского, дожившего до естественной смерти в 1948 году, были уничтожены Сталиным.

Из чего же исходил Пospelов, когда писал приводившиеся выше слова?

Из того, что никто не станет его проверять, а если и проверит, то не осмелится опровергнуть. Да и кто стал бы публиковать такое опровержение?

Аналогичные данные о кадрах, выдержавших, по выражению Пospelова, «тяжелые бои против сил старого мира в годы интервенции и гражданской войны» и о кадрах хозяйственников, которые «начали выводить страну из пропасти разрухи», легко найти в протоколах съездов партии.

Поэтапное выпадение из состава ЦК старых вождей происходило при одновременном выдвижении новых вождей сталинской школы – таких, как Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Каганович, Микоян, Куйбышев, Киров, С. Коссиор, Постышев, Рудзутак, Хрущев и другие, полностью преданные Сталину.

Позже часть из них пришлась не ко двору, и их тоже превратили во врагов народа. Так были уничтожены С. Коссиор, Рудзутак, Постышев и другие. С Кировым расправились другим образом, убив его руками ГПУ, но объявив это убийство делом рук «троцкистов» (не в первый и не в последний раз Сталин соединял здесь убийство с провокацией). Орджоникидзе инспектировали «разрыв сердца».

Все перечисленные выше, как и многие другие, участвовали в расправах с оппозициями. Всем им было невдомек, почему репрессии обращаются теперь против них.

Но Сталин знал, что он делает. С кадрами, воспитанными при Ленине, было покончено. Со связями между людьми, участвовавшими в подготовке и проведении революции, было покончено. Покончено было и со многими традициями. К руководству на всех ступенях было призвано полмиллиона людей, не отягощенных ни традициями, ни воспоминаниями, ни знаниями, ни принципами партийной этики. Образовалась действительно «партия нового типа», сталинского типа, костяк которой образовали чиновники, бюрократы, карьеристы. И теперь, в семидесятых годах, кадры эти в новых условиях продолжают дело своего вождя и учителя.

Среди опубликованных Троцким за границей документов есть составленная им таблица, которая точно фиксирует «заслуги» Сталина в уничтожении им ленинского костяка партии. Таблица эта охватывает период по 1939 год. Если продолжить ее на последующие 15 лет господства Сталина, картина была бы еще более выразительной.

Вот эта таблица, отражающая судьбу руководителей партии, избравшихся в состав Центрального Комитета на двенадцати съездах – с VI съезда, состоявшегося в 1917 году, до XVII-го, созванного в феврале 1934-го.

№ съезда	Дата созыва	Общее к-во членов канд.	В парт. рук-ве в наст. время (1939г.)	%	Умерло	%	Жертвы термидора	Политически ликвидированы	Общее количество		%	
									по суду	убиты	исчезли	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
VI	VIII 1917	21	1		7		7	-	3	3	13	61,9
		4	-	4,6	-	33,3	-	2	2	-	4	100
VII	III 1918	15	2		5		5	-	3	-	8	53,3
		8	-	13,3	2	25,0	-	1	4	1	6	75,0
VIII	III 1919	19	2		3		9	1	3	1	14	73,7
		8	2	25,0	2	26,0	1	-	2	1	4	50,0
IX	III-IV 1920	19	3		3		10	1	2	-	13	68,4
		12	2	16,6	3	25,0	-	-	4	3	7	58,3
X	III 1921	24	5		4		7	1	2	5	15	62,5
		15	-	-	3	20,0	3	-	7	2	12	80,0
XI	III-IV 1922	27	6		5		9	1	4	2	16	59,2
		19	3	15,8	3	15,8	2	-	6	5	13	68,4
XII	IV 1923	40	7		7		11	1	9	5	26	65,0
		17	2	11,8	1	5,9	1	1	3	9	14	82,3
XIII	V 1924	53	9		8		10	1	16	9	36	67,9
		34	2	5,8	-	-	3	1	9	19	32	94,1
XIV	XII 1925	63	10		9		10	1	17	16	44	69,8
		43	3	6,9	2	4,6	4	3	10	21	38	88,4
XV	XII 1927	71	10		11		5	3	25	17	50	70,4
		50	5	10,0	1	2,0	3	1	12	28	44	88,0
XVI	VI-VII 1930	71	11		6		6	4	25	19	54	76,0
		67	4	6,0	1	1,5	7	-	21	34	62	92,0
XII	II 1934	71	16		6		11	1	24	12	48	67,6
		68	8	11,8	1	1,5	8	2	20	29	59	86,7

Никто из официальных партчиновников, историков, идеологов сталинской эпохи после XX съезда и доклада Н.С. Хрущева не посмел даже сделать попытку проанализировать истинные причины происхождения «культы личности Сталина» и всего, что под этим очень неточным термином подразумевается. Не сделал этого после смерти Сталина и ни один из руководителей иностранных компартий. Один только Пальмиро Тольятти в своей «Памятной записке» («Правда», 10 сентября 1964 г.) отважился сделать намек на эти истинные причины. Он писал:

"...До тех пор, пока в качестве первопричины ограничиваются в сущности лишь тем, что разоблачают личные недостатки Сталина, мы остаемся по-прежнему в сфере культа личности... Остаются вне поля зрения подлинные проблемы, которые заключаются в том, каким образом и почему советское общество смогло прийти и пришло к известным формам отхода от демократической жизни и законности, которые оно раньше для себя намечало. Почему оно пришло даже к некоторым формам перерождения? При исследовании такого вопроса необходимо проследивать различные этапы развития советского общества..."

Нам представляется, что ошибки Сталина были связаны с чрезмерным ростом удельного веса бюрократизма и бюрократического аппарата в советской экономической и политической жизни и, возможно, прежде всего, в жизни партии. Весьма трудно сказать, где была причина, и где было следствие. Понемногу одно явление стало выражением другого".

Рассмотрев затем возможные причины возникновения и развития бюрократизма в СССР (наследие самодержавия, трудности периода гражданской войны и интервенции, вызвавшие применение радикальных репрессивных мер, и др.), Тольятти продолжает:

«...Сам Ленин, как это явствует из письма, направленного им Дзержинскому и только теперь опубликованного, предвидел необходимость поворота, когда контрреволюция и иностранная интервенция будут полностью побеждены, что и произошло за несколько лет до его смерти. Надо будет посмотреть, был ли осуществлен поворот или же напротив упрочилось кое-что из того, что должно было быть изменено или вовсе отброшено. Может быть, не является ошибкой утверждать, что именно в самой партии начались вредные ограничения демократического строя и постепенное преобладание бюрократических организационных форм». (Подчерк. мною. – Авт.)

Надо отдать должное Тольятти: несмотря на то, что в свое время он принял участие в репрессиях против коминтерновцев, он нашел в себе мужество критически взглянуть на собственное прошлое. Несмотря на очень осторожные формулировки («известные формы отхода от демократической жизни...», «ошибки (?) Сталина», «надо будет посмотреть», «может быть, не является ошибкой...» и т. п.), Тольятти по существу предлагал главное: провести объективный анализ сталинских преступлений и причин перерождения советского общества.

Но это не устраивало руководителей КПСС, даже Хрущева, который упрекнул Тольятти в том, что он преувеличил глубину разложения партии. А через два месяца после опубликования «Памятной записки» Тольятти, Хрущев был удален из Центрального Комитета, и его преемники повели линию на постепенную реабилитацию Сталина.

Разоблачение Сталина на XX съезде получило широкую огласку на Западе и поддержку ряда западных компартий. Буржуазная печать попыталась было использовать это разоблачение для дискредитации коммунистического движения в целом. Это, однако, не удалось: тот факт, что советские коммунисты сами разоблачили Сталина на своем съезде, а западные компартии продолжили процесс оздоровления, разоблачая собственных сталинистов, помог компартиям европейских стран сохранить доверие рабочего класса и прогрессивной интеллигенции. Последующий же поворот преемников Н.С. Хрущева «назад к Сталину» вызвал сильное недовольство и в самих западноевропейских компартиях (особенно в итальянской и испанской), и в широких кругах поддерживающих коммунистов рабочих и интеллигентов.

Это граничащее с возмущением недовольство возвращением к сталинской политике привело к серьезным разногласиям между компартиями западных стран и КПСС. Эти разногласия особенно обострились после оккупации Чехословакии войсками стран Варшавского договора во главе с Советской армией.

Западные компартии видели в реформах Дубчека единственно правильную политику, преследующую цель сделать социалистическое общество демократическим – таким, каким его и мыслили основоположники научного коммунизма. Но руководителям компартий СССР и стран-сателлитов не было дела ни до демократизма, ни до научного коммунизма. Они увидели в реформах Дубчека «дурной пример», опасную возможность борьбы своих народов за демократию, угрозу своей личной власти.

Ряд западных компартий официально осудил оккупацию Чехословакии и выступил в защиту Дубчека и других инициаторов «пражской весны».

Следующим пунктом расхождений между компартиями Италии, Испании, Франции, Англии и других западноевропейских стран с одной стороны и КПСС вкупе с компартиями восточно-европейских стран, естественно, стала проблема прав человека в странах, именующих себя странами социализма. Подталкиваемые своим рабочим классом и прогрессивной интеллигенцией, западные компартии присоединились ко всеобщему осуждению на Западе советской и вообще восточно-европейской политики репрессий против борцов за права человека.

Буржуазная печать Запада обвиняла и продолжает обвинять компартии своих стран в том, что они выступают против подавления прав человека только до тех пор, пока сами не придут к власти, для завоевания популярности избирателей. А заполучив власть, они-де установят в своих странах такой же тоталитарный режим, как в СССР и в странах-сателлитах СССР.

Это неверно. Конечно, борьба западных компартий за влияние на массы своих народов теперь в значительной степени зависит от того, поддерживают или осуждают коммунисты борьбу за права человека диссидентов стран восточной Европы. Но это только является для западноевропейских коммунистов еще одним аргументом, доказывающим, что невозможно построить социалистическое общество с помощью тоталитарного централизма, что необходимо отказаться от бесконтрольной однопартийной советской системы в пользу многопартийного, плюралистического общества.

Такая эволюция во взглядах западных компартий привела летом 1977 года к открытой дискуссии между ними и компартиями восточно-европейских стран.

Один из ведущих чешских коллаборационистов, второй секретарь ЦК компартии Чехословакии Василь Биляк в июне 1977 г. заявил, что линия компартий Испании, Италии и Франции – «это не еврокоммунизм, а антикоммунизм». Одновременно аналогичная мысль была развита в советском журнале «Новое время», направившем острие критики главным образом против генерального секретаря испанской компартии Сантьяго Каррильо.

Разногласия между основными компартиями Западной Европы и КПСС с ее сателлитами становятся все более глубокими.

Как передавала недавно «Немецкая волна», в книге, изданной в США неким профессором Иельского университета, утверждается, будто бы Сталин был в Октябрьские дни «запасным руководителем» на случай [в рукописи пропуск – *прим. ред.*]... Ленина. Это утверждение абсолютно ни на чем не основано.

Авторы имели в виду выступление Зиновьева 11 декабря, а Сталина – 15 декабря 1923 г. Сталин в этой своей речи говорил: «...левые коммунисты, составлявшие тогда отдельную фракцию, дошли до такого ожесточения, что серьезно поговаривали о замене тогда существовавшего Совнаркома новым Совнаркомом, из новых людей, входивших в состав фракции левых коммунистов. Часть нынешних оппозиционеров – тт. Преображенский, Пятаков, Стуков и др. входили в состав фракции левых коммунистов».

Во время дискуссии о Брестском мире Антанта предлагала Советскому правительству вооружение для борьбы с Германией. группа Бухарина решительно высказалась против получения оружия от империалистов; Ленин и Троцкий высказались за то, чтобы оружие взять.

В своем предсмертном – накануне самоубийства – письме Л.Д. Троцкому Иоффе сообщил о своем разговоре с Лениным по поводу былых разногласий Ленина и Троцкого о перманентной революции. Иоффе в этом письме свидетельствует, что Ленин тогда сказал ему: правота была на стороне Троцкого. Насколько мне известно, Л.Д. никогда не использовал этого свидетельства Иоффе. Очевидно, сам он все-таки считал, что в этом споре ошибался он, а правота была на стороне Ленина.

Выше я писал, что во всем, касающемся исторических фактов, подкрепленных документами, недопустимы всяческие домыслы и предположения. Но когда речь идет об объяснении мотивов той или иной позиции, без предположений не обойтись.

II. ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

14. Постановка вопроса

Куда эволюционирует советское общество, советское государство? Каков характер, каковы причины этой эволюции? Вопросы эти давно являются предметом пристального внимания как мыслящих людей внутри СССР, так и особенно за границей.

Почему Сталин пошел на разрушение советской демократии и усиление централизованной власти – этот вопрос занимает как сторонников, так и противников сталинского режима.

Большинство исследователей объясняет (а многие и оправдывают) диктаторский режим тем, что страна была в капиталистическом окружении, а сроки для подготовки к столкновению с капитализмом были ей отпущены краткие. Так считал, в частности, Е. Варга, так находил Джилас, так писали многие буржуазные журналисты и советологи. Примерно такой же позиции придерживается сейчас безусловный противник сталинского режима, генеральный секретарь Испанской компартии Сантьяго Каррильо.

По мнению Варги, Сталин вынужден был установить жесткую, централизованную партийно-бюрократическую иерархию («это было лишь необходимой системой рычагов централизованного административного управления»), чтобы выстоять против капиталистического окружения и напора мелкобуржуазной стихии. Для этого нужна была, утверждал Варга, сильная централизованная власть.

Но такая власть после Октябрьской революции была у большевиков всегда. Однако при Ленине, несмотря на некоторые отступления от принципов демократического централизма, власть эта была гибкой, маневренной, централизм и демократия тогда более или менее уравновешивались. При Сталине же централизм полностью поглотил демократию.

Разве в обстановке гражданской войны, когда страна находилась в кольце блокады, централизованная власть была менее необходима, чем в 1923–1929 годах? Но даже в гражданскую войну съезды партии созывались ежегодно, и перед каждым из них и в ходе самих съездов происходили жаркие дискуссии, и ЦК, и Ленин неоднократно выслушивали критику в свой адрес. Линия партии определялась путем подъема активности партийных масс, а не диктовалась сверху, административным путем, как установилось при Сталине.

Сантьяго Каррильо, рассматривая в книге «Еврокоммунизм и государство» вопрос об эволюции советского общества, пишет:

«Необходимо вернуться к сложности этой ситуации и к тому, каким образом она находится в противоречии с примитивными схемами. Среди тех стадий, которые упоминались Марксом и Энгельсом (две из них мы называем социализм и коммунизм), нет той, на которой государство, созданное революцией, должно будет энергично приняться за осуществление первоначального социалистического накопления, необходимого для организации современного производства. Другими словами, не было учтено того, что новое государство будет вынуждено выполнить прежде всего типично капиталистическую задачу, которая не может быть выполнена в короткое время».

Идея первоначального социалистического накопления как особого этапа для перехода от капитализма к социализму впервые выдвинута не Сантьяго Каррильо в 70-х, а Е. Преображенским в 20-х годах (см. об этом ниже). Идея эта противоречит всему строю марксистского учения и его экономической теории. Из учения Маркса вытекает (и это подтверждено жизнью), что гигантская концентрация средств производства происходит еще в недрах капитализма. И это само по себе, без всякого «первоначального социалистического накопления», путем обобществления средств производства обеспечит переход от капиталистического к социалистиче-

скому способу управления. Маркс и Энгельс считали, что социалистическая революция сможет победить только тогда, когда капитализм сам проделает всю черновую работу: достигнет высокого уровня производства и централизует промышленность и сельское хозяйство до такого уровня, что новому социалистическому строю не понадобится начинать с первоначального накопления.

А как же быть, если страна, совершившая социалистическую революцию, еще не созрела для социализма, как, например, Россия в 1917 году? Тогда, отвечали классики марксизма, они смогут построить социализм с помощью и при поддержке более развитых стран.

Ленин, борясь в 1917 году за социалистическую революцию, понимал, что Россия еще не подготовлена к социализму. Он шел на революцию в уверенности, что пролетариат передовых капиталистических стран Европы поддержит русскую революцию. Его уверенность вытекала из анализа эпохи империализма как эпохи войн и революций.

Да, говорят критики, но ведь этого не случилось, предвидение Ленина не осуществилось. Русская революция осталась одинокой в безбрежном океане капиталистического окружения. И С.Каррильо в связи с этим задается вопросом:

"Не является ли тип государства, который развился в Советском Союзе, и в частности та диктаторская система, которая ассоциируется с именем Сталина, со всеми своими эксцессами, злоупотреблениями и произволом, следствием именно этой функции государства, которая состоит в осуществлении первоначального накопления, в развитии современной индустрии любой ценой...

...Обратная же сторона состоит в том, что это накопление, это титаническое усилие развить индустрию потребовало огромных и бесчисленных жертв рабочего населения, жертв, на которые широкие массы этого населения не могли согласиться. И в этом состоял просчет, который поразил союз рабочих и крестьян и с неизбежностью привел к установлению государства такого типа, которое не только подавляет прежние прогрессивные классы, но также и ту часть населения... которая не принимала эти жертвы и, объективно говоря, могла быть мобилизована против нового правительства. Феномены бюрократизации возникли не только на основе традиций царизма, но также из этой ситуации, которой не предвидели теоретики. Маркс, Энгельс, да и сам Ленин представляли себе диктатуру пролетариата как власть огромного большинства, подавляющего крошечное меньшинство, для которой организация широкой демократии была предпосылкой. На практике так не произошло. Большая часть населения была пассивной, а очень важная часть – враждебной. Рабочая демократия продолжала все больше «сморщиваться», и то же самое происходило в партии, где острые социальные противоречия проявлялись в обострении фракционной борьбы, которой после смерти Ленина никто не способен был управлять. В результате этого образовался бюрократический слой, который начал присваивать себе функции лидерства, будучи уверенным, что он является исполнителем воли социальной массы рабочего класса, воплощением его диктатуры, но который незаметно начал пускать свои собственные корни, приобретать собственные интересы, действовать в соответствии со своими собственными специфическими механизмами и объективными законами". (С.Каррильо «Еврокоммунизм и государство». Подчерк. мной. – Авт.)

Здесь многое верно, но неверна главная посылка: бюрократизация советского строя возникла и развилась не из потребности в первоначальном социалистическом накоплении, которая (потребность) якобы породила необходимое для ее удовлетворения насилие. Нет, насилие было необходимо Сталину для захвата им личной власти, и бюрократизация, централизация, отказ от установки на мировую революцию и замена ее установкой на сильное национальное государство – все это нужно было Сталину для достижения им той же цели.

Каррильо сомневается в том, что сталинская политика насилия явилась результатом его отхода от ленинской установки на мировую революцию. Он пишет:

"В своей речи на 1-м Всероссийском съезде Совнархозов 26 мая 1918 года Ленин сказал: «Мы не закрываем глаза на то, что нам одним, социалистической революции в одной стране, – если бы она была даже гораздо менее отсталой, чем Россия, если бы мы жили даже в условиях более легких, чем после 4-х лет мучительной, тяжелой и разорительной войны, – в одной стране социалистической революции своими силами не выполнить». (Ленин, ПСС, т.36, стр.382)

«Эта же идея, – продолжает Каррильо, – высказывалась и в других случаях, и Сталин после смерти Ленина в течение некоторого времени признавал, что невозможно построить полный социализм в одной стране и что это будет достигнуто только тогда, когда триумфальное шествие революции охватит другие развитые страны...» (С.Каррильо, там же).

Однако отход сталинской фракции от установки на мировую революцию начался еще до смерти Ленина, после провала германской революции в 1923 году, после начала стабилизации капитализма.

В своих предсмертных статьях В.И. Ленин наметил тактику партии в связи со стабилизацией капитализма и затяжкой мировой революции. Эта тактика предусматривала политику, дававшую возможность пролетарскому государству продержаться до нового подхода мировой революции, надежда на которую связывалась у Ленина с назревающим восстанием колониальных и полуколониальных народов.

Но вскоре после смерти Ленина Бухарин и Сталин предложили другую тактику – установку на строительство социализма в одной стране (конкретно в России) независимо от мировой революции. Это обосновывалось тем, что капитализм стабилизировался, и вопрос о мировой революции откладывается-де на неопределенное время. Они выступали поэтому против «авантюристической» политики Троцкого, продолжавшего придерживаться ленинской установки на мировую революцию.

Предлагая коренным образом изменить тактику партии, Бухарин и Сталин руководствовались различными мотивами. Бухарин, так же, как Ленин и Троцкий, искал возможности продержаться до новой революционной ситуации в странах Европы – а концепция строительства социализма в одной России, казалось, открывала возможность мирного сосуществования с капиталистическими странами и использования этого промежуточного периода для медленной, постепенной доделки того, что не успел сделать в России капитализм.

Сталин ни в какую мировую революцию не верил и был к этой идее равнодушен. Социализм, как он его понимал, можно было насадить только силой, а для этого нужно было создать сильное централизованное государство, руководимое единой волей и способное силой же в подходящее время насадить угодный ему строй в других странах. Таким образом, концепция «социализма в одной стране» совпадала с уже полностью сложившимся к тому времени у Сталина стремлением к захвату личной власти и очень облегчала этот захват.

«Каким образом, – задает себе вопрос Каррильо, – соотносится, с одной стороны, эта идея (о невозможности построить социализм в одной стране), которая затем была идеологически отброшена, чтобы на XVII съезде в 1934 году провозгласить победу социализма в СССР, – и, с другой стороны, характерные черты государства, построенного в СССР?»

Пытаясь ответить на этот вопрос, Каррильо неправильно выводит ужесточение режима диктатуры из необходимости обеспечить первоначальное социалистическое накопление. Он пишет:

"Ускоренная индустриализация, которая снизила возможности демократии и привела к крайнему подавлению ради достижения капитализации, необходимой для этой цели, не явилась результатом свободного выбора, сделанного исключительно по внутренним причинам. Это в значительной степени было навязано капиталистическим окружением под угрозой войны, которая хотя и разразилась только в 1941 году, но которая всегда замышлялась против СССР в предшествующие годы. Или индустриализация, или гибель – такова была дилемма, подтвержденная фашистской агрессией.

Посредством этой угрозы империалистические силы, сознательно или нет, но оказывали влияние на все внутреннее развитие СССР. Они навязывали темп накопления и индустриализации, которые с необходимостью лимитировали социалистические мероприятия и оказывали негативное влияние на сельское хозяйство. Иначе говоря, они навязывали такой темп, который, в конечном счете, препятствовал союзу рабочего класса и крестьянства и сужал массовую базу системы. В то же время эта ситуация способствовала развитию государства, расположенного над и выше общества, государства, в котором методы принуждения разрослись до огромных пропорций и благоприятствовали возникновению эксцессов сталинских лет. Все это подтверждает невозможность построить полный социализм в одной стране до победы социализма также в ряде высокоразвитых стран...

Международная ситуация навязала советским лидерам выбор превратить новое государство в великую военную державу ценой громадных жертв во имя этой цели. Это также придало государству, рожденному Октябрьской революцией, затем развитому Сталиным и все время зажатому в эту дилемму, специфические особенности которой наиболее ярко подчеркивают его авторитарный характер". (С.Каррильо, там же).

Мы привели большую выдержку, чтобы не создалось впечатления, будто мы выдерживаем цитаты из контекста. В приведенной цитате дана законченная мысль автора по конкретному вопросу.

К сожалению, приходится констатировать, что С.Каррильо ставит здесь вопрос с ног на голову. Аргументация взята им из «теоретического» арсенала Сталина. Это Сталин, оправдывая репрессии, убедил своих единомышленников (в том числе и ряд руководителей иностранных компартий), что карательная политика партии была вызвана давлением империализма, что ускорение темпов индустриализации диктовалось капиталистическим окружением, что «эти два процесса – зажим демократии и индустриализация – были тесно связаны между собою».

Достаточно, однако, проанализировать ход событий в СССР с 1922 года (с момента начала болезни Ленина) до войны 1941 года, подробно рассмотренных мною в первой части данной книги, чтобы убедиться в следующем:

1. Ужесточение режима началось сразу после болезни Ленина и было осуществлено не ради первоначального социалистического накопления. Ведь об индустриализации тогда еще и речи не было. Впервые вопрос об индустриализации был поставлен в докладе Л.Д. Троцкого на XII съезде партии в 1923 году – только поставлен, и совсем не в плоскости подготовки страны к войне, а главным образом под углом зрения организации смычки города с деревней.

Итак, о первоначальном социалистическом накоплении во имя индустриализации никто еще не заикался, а требование ужесточить режим уже открыто выдвигалось в речах лидеров партии (особенно Зиновьева). Это ужесточение должно было облегчить изоляцию своих противников, ибо в руководящей головке партии уже начался дележ наследства еще не умершего Ленина.

2. 1923 год. Об индустриализации страны пока заговорил – и то лишь в теоретическом плане – только Троцкий. Сталин и Зиновьев еще об индустриализации и о накоплении средств для нее не помышляют, а зажим демократии уже принял угрожающие формы. Закончился он на том этапе, как известно, взрывом – дискуссией в партии и временным отступлением большинства ЦК под напором оппозиции. Была принята известная резолюция Политбюро от 5 декабря 1923 года «О внутрипартийной демократии», была издана брошюра Л.Д. Троцкого «Новый курс».

1924 год. О первоначальном социалистическом накоплении, об ускорении индустриализации все еще речи нет, а XIII партконференция и XIII съезд партии уже принимают направленные против оппозиции решения «О мелкобуржуазном уклоне» и «О чистке вузовских ячеек». И направлены они против оппозиции только потому, что та вела борьбу за внутрипартийную демократию. Съезд также принимает решение «О ленинском призыве в партию», явно направ-

ленное на то, чтобы разжижить состав партии и тем гарантировать центральному Комитету большинство против оппозиции.

В конце 1924 года фракция большинства добивается первой ощутимой победы: от руководства отсекается наиболее крупный и серьезный защитник демократии и ленинской линии Л.Д. Троцкий.

1925 год. Все еще нет речи о первоначальном социалистическом накоплении. Вопрос об индустриализации (не в плоскости подготовки к войне, а как решение проблемы смычки с деревней) выдвигается не Сталиным, а Зиновьевым и Каменевым как один из пунктов программы их противостояния правоцентристскому блоку Бухарина-Сталина. Но на XIV партконференции и на XIV съезде партии продолжается ужесточение режима и дальнейшее отсечение ленинских кадров. На сей раз отсекаются от руководства Зиновьев и Каменев.

1926 год. Е.А. Преображенский выпустил в свет свою книгу «О первоначальном социалистическом накоплении». Но эта книга отвергается как справа, так и слева. Правоцентристский блок Сталина-Бухарина встречает ее в штыки как направленную против союза с крестьянством и противоречащую взглядам Ленина. Левая оппозиция в лице Троцкого и Зиновьева также находят теорию Преображенского противоречащей марксизму.

Разрабатывается платформа оппозиции. В этой платформе впервые ставится вопрос об ускорении сроков индустриализации, необходимой для обеспечения страны промышленной продукцией, и в первую очередь – для эффективного проведения коллективизации. Оборона, конечно, тоже принимается во внимание, но не она определяет линию на индустриализацию.

Оппозиция предлагает ускоренную индустриализацию лишь в рамках накоплений, поступающих от разницы между оптовыми и розничными ценами, от сверхобложения кулаков и нэпманов и от режима экономии. Тем не менее, правоцентристский блок обвиняет оппозицию в проповеди «сверхиндустриализации», в попытках разрушить союз рабочих и крестьян.

И вся эта деятельность правящего правоцентристского блока, направленная против предлагаемого оппозицией ускорения индустриализации, сопровождается дальнейшим ужесточением режима. Исключаются из Политбюро Троцкий, Зиновьев и Каменев. Начинаются аресты оппозиционеров.

1927 год. О первоначальном социалистическом накоплении все еще речи нет. XV съезд партии принимает резолюцию, предусматривающую умеренную индустриализацию: развитие легкой индустрии, а тяжелой – только в меру развития легкой. Продолжаются обвинения оппозиции в «сверхиндустриализации».

Но это – наименьшее из обвинений, которые сыплются в этом году на оппозицию. Внутривнутрипартийная борьба принимает исключительно острый характер. XV съезд исключает оппозицию из партии как раз за взгляды, которые предусматривают индустриализацию и коллективизацию. XV съезд был кульминационным пунктом борьбы по вопросу о строительстве социализма в одной стране, а вслед за ним состоялось и осуждение оппозиции Коминтерном. Идут развернутые аресты оппозиционеров и заключение их в тюрьмы и лагеря.

Таким образом, ясно, что идущее крещендо ужесточения режима никак не связано с подготовкой индустриализации и укреплением обороны страны.

1928 год. В течение всего этого года Сталин продолжает стоять за умеренную коллективизацию и критиковать левую оппозицию за «сверхиндустриализаторские» тенденции, все еще занимает позицию развития тяжелой индустрии только «в меру развития легкой». Правда, в связи с началом борьбы против правой оппозиции, он уже начинает колебаться, но эти колебания идут пока главным образом по линии отношения к крестьянству по вопросу об обложении налогом кулаков и зажиточных середняков. И вызваны эти колебания срывом закупок государством хлеба у верхних слоев деревни.

А ужесточение режима и зажим демократии все нарастают. Начинаются преследования последней группы членов ленинского Политбюро. Бухарин, Рыков, Томский и их сторонники все сильнее жалуются на «организационное окружение».

1929 год. Только с апреля 1929 года Сталин начинает выдвигать вопрос об ускорении темпов индустриализации. Позднее в том же году он ставит вопрос о пересмотре в сторону ускорения этих темпов пятилетки – пятилетки, которая до того предусматривала поистине черепаший темпы индустриализации.

Можно считать, что с конца 1929 года Сталин принял платформу Преображенского о «первоначальном социалистическом накоплении». Есть этому и конкретные свидетельства: во время известной встречи Бухарина с Каменевым в 1928 году Бухарин сообщил Каменеву, что Сталин принял точку зрения Преображенского.

Но к этому же времени относится окончательный разгром в партии всех оппозиций, окончательное отсечение от руководства всех бывших членов ленинского Политбюро, установление в партии и в стране личной диктатуры Сталина.

Таким образом, на протяжении 1922–1929 годов в партии и в стране параллельно происходило два процесса: 1) подавление демократии, ужесточение режима и усиление личной власти Сталина и 2) сдерживание темпов индустриализации.

Ленин и Троцкий рассматривали диктатуру, насилие как временный переходный этап, необходимый для подавления «крошечного меньшинства» (С.Каррильо) внутри страны и как пролог к мировой революции.

Этого не получилось. Первоначальный план Ленина, партии большевиков столкнулся с сопротивлением внутренней и международной буржуазии, в том числе и в рядах собственной партии. В своих предсмертных письмах Ленин разработал на период до подхода всевропейской революции новую тактику, предусматривавшую:

- а) продолжение социалистического строительства в области промышленности и, на ее основе, укрепление пролетарской базы советской власти;
- б) подъем сельского хозяйства – главным образом путем поощрения с.-х. кооперации и вовлечения в нее, на основе полной добровольности, бедняков и середняков;
- в) подъем общей культуры населения путем всеобщего обязательного обучения, создания условий для расцвета литературы, искусства и культуры;
- г) подъем материального уровня жизни трудящихся;
- д) решительная борьба с бюрократизмом.

План Ленина полностью поддерживался Троцким, и он, этот план, не предусматривал, конечно, такой дикой, не соответствовавшей внутренним ресурсам страны, индустриализации, какую начал проводить Сталин. Не предусматривал он, разумеется, и бешеных темпов коллективизации, и принудительного ее характера, и всеобщего ограбления трудящихся масс страны.

Сталинская политика в области индустриализации и коллективизации не только не соответствовала основным принципам марксизма, но и противоречила интересам борьбы за мировую революцию, отталкивала пролетариат европейских стран от Коминтерна, от опыта первой социалистической страны.

Небезынтересны рассуждения по вопросу о насилии и принуждении известного русского философа-идеалиста Н. Бердяева, отнюдь не питавшего симпатий к русской революции, однако пытавшегося рассуждать о ней, в меру своих возможностей, объективно.

Так, он соглашается с тем, что Ленин рассматривал диктатуру пролетариата как явление временное, необходимое лишь в переходный период от капитализма к социализму. Но, спрашивал Бердяев,

«...как и почему прекратится то насилие и принуждение, то отсутствие всякой свободы, которыми характеризуется переходный к коммунизму период, период пролетарской диктатуры?»

И далее Бердяев пишет:

«Ответ Ленина простой, слишком простой. Сначала нужно пройти через муштровку, через принуждение, через железную диктатуру сверху. Принуждение будет не только к остаткам старой буржуазии, но и по отношению к рабоче-крестьянским массам, и к самому пролетариату, который объявляется диктатором. Потом, говорил Ленин, люди привыкнут соблюдать элементарные условия общности, приспособятся к новым условиям. Тогда уничтожится насилие над людьми, государство отомрет, диктатура кончится».

"Одного он (Ленин) не предвидел, – писал Бердяев, – что классовое угнетение может принять совершенно новые формы, не похожие на капиталистические. Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую, как паутина, всю страну и все себе подчиняющую. Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы.

Переходный период может затянуться до бесконечности. Те, которые в нем властвуют, войдут во вкус властвовать и не захотят изменений, которые необходимы для окончательного осуществления коммунизма. Воля к власти станет самодовлеющей, и за нее будут бороться как за цель, а не рассматривать ее как средство. Все это было вне кругозора Ленина. Тут он особенно утопичен, очень наивен. Советское государство стало таким же, как всякое деспотическое государство, оно действует теми же средствами. Это, прежде всего, государство военно-полицейское. Его международная политика как две капли воды напоминает дипломатию буржуазного государства. Коммунистическая революция была оригинально русской, но чуда рождения новой жизни не произошло". (Н. Бердяев, «Истоки и смысл русского коммунизма». Подчеркн. везде мной. – *Авт.*)

Независимо от отдельных неверных характеристик (например, насчет «наивности» Ленина), здесь очень многое подмечено точно. При этом некоторые формулировки русского эмигранта Бердяева и лидера испанских коммунистов Каррильо совпадают чуть ли не текстуально. Сравним, например, подчеркнутые нами выше строки Бердяева с уже приводившейся ранее характеристикой Каррильо:

«...В результате этого образовался бюрократический слой, который начал присваивать себе функции лидерства...» и который «незаметно начал пускать свои собственные корни, приобретать собственные интересы, действовать в соответствии со своими собственными специфическими механизмами и объективными законами». (С.Каррильо, «Еврокоммунизм и государство». Подчеркн. мной. – *Авт.*)

Как видим, и Бердяев, и Каррильо подметили одно и то же явление и довольно точно определили его. Разница – в причинах, которыми авторы объясняют происхождение бюрократизма и упрочение режима насилия в Советском Союзе. И разница эта, как ни покажется странно, – в пользу идеалиста Бердяева, который, устанавливая эти причины, оказался ближе к истине, чем марксисты Варга и Каррильо.

Чтобы выяснить суть этой проблемы, мы постараемся проследить историю эволюции советского государства.

15. Причины возникновения и упрочения бюрократизма

Опровергнем, прежде всего, утверждение Бердяева, что Ленин будто бы оказался «наивным политиком», не предвидевшим опасность, грозящую коммунизму от образования специфического слоя бюрократии.

Была ли эта опасность «вне кругозора Ленина»?

Нет, не была.

В брошюре «о продовольственном налоге», написанной в 1921 году, Ленин писал:

«Возьмите вопрос о бюрократизме. 5-го мая 1918 года бюрократизм в поле нашего зрения не стоит. Через полгода после Октябрьской революции, после того, как мы разбили старый бюрократический аппарат сверху донизу, мы еще не ощущаем этого зла. Проходит еще год. На VIII съезде РКП(б), 18–28 марта 1919 года принимается новая программа партии, и в этой программе мы говорим прямо, не боясь признать зло, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать волю, энергию действия для борьбы со злом, мы говорим о частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя. Прошло еще два года. Весною 1921 года, после VIII съезда Советов, обсуждавшего вопрос о бюрократизме, после X съезда, подводившего итоги спорам, теснейше связанным с анализом бюрократизма, мы видим это еще яснее, еще отчетливее, еще грознее перед собою». (Ленин, ПСС, т.43, стр. 229–230).

Приведенная цитата – повторяю, одна из многих – подтверждает, что Ленин полностью учитывал грозную опасность бюрократизма для советского строя даже в 1919 году, когда эта опасность была еще в зародышевом состоянии. По мере того, как опасность бюрократизма в связи с затяжкой международной революции возрастала, усиливалось и внимание Ленина к этой проблеме. Особенно активно занимался ею Владимир Ильич в последние годы своей жизни.

«Эта война, – говорил он на X Всероссийской конференции РКП(б) в мае 1921 года, подразумевая войну с бюрократизмом, – конечно, связана подчас с поражениями. Но где же это видано, чтобы даже самые победоносные войны обходились без поражений? Так и здесь возможны поражения, но борьбу вести нужно, хотя эта война куда труднее, чем гражданская». (Ленин, ПСС, т.43, стр. 328).

И предупреждал партию:

«Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма».

Очевидно, что Бердяев, мягко выражаясь, заблуждался насчет наивности и утопичности Ленина. Ленин прекрасно сознавал, откуда грозит опасность делу революции, что может погубить ее еще до создания базы социализма. И при этом, не стесняясь, указывал на главное зло, считая наиболее опасным типом бюрократа ответственных работников, в том числе и коммунистов.

«Самый худший у нас внутренний враг – бюрократ, это коммунист, который сидит на ответственном посту... и который пользуется всеобщим уважением, как человек добросовестный... Он не научился бороться с волокитой, он ее прикрывает. От этого врага мы должны очиститься, и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся». (ПСС, т.45, стр.15)

Отвечая на вопрос, откуда взялся советский бюрократизм, каковы социально-экономические корни этого явления, В.И. Ленин писал:

«Эти корни двоякие: с одной стороны развитая буржуазия против революционного движения рабочих нуждалась в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судебском и т. д. Суды у нас классовые, против буржуазии. Бюрократизм не в армии, а в обслуживающих учреждениях. У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность,

распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие оборота между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними. Бюрократизм как наследие „осады“, как надстройка над распыленностью мелкого производителя обнаружил себя вполне». (В.И. Ленин, «О продовольственном налоге», ПСС, т.43, стр. 230–231).

Из приведенного выше ленинского анализа корней бюрократизма вытекают и намеченные им пути борьбы с этим злом: быстрее восстановление промышленности и восстановление оборота между городом и деревней, вовлечение крестьян в кооперацию, подъем культуры и жизненного уровня трудящихся. На этой основе должны были выработаться условия, способствующие вовлечению широких масс рабочих и крестьян в управление государством. Их активное содействие, их зоркое наблюдение за аппаратом Ленин считал важнейшим условием вытаскивания из него (аппарата) бюрократов, волокитчиков, карьеристов и прочих, мешающих строительству нового общества.

Однако, как показала жизнь, ленинский анализ причин возникновения и развития советского бюрократизма был неполон и, в какой-то мере, односторонен. Так, Ленин исключил – по-моему, без основания – из своего анализа одну из решающих причин возникновения советского бюрократизма потребность в аппарате для подавления враждебных классов. В первые годы советской власти это была реальная потребность, но, раз возникнув, аппарат подавления сразу обнаружил тенденцию к обособлению, к независимости от широких масс партии и народа, чему способствовала секретность, которая по самому существу специфики свойственна всяким органам подавления. Лучшей питательной формы для бюрократизма нельзя себе представить. Тем более что под покровом тайны в государственный аппарат проникают случайные, чуждые социализму люди, использующие его для своих личных целей или, что не менее вредно, бездумно выполняющие приказы, тоже являющиеся секретными. Вот эта секретность, тайность, изолированность от масс и является той атмосферой, той питательной средой, которая рождает наиболее опасный вид бюрократизма.

Ленин не включил наличие аппарата подавления в свой перечень причин возникновения бюрократизма потому, что «суды у нас классовые», что аппарат подавления у нас направлен не только против классовых врагов. Но Ленин в данном случае был не прав. Обособленность, бесконтрольность аппарата подавления, жестокость и необоснованность репрессий, даже направленных против классовых врагов, развращают государственный аппарат и работающих в нем коммунистов, прививают им вкус к власти и ощущение своей безнаказанности. Цинизм и беспринципность, развивающиеся в этой системе, позволяют впоследствии, как это и произошло, использовать ее не против классовых врагов в защиту народных интересов, а против народа, в защиту бюрократии.

Не учел Ленин и такое благоприятствующее росту и укреплению бюрократизма обстоятельство, как возникновение неравенства в советском обществе. Правда, в ленинские времена с этим боролись, во всяком случае, в партийной среде (вспомним партмаксимум). Но, акцентируя внимание лишь на «наследии осады», в котором Ленин видел основные корни бюрократизма, он не учел способности бюрократизма мутировать, видоизменяться, приспособливаться и приспособлять к себе новый социальный строй. Этой способностью бюрократизма к самовоспроизводству и саморазвитию определялся успех Сталина и сталинистов, которые вполне соответствовали тонкой характеристике Бердяева: воля к власти стала для них самодовлеющей, и они боролись за нее как за цель, а не как за средство.

Этим и объясняется тот, казалось бы, парадокс, что когда в стране уже после смерти Ленина осуществились условия, необходимые по намеченному им плану для уничтожения бюрократизма (осуществились промышленная и колхозная революции, была ликвидирована распыленность мелких производителей, население почти поголовно стало грамотным), бюрократизм не только не сократился, но, наоборот, по сравнению с 1921–1922 годами, вырос до

необычайных размеров. И сам характер его стал более ядовитым и более опасным для дела социализма.

Л.Д. Троцкий, в отличие от В.И. Ленина, единственной причиной возникновения бюрократизма считал железную необходимость государственной поддержки и поощрения привилегированного меньшинства.

Свою немалую роль это обстоятельство, конечно, сыграло, как и то наследие, о котором писал и говорил Ленин – и, прежде всего, в создании «среды», питательной почвы для необычайного разрастания аппарата насилия, который и явился той самой, неучтенной Лениным и Троцким, важнейшей причиной роста и укоренения советского бюрократизма, на сто процентов использованного Сталиным для подавления противников его личной власти. Аппарат госбезопасности, армии, судейский и прочий действовал уже не в интересах революции, а в интересах Сталина.

Аппарат подавления возник еще при Ленине, когда партия вела борьбу с меньшевиками, эсерами, кадетами и другими политическими организациями. Но потребность в таком аппарате резко возросла во времена Сталина, когда репрессии стали главным методом «решения» внутривнутрипартийных споров, хлебозаготовительной проблемы, проблемы коллективизации, проблемы взаимоотношений с технической интеллигенцией, чуть ли не поголовно зачисленной во «вредители» и «саботажники». Аппарат подавления невероятно разросся количественно и по существу стал играть главную роль в управлении государством. Старые большевистские кадры, особенно те из них, кто сопротивлялся личной диктатуре Сталина, для этого не подходили и потому были уничтожены. Уничтожен был фактически весь государственный аппарат, созданный революцией, который при всех своих указанных Лениным недостатках был способен поддаваться влиянию партии и народа. Он был заменен сталинским, уже вполне бюрократическим, аппаратом, не связанным идейными узами с прошлым партии.

Ленин говорил: «Машина идет не туда, куда ее направляют коммунисты, а туда, куда ее направляет кто-то, не то спекулянты, не то частные хозяйственные капиталисты, или и те и другие. Машина идет не совсем так, а часто совсем не так, как воображают те, кто у руля этой машины сидит».

Однако пока у главного руля государства находились идейные люди, видевшие опасность бюрократизма, понимавшие, что машина «идет не туда», можно было выправить руль и взять правильный курс. Сталину же бюрократизм не только не был опасен, он был ему необходим. Сталин не боролся с бюрократизмом, он его насаждал. Идеиные, мыслящие люди мешали ему – и он изгнал их, заменив послушными чиновниками, карьеристами и подхалимами. Преданность делу коммунизма не требовалась – требовалась преданность лично ему, Сталину. Отсюда и культ его, и соответствующая политика кадров, диктовавшая подбор и выдвижение людей не по уму, не по способностям, не по честности и идейности, а по готовности и способности к послушанию без рассуждений. Так подбирался и закаливался аппарат.

Оппозиция 1923–1924 годов предвидела и предсказывала такое развитие событий, но и она не вполне представляла себе, в какую чудовищную систему управления развернет Сталин насаждаемый им в партии и в стране бюрократизм. Х. Раковский, говоря, развивая ленинский тезис, что Сталин не создал бюрократизм, он его унаследовал вместе с другими бытовыми, культурными и прочими условиями нашей страны. Да, конечно, унаследовал, но, унаследовав, «усовершенствовал» его, придав ему совершенно невиданные формы и размеры, «привил» его, что называется, к распространенным в стране организационным методам, возведя в коммунистическую догму методы командования, насилия и принуждения, доведенные до такой бюрократической виртуозности, которой не знала история человечества. С помощью этих деморализующих методов сталинской верхушке удалось убить волю, характер, человеческое достоинство у ряда коммунистов, превратившихся из мыслящих и чувствующих людей в послушные автоматы, а самим превратиться в олигархию, подменившую собой партию и класс.

Советская бюрократия зародилась в первый героический период борьбы, когда победившему пролетариату потребовался управляющий состав. Но, поднявшись над массами, этот состав занялся разрешением собственного «социального вопроса», стремясь при этом удержать массы в неподвижности.

"Есть в партии и государстве большой слой революционеров, – писал Л.Д.Троцкий в книге «Моя жизнь», – которые хотя и вышли в большинстве из массы, но давно уже оторвались от нее и положением своим противопоставлены ей. Классовый инстинкт уже выветрился из них. С другой стороны им не хватает теоретической устойчивости и кругозора, чтоб охватить процесс в целом... В периоды подпольной борьбы, восстаний, гражданской войны такого рода элементы были только солдатами партии. В их сознании звучала только одна струна, и она звучала по камертону партии. Когда же напряжение отошло, и кочевники революции перешли к оседлому образу жизни, в них пробудились, ожили и развернулись обывательские черты, симпатии и вкусы самодовольных чиновников. Нередко отдельные, случайно вырвавшиеся замечания Калинина, Ворошилова, Сталина, Рыкова заставляли тревожно настораживаться. Откуда это? – спрашивал я себя. Из какой трубы это прет?.. Не было ничего противоречащего принципам партии. Но было настроение моральной успокоенности, самодовольства и тривиальности. У людей появлялась потребность исповедоваться друг другу в этих новых настроениях, в которых немалое место, к слову сказать, стал занимать элемент мещанской сплетни... новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни. Меня даже и не пытались привлечь к нему... Вот это и означало, если угодно, что я начал терять власть.

...К этому надо прибавить, что новые настроения долго оставались, остаются еще и сейчас, прикрытыми традиционными формулами. Это делало тем более трудным определить, насколько глубоко шел процесс перерождения.

...наш термидор получил затяжной характер. Гильотину заменила, по крайней мере, до поры до времени, кляуза. Систематическая, организованная методом конвейера, фальсификация прошлого стала орудием идейного перевооружения официальной партии. Болезнь Ленина и ожидание его возвращения к руководству создавали неопределенность провизориума, длившуюся, с перерывом, свыше двух лет. Если бы революционное развитие пошло к подъему, оттяжка оказалась бы на руку оппозиции. Но революция терпела в международном масштабе поражение за поражением, и оттяжка шла на руку национальному реформизму, автоматически укрепляя сталинскую бюрократию против меня и моих политических друзей.

То, что Сталин играет сейчас первую роль, характеризует не столько его, сколько переходный период политического сползания. Еще Гельвеций сказал: «Каждый период имеет своих великих людей, а если их нет – он их выдумывает». Сталинизм – это, прежде всего, работа безличного аппарата на спуске революции". (241 – 247).

Совершенно неоспоримо, что бюрократия в нашей стране становилась тем могущественней, чем более тяжкие удары падали на мировой пролетариат. Поражение революционного движения в Европе постепенно подорвало веру советских рабочих в международного союзника. Внутри страны все еще была острая нужда. Наиболее смелые, самоотверженные, выделяющиеся своими способностями рабочие либо погибли в гражданской войне, либо, поднявшись на несколько ступенек выше, ассимилировались в бюрократии. Большинство рядовых рабочих устали от страшного напряжения военных и революционных лет, утратили перспективу, испытывали горечь разочарования и впали в пассивность.

Если даже некоторые передовые рабочие испытывали симпатию к оппозиции, то эта симпатия оставалась пассивной. Веры в то, что борьбой можно изменить положение, уже не было. А бюрократия изо дня в день твердила: «Оппозиция хочет международной революции, оппозиция собирается втянуть нас в революционную авантюру. Довольно нам напряжений и бедствий, мы заслужили право на отдых! Да и не надо нам никаких „перманентных революций“! Положитесь на нас, ваших вождей: мы сами у себя создадим социалистическое общество». Эта

национально-консервативная агитация, сопровождавшаяся бешеной клеветой против интернационалистов, не только тесно спланировала бюрократию, но и находила отклик у усталых и отсталых рабочих и крестьянских масс.

Следует еще учесть, что в 20-х годах новая бюрократия пополнялась уже не только выдвинувшимися в первые годы рабочими-революционерами, но и быстро перекрасившимися представителями других классов. По мере перерождения Советского Союза большинство господ, враждебных советской власти, не только примирились с нею, но и спешили делать при ней свою карьеру, принять участие в управлении. Аналогичное положение создавалось и в других социалистических странах при сходных ситуациях, например в Чехословакии после разгрома «Пражской весны».

«Практически все ректоры, директора, деканы, завкафедрой и отделами были заменены... Снова на поверхность всплывают люди, имевшие в 1945 году неприятности из-за сотрудничества с нацистами, страдающие комплексом неполноценности, а также явные проходимцы и карьеристы». («Семь писем из Праги», Париж, 1975, стр.119).

В старшем поколении бюрократии 40-х годов немало было людей, которые во время Октябрьской революции либо находились в лагере буржуазии, либо были политически индифферентны. Ленинские кадры стали вытесняться бывшими буржуазными интеллигентами, которые вели в свое время активную борьбу против большевиков. Так, на дипломатическом поприще вместо дипломатов ленинской школы – Раковского, Крестинского, Иоффе, Раскольников, Карахана и других стали подвизаться Майский, Потемкин, Суриц, Трояновский, Хинчук и другие. В журналистике старых большевиков Сосновского и Воронского сменили такие, как старый меньшевик Д. Заславский, а его бывшему товарищу по партии Вышинскому сначала доверили воспитывать молодежь в качестве ректора МГУ, а потом блюсти сталинскую «законность» как главному прокурору СССР.

Выше уже говорилось о том, что в результате отстранения от руководства (а потом и репрессирования) участников оппозиции, на ведущие в партии и стране посты выдвинулись люди, не игравшие сколько-нибудь значительной роли ни в подготовке и проведении Октябрьской революции, ни в гражданской войне. Это относится, прежде всего, к самому Сталину. Что касается молодых бюрократов, то они были подобраны и воспитаны Сталиным и его организационным аппаратом.

Когда власть была захвачена рабочим классом, известная часть этого класса должна была превратиться в государственных чиновников.

Часть функций, ранее выполнявшихся всей партией, перешла к более узкому кругу лиц. Происходила функциональная специализация, тоже в известной мере, неизбежная и не опасная до тех пор, пока власть фактически и формально не перешла от рабочего класса и трудовых крестьянских масс в руки этих специализировавшихся на власти чиновников. На этой почве и стали создаваться трещины между партией и массами, трещины, превращенные затем Сталиным в глубокую пропасть.

Как показал опыт, изоляция руководства от масс начинается с постепенной ликвидации выборного начала и замены его назначенчеством. Это началось еще при Ленине, усилилось, когда Сталин стал генсеком, и всю развернулось, когда он получил неограниченную власть. Расставляя в партийном аппарате на решающие посты «своих» людей, Сталин одновременно отбирал у советских органов (которые тогда еще были выборными) их руководящие функции и передавал их партийному аппарату, который был целиком под его контролем. В результате аппарат этот необычайно разросся, постепенно утратил свои партийно-воспитательные функции и приобрел черты, которые полностью сохраняет и сейчас – административной, контрольной и карательной надстройки над формально выборными органами советской власти.

В книге «Что такое СССР и куда он идет?», изданной 4-VIII-1936 года, Л.Д. Троцкий писал:

«Бывшая большевистская партия есть ныне не авангард пролетариата, а политическая организация бюрократии. Остальная масса членов партии и комсомола служит только для выделения из нее „актива“, т. е. резерва для самопополнения бюрократии». (106).

"Советская бюрократия есть нечто большее, чем бюрократия. Она есть единственный в полном смысле слова привилегированный и командующий слой в советском обществе.

...Советская бюрократия экспроприировала пролетариат политически, чтобы своими методами охранять его социалистические завоевания...

Средства производства принадлежат государству, но государство как бы «принадлежит» бюрократии. Если бы эти совсем еще свежие отношения упрочились, вошли в норму, легализовались, то они, в конце концов, привели бы к полной ликвидации завоеваний пролетарской революции». (189 – 190).

«Бюрократия победила не только оппозицию. Она победила программу Ленина, который главную опасность видел в превращении органов государства 'из слуг общества в господ над обществом'. Она победила всех этих врагов оппозицию, партию и Ленина не идеями и доводами, а собственной социальной тяжестью. Свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции. Такова разгадка советского термидора». (72 – 73).

Оппозиция 1923–1924 года, наблюдая эти процессы, требовала, чтобы партия вернулась к своей воспитательной роли, чтобы резко сократились объем и функции ее аппарата, чтобы права ее центральных органов были введены в строжайшие рамки и подчинены воле партии, массе ее членов.

Как известно, ленинская часть партии потерпела поражение. В борьбе против оппозиции, выявившей идейное убожество ее противников, победила грубая сила. Сталинский аппарат получил в этой борьбе впоследствии развитый и распространенный опыт клеветы, демагогии, подлогов, фальсификаций – целый букет развращающих приемов. Уже тогда, например, агенты сталинского ЦК не стеснялись пускать против оппозиции в ход антиинтеллигентские настроения и даже антисемитизм.

На таких методах и традициях, заложенных в ходе борьбы с оппозицией, воспитался слой новых чиновников партийного и государственного аппарата, действующий и поныне и передающий эти традиции своим наследникам. Достаточно ознакомиться с биографиями почти всех нынешних руководящих деятелей партии (в центре и на местах), чтобы убедиться: именно в эти годы они вступали в партию, и именно к этим годам относится их стремительная карьера.

Ленинские кадры были отстранены от руководства сначала в 20-х годах в процессе расправы с оппозицией и замены специально подобранными сталинской группировкой консервативными большевиками (часть их – Молотов, Ворошилов, Андреев, Каганович, Шверник и др. – сохранились на руководящих постах до конца жизни Сталина). А затем, в 30-х годах, когда была устранена и уничтожена подавляющая масса старых партийцев, на смену им пришли «молодые» – те, которые сейчас старые.

Так с 1923 по 1939 годы произошла полная замена большевистских кадров сталинскими, воспитанными в духе беспрекословного подчинения Сталину.

Для характеристики этого процесса приведем разработанную Л.Д. Троцким таблицу изменений, происшедших в составе Центрального Комитета партии с VI по XVIII съезд (таблица напечатана в NoNo 77 и 78 «Бюллетеня»).

<i>NoNo съездов</i>	<i>Даты созыва съездов</i>	<i>Количество членов ЦК кандидатов</i>	<i>Переизбрано из предыдущего состава ЦК члены ЦК кандидаты</i>	<i>%%</i>	<i>Промежуток между съездами (месяцев)</i>
VI	август 1917	21 4	-	-	-
VII	март 1918	15 8	13 2	86,2 25,0	8 месяцев
VIII	март 1919	19 8	12 1	63,0 12,5	12 месяцев
IX	март-апрель 1920	19 12	13 3	68,4 25,0	12 месяцев
X	март 1921	24 15	15 4	62,5 25,6	12 месяцев
XI	март-апрель 1922	29 19	20 7	74,0 36,8	12 месяцев
XII	апрель 1923	40 17	24 10	60,0 58,8	13 месяцев
XIII	май 1924	53 34	37 10	69,8 29,4	14 месяцев
XIV	декабрь 1925	63 43	49 22	77,7 51,1	19 месяцев
XV	декабрь 1927	71 50	52 39	73,2 78,0	24 месяца
XVI	июнь-июль 1930	71 67	57 39	80,3 58,2	30 месяцев
XVII	февраль 1934	71 68	56 36	78,9 52,9	44 месяца
XVIII	март 1939	71 68	16 8	22,5 11,7	61 месяц

В приведенной таблице прежде всего бросается в глаза, что вплоть до XIV съезда партии все съезды проводились ежегодно, раз в двенадцать месяцев (задержка на 1–2 месяца в 1923–1924 гг. могла быть вызвана болезнью и смертью Ленина). Несмотря на тяжелейшие условия гражданской войны, голода, разрухи, несмотря на то, что значительная часть членов партии находилась на фронтах или в подполье, несмотря на транспортные трудности, Центральный Комитет ежегодно отчитывался перед съездом, делегаты которого были избраны партией и осуществляли ее волю.

Начиная с XIV съезда (1925 год, следующий после смерти Ленина) промежутки между съездами неуклонно увеличиваются. Между XIII и XIV съездом проходит 19 месяцев, между XIV и XV – 24 месяца (два года), между XV и XVI 30 месяцев, между XVI и XVII – 44 месяца, а между XVII и XVIII – 61 (пять лет!). В этом отступлении от одного из организационных принципов большевизма (Центральный Комитет руководит партией в промежутках между съездами и выполняя волю съезда партии) как нельзя нагляднее выразилось разложение и перерождение партии: масса членов партии все меньше оказывает влияние на ее политику, съезды все меньше решают и, наконец, превращаются в пышные и дорогостоящие парады, главной задачей которых является прославление Вождя.

До XIX съезда Троцкий не дожил: он был убит Сталиным. Этот съезд был созван через 13 (тринадцать!) лет после предыдущего, и количество месяцев, разделявших XVIII и XIX съезды, выражается трехзначным числом.

Но подлинным водоразделом является, конечно, промежуток между XVII и XVIII съездами партии. До XVIII съезда, созванного в 1939 году, в составе ЦК сохранялась преемственность: в новый ЦК входило от 63,0 до 87,0 % членов предыдущего ЦК. На XVIII съезде в ЦК, состоявшем, как и предыдущий, из 71 члена и 68 кандидатов, вошло из старого состава только 16 членов (22 %) и 8 кандидатов (11,7 %).

По существу, между XVII и XVIII съездами, между 1934 и 1939 годами, в стране произошёл политический переворот, захват власти. Семьдесят процентов прежнего состава ЦК было арестовано и расстреляно.

Цель Сталина была достигнута: партии Ленина больше не существовало, и никто ему не мешал.

К приведенной выше таблице Троцкий сделал ряд комментариев. Некоторые из них я хочу привести.

"Из числа членов в ЦК XVIII съезда входят Берия и Вышинский. Из числа дипломатов – Литвинов и Потемкин (б. буржуазный профессор). Из числа старых входит в состав ЦК Буденный, ничем не связанный по существу с партией, Шапошников, который во время советско-польской войны в журнале «Военное дело» напечатал необыкновенно грубую шовинистическую статью в духе доброго царского времени («Коварные ляхи» и др.).

Из состава Политбюро при Ленине был только Сталин; Калинин был известное время кандидатом. Большинство остальных членов Политбюро, как Молотов, Андреев, Ворошилов, Каганович, Микоян – не молодые люди, таланты которых обнаружили в последний период... Они сохраняются в Политбюро во-первых, потому, что полностью показали свою покорность, во-вторых, потому, что в качестве «старых большевиков могут составить некоторое прикрытие для проходимцев типа Вышинского, Берия, Потемкина и др.».

Остальные члены и кандидаты ЦК были, как уже сказано выше, «молодые», выдвинувшиеся на борьбе со старой партийной гвардией и сделавшие на этом карьеру.

По инициативе и указанию Сталина подобранный таким образом слой ответственных работников был выделен в так называемую «номенклатуру», состоящую на особом учете в ЦК. Из этой номенклатуры подбирались кадры для выдвижения на любую самую высокую ответственную должность в аппарате партии и государства. Для просеивания кадров среднего и низшего уровней во всех обкомах, райкомах, во всех предприятиях и учреждениях были созданы спецотделы, а отделы кадров реорганизовали и укомплектовали бывшими работниками МГБ. Любой поступающий на работу проходил тщательную проверку (при Ленине отделы кадров занимались просто регистрацией рабочих и служащих).

Еще в 1932 году Сталин восстановил паспортную систему, отмененную революцией 1917 года. В органах МГБ была заведена картотека на всех граждан, попавших почему либо в поле зрения ГПУ-НКВД-МГБ. Прием таких людей на работу, перемещение их по службе, переход в другое учреждение или переезд в другой город, и уж, конечно, допуск к секретной информации – все это находилось под постоянным контролем «недреманного ока» и проходило по схеме: паспорт – трудовая книжка – картотека МГБ.

Руководящая головка в центре и на местах («номенклатура») полностью отгородилась от партийных и трудящихся масс. Человек, попавший в номенклатуру, мог быть исключен из нее только в результате ареста или, во всяком случае, недовольства им «сверху». Таланты, знания, соответствие занимаемой должности, мнение руководимых им людей – все это в расчет не принималось. Процедура «выборности» все больше становилась комедией – как в партийных, так и в советских органах. Если добавить к этому то, что номенклатурные работники были поставлены в привилегированное материальное положение (особое снабжение, жилье, лечение и пр.), картина становится законченной. Бюрократия стала полностью зависимой от олигархической верхушки (Сталина – в первую очередь) и полностью независимой от партии и народа.

Это Сталину и было нужно. Он, конечно, произносил речи о вреде бюрократизма и при этом цитировал при случае Ленина, но с бюрократизмом он не боролся: он его насаждал.

16. Равенство и социализм

Марксисты всегда считали недопустимым разрыв в материальных условиях жизни между руководителями и трудящимися.

Во введении к «Гражданской войне во Франции», написанной в 1890 году, Ф. Энгельс писал:

«Против неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом, Коммуна... платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6000 франков. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму». (ПСС К. Маркса и Ф.Энгельса, т. XXII, стр.200).

В первые годы Советской власти оплата труда руководящему составу партии и государства устанавливалась в соответствии с принципами Парижской Коммуны – не выше оклада квалифицированного рабочего. Исключение делалось для крупных специалистов, но на коммунистов это исключение не распространялось. В резолюции IX Всероссийской конференции РКП(б) «О задачах партийного строительства» было специально записано:

"П.17. Ответственные работники коммунисты не имеют права получать персональные ставки, а равно премии и сверхурочную оплату.

П.18. Выработать вполне годные практические мероприятия к устранению неравенства (в условиях жизни, в размерах заработка и т. п.) между «спецами» и ответственными работниками с одной стороны и трудящейся массой с другой стороны...

Это неравенство нарушает демократизм и является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов".

X съезд РКП(б) подтвердил это решение:

«Съезд подтверждает решение Всероссийской партийной конференции 1920 года и вменяет ЦК и контрольным комиссиям в обязанность вести решительную борьбу с злоупотреблениями со стороны членов партии своим положением и материальными преимуществами. Съезд целиком подтверждает курс на уравнивательность в области материального положения членов партии». («КПСС в резолюциях», ч. 1, стр.521).

Последний раз такого рода решение было подтверждено XII-м съездом партии.

Нельзя сказать, что в первой половине 20-х годов, при Ленине, проблема равенства была решена. Уже тогда, в начале НЭПа, усиливалась тенденция к неравенству – не только между привилегированными специалистами и рабочими, но и в партийной среде, между партийными чиновниками и рядовыми членами партии. Уже тогда крупные сановники пользовались выделенными им дачами, закрепленными за ними машинами, лечились в особых больницах и поликлиниках. Но тогда это было редкими, отдельными отступлениями от нормы, а при Сталине – стало нормой. Тогда докладчик от ЦКК А. Сольц специально говорил на X-м съезде об отступлениях от принципа равенства и осуждал эти отступления, а делегаты съезда, выступая, констатировали отрыв ряда партийных и советских чиновников от партии и рабочего класса и говорили о выходе из партии рабочих, возмущенных отклонениями от принципов равенства.

При Сталине принципом стало неравенство. Стремление к равенству клеймили презрительным словечком «уравниловка», а разговоры о привилегиях почитались за контрреволюцию. Чем больше были привилегии, тем тщательнее они скрывались, хотя скрыть это было невозможно: слишком большая обслуга требовалась для все растущей касты бюрократов, подкупленных высокими постами и материальными благами. Так созданный революцией идейный аппарат партии и государства был заменен аппаратом, состоящим из послушных карьеристов, трусливых приспособленцев, корыстных циников.

Общественный, социальный строй СССР, вместо того, чтобы развиваться в направлении равенства возможностей, стал развиваться в сторону создания привилегированного меньшинства. И это решило судьбу революции и социализма.

В книге «Революция, которую предали», Л.Д. Троцкий дал следующий анализ этого процесса перерождения общественного строя:

«Можно показать, что не существует никакой разницы, с точки зрения обладания средствами производства, между маршалом и слугой, директором и чернорабочим. Однако одни занимают хорошие квартиры, обладают несколькими дачами в разных концах страны, владеют лучшими автомашинами и давно уже не знают, как почистить пару ботинок. Другие живут в бараках, где часто отсутствуют даже перегородки, привыкли голодать и не чистят ботинок, потому что ходят босиком. Сановники считают эти различия не существенными. Чернорабочие находят их, и не без основания, очень серьезными».

В 1923 году Л.Д. Троцкий писал:

"Сама бюрократия еще несравненно менее однородна, чем пролетариат или крестьянство. Между председателем сельсовета и сановником Кремля – пропасть. Существование низовых чиновников разных категорий протекает, в сущности, на очень примитивном уровне, уступающем уровню жизни квалифицированного рабочего на Западе. Но все относительно: уровень окружающего населения значительно ниже. Судьба председателя колхоза, партийного организатора, низового кооператора, как и более высоких начальников, совершенно не зависит от так называемых «избирателей». Каждым из чиновников вышестоящее начальство может пожертвовать, чтобы успокоить недовольство. Но зато каждый из них может при случае подняться ступенью выше. Все они, по крайней мере, до первого серьезного толчка, связаны круговой порукой с Кремлем.

По условиям жизни правящий слой заключает в себе все градации, от мелкой буржуазии захолустья до крупной буржуазии столиц. Материальным условиям соответствуют привычки, интересы и круг идей. Нынешние руководители советских профсоюзов по своему психологическому типу не так уж отличаются от Ситроенов, Жуо и Гринов. Другие традиции, иная фразеология, но то же презрительно-опекунское отношение к массе, та же бессовестная ловкость во второстепенных маневрах, тот же консерватизм, та же узость горизонта, та же черствая забота о собственном покое, то же преклонение перед более тривиальными формами буржуазной культуры". (107).

Эти слова были написаны уже после того, как Сталин объявил строительство социализма в СССР законченным и провозгласил новую, «самую демократическую в мире Конституцию».

"Когда новая конституция заявляет, что в СССР достигнуто «уничтожение эксплуатации человека человеком», то она говорит неправду. Новое социальное расслоение создало условия для возрождения самой варварской формы эксплуатации человека, именно, покупка его в рабство для личных услуг. В регистре новой переписи личная прислуга не упоминается вовсе: она должна быть расшифрована, очевидно, в группе «рабочих».

Не хватает вопросов: имеет ли социалистический гражданин прислугу и сколько именно; имеет ли в личном пользовании автомобиль; сколько комнат, сколько зарабатывает?

Если восстановить правило, согласно которому эксплуатация чужого труда лишает политических прав, то оказалось бы неожиданно, что за порогом советской конституции должны остаться сливки правящего слоя". (185).

«В СССР осуществляется принцип социализма: от каждого по его способностям, каждому по труду» (первый раздел Конституции 1936 г.)".

"Советское государство во всех отношениях гораздо ближе к отсталому капитализму, чем к коммунизму. Оно не может еще и думать сделать каждому «по потребностям», но именно потому оно не может позволить своим гражданам «по способностям» (сдельная оплата, «по способностям», «и при капитализме»).

"Наемный труд не перестает и при советском режиме нести на себе унижительное клеймо рабства. Оплата «по труду» на самом деле оплата в интересах «умственного» труда за счет физического, особенно неквалифицированного, – является источником несправедливостей, угнетения и принуждения для большинства, привилегий и «веселой» жизни для меньшинства.

Вместо того чтобы открыто признать, что в СССР господствуют еще буржуазные нормы труда и распределения, авторы конституции перерезали целостный коммунистический принцип пополам, отложили вторую половину на неопределенное будущее, объявив первую половину уже осуществленной, механически присоединили к ней капиталистическую норму сельщика, назвали все вместе «принципом социализма» и на этой фальши воздвигли здание конституции". (Л. Троцкий, «Что такое СССР?», стр.197).

«Исчислить, какую долю народного дохода присваивает себе бюрократия, нет никакой возможности, – писал там же Л.Д. Троцкий. – Не только потому, что они тщательно скрывают даже свои легализованные доходы: и даже не только потому, что, оставаясь на границе злоупотребления, они широко пользуются непредусмотренными доходами, но главным образом потому, что весь прогресс общественного благоустройства, городской техники, комфорта, культуры, искусства служит пока что главным образом, если не исключительно, верхнему привилегированному слою». (108).

«...Если учесть не только жалованье, все виды натурального обслуживания и всякие полузаконные дополнительные источники, но и присоединить долю бюрократии и советской аристократии в театрах, дворцах отдыха, больницах, санаториях, курортах, клубах, учреждениях спорта и проч., то пришлось бы, вероятно, сказать, что на долю 15, скажем, 20 % населения приходится немногим меньше, чем на долю остальных 80 – 85 %». (108)

«В первый свой период советский режим имел, несомненно, гораздо более уравнительный и менее бюрократический характер, чем ныне...», – писал Л.Д.Троцкий в своей книге „Что такое СССР?“ в 1936 году. – Советское хозяйство должно было из своей нищеты подняться на несколько более высокую ступень, чтобы стали возможны жировые отложения привилегий. Нынешнее состояние производства еще очень далеко от того, чтобы обеспечить всех всем необходимым. Но оно уже достаточно, чтобы дать значительные привилегии меньшинству и превратить неравенство в кнут для подстегивания большинства. Такова первая причина того, почему рост производства усиливал до сих пор не социалистические, а буржуазные черты государства». (стр. 86 – 87).

В той же книге Л.Д. Троцкий писал:

«Росли неравенство, разрыв в заработной плате, контраст между изобилием для одних и нищетой для других. Поход Сталина против „уравниловки“ разжигал аппетиты нуворишей и восхвалял растущее неравенство как завершение построения социализма. Возникла новая иерархическая организация – табель о рангах, тщательно разработанные градации и привилегии на каждой ступени иерархической лестницы. Новая система повиновения, такая же, как в воинских частях, отдавала душком реставрации. Системе образования и духовной жизни нации также был нанесен ущерб».

Л.Д. Троцкий уже тогда задавался вопросом, который сейчас задают себе многие социологи самых различных направлений: не является ли бюрократизм неизбежным спутником всякого социалистического строя? И отвечал: на первом этапе – да, является, ибо на этом этапе неизбежен разрыв между оплатой труда специалистов и рядовых рабочих. А именно этот разрыв создает условия для бюрократизма. Поощрение же высококвалифицированных специалистов и администраторов необходимо для быстрого развития экономики, поэтому тенденции бюрократизма будут, – писал Л.Д. Троцкий, – проявляться всюду даже после победы пролетарской революции.

С этим трудно согласиться, и, прежде всего, потому, что Троцкий, как мне представляется, смешивает воедино высокие оклады буржуазных специалистов, нанятых пролетарским

государством, и высокие оклады партийных и государственных руководителей. Вот у них различий в оплате труда с трудящимися быть не должно. Если предполагать, конечно, что руководители пролетарского государства – люди идейные, которым не требуются другие стимулы, кроме их преданности делу революции.

Увы, что касается СССР, предполагать это уже невозможно.

Вопрос о социальной природе советского общества давно дебатруется в широких кругах политических деятелей и экономистов. Из числа самиздатских работ наиболее известна работа Е.С. Варги, который считал, что советская бюрократия, скрытно присваивающая себе часть стоимости общенационального продукта, является господствующим классом. Варга говорит о классовой розни в советском обществе: рабочие противостоят советскому государству, владеющему средствами производства, а государство это находится в руках бюрократии, распоряжающейся этими средствами. Поэтому бюрократию он считал новым классом эксплуататоров.

Концепция Троцкого, в принципе близкая к позиции Варги, кое в чем существенно отличается от нее, может быть и потому, что книгу свою Троцкий писал на 40 лет раньше, чем Варга. Так, Троцкий считал советскую бюрократию промежуточным слоем, а не классом, хотя и признавал, что источником больших доходов чиновников является прибавочная стоимость. Однако, добавлял он, и это существенно для социальной структуры общества, эти доходы основаны не на открыто провозглашенном и официально установленном праве, а на тайных, засекреченных уложениях.

Социальные отношения в советском обществе крайне запутаны. С одной стороны, налицо явные признаки эксплуатации, совершенно четкие черты социального неравенства. С другой стороны, отсутствует класс, обладающий средствами производства на правах личной собственности, что с точки зрения ортодоксального марксизма является определяющим признаком класса. Конечно, жизнь разнообразна, и социальные процессы не обязательно принимают одни и те же формы.

В общем, Троцкий определял общественный строй в СССР как промежуточный между капитализмом и социализмом, в котором:

производительные силы еще недостаточны для того, чтобы придать государственной собственности социалистический характер;

нормы потребления буржуазны по существу и стоят на базе социальной дифференциации;

экономическое положение трудящихся способствует быстрому формированию привилегированного слоя общества;

бюрократия, используя социальные антагонизмы, остается бесконтрольной кастой и поддерживает социальное неравенство силой.

Вывод, делаемый Троцким, таков: социалистическая революция, преданная руководящей партией, еще существует в отношениях собственности и в сознании трудящихся. Эволюция накопленных противоречий может или привести к социализму, или отбросить общество к капитализму.

Мне представляется, что оценка, данная Троцким советскому обществу 40 лет назад, продолжает оставаться актуальной и сегодня.

17. Государство и демократия

Споры об отношении к демократии имеют давнюю историю в российском социал-демократическом движении.

Еще на II съезде партии выступивший в ходе обсуждения программы партии делегат Посадовский произнес по-своему примечательную речь. Он говорил:

«Нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или иным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии? (курсив Посадовского). Я решительно высказываюсь за последнее. Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии. (Восклицание: „И неприкосновенность личности?“). Да, и неприкосновенность личности. Как партия революционная, стремящаяся к своей конечной цели – социальной революции, мы исключительно с точки зрения скорейшего осуществления этой цели, с точки зрения выгоды нашей партии должны относиться к демократическим принципам. Если то или иное требование невыгодно нам, мы его не будем вводить». (Подчеркнуто мной. – Авт., "II съезд РСДРП, изд. 1959 г., стр. 181).

Г.В. Плеханов, самый почитаемый тогда лидер партии, взяв слово сразу после Посадовского, поддержал его:

«Вполне присоединяюсь к словам т. Посадовского. Каждый данный демократический принцип должен быть рассмотрен не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно принципу, гласящему, что успех революции – высший закон». (Там же, стр. 161–182).

Успех революции, то есть достижение ее конечной цели – освобождение и раскрепощение трудящихся, создание справедливого общества? С такой постановкой вопроса можно было бы согласиться при одном единственном условии: если бы заранее было ясно, что именно гарантирует достижение конечной цели, и кто определяет – чт способствует достижению этой благородной цели и чт ей противодействует. Как показал опыт русской революции, «выгода партии» в ее сегодняшних, сиюминутных целях (выгода, думается мне, не слишком подходящее слово) очень часто не только не способствует, но и вредит осуществлению конечной цели. Ведь именно в интересах революции было разогнано Учредительное собрание, ликвидированы все социалистические партии, кроме большевиков, и установлена однопартийная система, отменены свобода слова, печати и т. п. А впоследствии это оказалось прологом к тому, чтобы после смерти Ленина расправиться со старой большевистской гвардией, осуществить массовые репрессии по отношению к крестьянству, провести насильственную коллективизацию... И все это тоже оправдывалось «интересами революции»!

Кто эти интересы определял? Жадная и бездарная бюрократия, которой не было дела до конечной цели революции, которая, преследуя собственные цели, установила в стране выгодный только для нее тоталитарный режим.

Отсюда явствует, что представление о демократии, провозглашенное Посадовским и Плехановым на II съезде партии и ставшее краеугольным камнем большевизма, в корне противоречит марксизму, как его понимали основоположники этого учения.

Вопрос о демократии широко дебатировался в германской социал-демократической партии и получил отражение в их переписке. Так, в письме к Наталье Либкнехт Ф. Энгельс писал:

«Жизни и росту каждой партии обычно сопутствует то, что в ее недрах развиваются и борются друг с другом умеренное и крайнее направления, и тот, кто без дальнейших околичностей исключает крайнее, только способствует его росту. Рабочее движение основано на острой критике существующего общества, критика является его жизненной стихией, как же может оно само избежать критики, стремиться запретить споры? Неужели же мы требуем от

других свободы слова для себя только для того, чтобы вновь уничтожить ее в собственных рядах?» (ПСС М. и Э., т.37, стр. 276–277).

Об этом же Ф. Энгельс саркастически писал К. Каутскому:

«Поистине великолепно, что внутри фракции раздался голос с требованием установить цензуру над „Die neue Zeit“.... Это в самом деле блестящая мысль: после освобождения немецкой социалистической науки от бисмарковского закона против социалистов, подчинить ее новому закону против социалистов, который сами социалисты должны сфабриковать и проводить в жизнь». (Там же, т.38, стр.33).

Запрет мысли, цензура над печатным и устным словом во всех случаях вредна, опасна для конечной цели пролетарской революции. Но мне, как и многим моим сверстникам, это стало ясно только ретроспективно. Я помню, как в двадцатых годах, будучи молодым членом партии, я тоже считал, что «революция – высший закон» и что в ее интересах можно пренебрегать любыми принципами демократии – «буржуазной демократии», как мы ее тогда называли, что расценивать эту демократию по западным принципам есть не что иное, как измена революции.

Поэтому то, что Плеханов вскоре после II съезда изменил свою точку зрения и стал вновь отстаивать демократические принципы, не вызывало у нас ничего, кроме презрения к нему, как к «предателю революции». Так думали мы, принадлежавшие к молодой партийной интеллигенции. Что же говорить о более широких слоях? Вспомним, например, очень правдивую фигуру Нагульнова из «Поднятой целины» Шолохова, когда он (Нагульнов) набрасывается на Разметнова, отказывающегося участвовать в раскулачивании («с бабами и детишками воевать не буду»).

« – Гад, – выдохнул звенящим шепотом, стиснув кулаки, Нагульнов, – как служишь революции? Жа-лость? Да я... тысячи становь зараз детишков, баб, дедов... Да скажи мне, что надо их в распыл... Для революции надо... Я их из пулемета... всех порешу!»

То-то и страшно, что «скажи ему только, что для революции надо». Вот Сталин и сказал... И пошли «в распыл» – не тысячи, миллионы! Надо было это революции? Нет, не надо было. И не может ей быть необходимо такое жертвоприношение. И если бы революция научила людей слушать голос своего разума и совести, а не только приказ, то и Нагульнов такой был бы невозможен...

Ценности демократии я и мои товарищи по институту впервые восприняли, когда в двадцатых годах начали изучать произведения Маркса и Энгельса под руководством таких преподавателей, как Д.Б. Рязанов. Мы, конечно, не могли не видеть, что принципы, провозглашавшиеся основоположниками научного коммунизма, резко расходятся с той политикой, которую проводит наша партия. Но мы считали, что централизация власти, запрет «инакомыслия» и прочее явления временные, вызванные тем, что страна находится в состоянии осады. Мы верили, что с переходом на мирное положение будут осуществлены демократические методы управления страной.

И вот, когда республика действительно перешла на мирное положение, в 1923–1926 годах, в партии появились и обострились разногласия именно по вопросу о демократии. Может быть, и под свежим впечатлением от прочитанных работ Маркса и Энгельса многие из нас (я, в частности) присоединились к оппозиции, которая предлагала перестроить партию на демократический лад.

При этом мы, надо признаться, и не думали о предоставлении прав другим социалистическим партиям (о чем тоже в свое время писали Маркс и Энгельс) так далеко мы не шли. Но мы считали, что внутри правящей партии должна существовать полная свобода критики, невзирая на лица, свобода фракций и группировок, свободные высказывания в печати и на собраниях, ничем не стесняемые выборы парторганов и прочее. (Мы тогда еще не понимали, что свобода, основанная на привилегии, – это не свобода).

Но Маркс и Энгельс неоднократно высказывались и о принципах внутривнутрипартийного строительства, всякий раз подчеркивая необходимость широких дискуссий внутри партии и категорически отвергая опасения насчет неизбежного якобы в результате таких дискуссий раскола партии (аргумент, которым, кстати сказать, широко пользовались сталинисты уже в 20-х годах).

«Партия настолько велика, – писал Ф. Энгельс В. Либкнехту, – что абсолютная свобода мнений внутри нее является необходимостью. Иначе просто нельзя ассимилировать и воспитать многочисленные новые элементы, пришедшие в партию. Новому пополнению в 700.000 человек нельзя вдалбливать, как школьникам, тут необходимы дискуссии и даже небольшая потасовка. Возможности раскола не приходится опасаться ни в малейшей степени. Самая большая партия в империи не может существовать без того, чтобы в ней не проявлялись в избытке всякого рода оттенки. Надо избегать даже видимости диктатуры...» (ПСС, т.37, стр. 379)

Ни Маркс, ни Энгельс, правда, не писали о том, как должны строиться внутривнутрипартийные отношения в правящей партии и вовсе не предполагали, что она будет единственной, то есть будет избавлена от критики извне. Вероятно, это обстоятельство (однопартийная система) весьма способствовало тому, что уже в двадцатые годы в партии все больше перегибалась палка в сторону «единства» и партийной дисциплины. И чем дальше, тем больше (особенно в сталинские времена) насаждалась мысль, что открытая критика недостатков опасна, так как ею могут воспользоваться враги.

Такого рода опасения высказывались и некоторыми немецкими социал-демократами в связи с критикой Марксом Готской программы. По поводу этих опасений Энгельс писал:

«...этот испуг был вызван, прежде всего, опасением: а как используют публикации наши противники? Перепечатка вещи в официальном органе притупляет жало выступлений наших противников и дает возможность сказать: смотрите, как мы сами себя критикуем, мы – единственная партия, которая может себе это позволить. Попробуйте-ка последовать нашему примеру! Это и есть именно та правильная позиция, которую этим людям следовало бы занять с самого начала». (ПСС, т.37, стр.17)

Сейчас на Западе и в кругах правой эмиграции очень модно утверждать, что современное советское общество и есть практическое осуществление теоретических идей и взглядов Маркса и Энгельса. Это или злостный обман, или печальное заблуждение. Современное советское общество есть воплощение сталинизма, а сталинизм не только не вытекает из марксизма, но прямо противоречит ему. Достаточно сопоставить многочисленные высказывания Маркса и Энгельса (как в теоретических работах, так и в письмах) о необходимости свободы мысли, свободы критики, открытой правдивой информации, о недопустимости цензуры и т. п. с установленной Сталиным и строго проводящейся современным советским руководством идеологической монополией, ненавистью к критике, цензуре не только взглядов, но и информации.

Запрещение на информацию в наш век бурного развития средств информации чрезвычайно показательно для реакционного характера советского общества. В СССР запрещена публикация самой разнообразной информации: о положении заключенных в тюрьмах и лагерях (особенно политических заключенных); о работе органов МВД и КГБ; о настроениях в армии; об эпидемиях, стихийных бедствиях, авиационных и железнодорожных катастрофах. Запрещается опубликование статистики – не только о выпуске стратегических видов продукции, но и, скажем, о выпуске и продаже водки, о заработной плате и ценах в сравнении с аналогичными данными западных стран и т. п.

Можно представить себе, как реагировал бы на такие запреты Энгельс, писавший в одном из своих писем:

«Благодарю вас... за ваше решение излагать нам факты такими, каковы они в действительности. Наше товарищество достаточно сильно, чтобы знать подлинную правду, даже если она окажется неблагоприятной, и ничего так не могло бы ослабить его, как дутые отчеты, не имеющие под собой никакой реальной почвы». (ПСС, т.33, стр.212).

«Дутые отчеты, не имеющие под собой никакой реальной почвы», стали бытовым явлением в нашей стране, о чем невольно свидетельствует даже подцензурная печать. «Приписками», «туфтой», «липой» занимаются все – от руководства Госплана до рядового бригадира – и это, конечно, ослабляет страну и развращает людей.

Примером того, какое оздоровляющее влияние имела бы свобода критики в нашей стране, может служить даже та половинчатая критика, которой после XX съезда КПСС был подвергнут Сталин. Уже самый факт открытого обсуждения в печати и на собраниях трудящихся доклада «О культе личности Сталина» оздоровил атмосферу в партии и стране. К сожалению, эта критика быстро была свернута и фактически запрещена, а культ вождя, искусственно созданный десятилетиями систематического восхваления, очень быстро возобновился в отношении Л.И. Брежнева и временами носит характер даже комический.

В западных партиях, гораздо менее склонных к культу личности, чем русские, тоже возникали временами тенденции обожествлять своих руководителей. Против таких тенденций всегда решительно выступали Маркс и Энгельс. В частности, это относится к возникшему одно время в германской социал-демократической партии культу Лассалья. «Мне бросается в глаза, писал Энгельс Марксу, – ...попытка сделать из Лассалья полубога. ...Но эти люди как будто для того и родились, чтобы кого-нибудь обожествлять.» А Бебелю, который тогда был одним из руководителей германской социал-демократии, Энгельс тогда же писал: «Культ Лассалья привит искусственно, привит благодаря тому, что мы молчаливо терпели его вопреки нашим убеждениям. Вам, партии, нужна социалистическая наука, и она не может существовать без свободного развития».

Культ личности вреден потому, что он мешает свободному развитию социалистической науки, считали Маркс и Энгельс, и они боролись не только против культа Лассалья, но и против попыток установить культ Маркса и Энгельса. Можно привести бесчисленное количество свидетельств этого, как и того, что не выносил восхваления своей личности В.И. Ленин.

После смерти Ленина его последователи, такие как Зиновьев и Сталин, предоставив его имени почет и славу, выхолостили революционное содержание его учения. Об этом ярче всего сказано Троцким. В книге «Моя жизнь» он писал:

«В эпигонской литературе Ленин изображается приблизительно так, как суздальские иконописцы изображают святых и Христа: вместо идеального образа получается карикатура. Как ни стараются богомольцы подняться над собою, но, в конце концов, они отражают на дощечке лишь свои собственные вкусы, и вследствие этого дают свой собственный, но лишь идеализированный портрет... Да, Ленин был гениален, полный человеческой гениальностью. Но Ленин не был механическим счетчиком, не делающим ошибок. Он делал их гораздо меньше, чем сделал бы всякий другой в его положении. Но ошибки у Ленина были, и очень крупные ошибки, в соответствии с гигантским размахом всей его работы». (стр. 194).

В книге «Что такое СССР и куда он идет?» Л.Д. Троцкий писал:

«Отношение к Ленину, как к революционному вождю, было подменено отношением к нему как к главе церковной иерархии. На Красной площади воздвигнут был, при моих протестах, недостойный и оскорбительный для революционного сознания мавзолей. В такие же мавзолеи превращались официальные книги о Ленине. Его мысль разрезали на цитаты для фальшивых проповедей. Набальзамированным трупом сражались против живого Ленина и против Троцкого». (стр. 257).

Сталин и следующие за ним руководители поступали не так как Маркс, Энгельс и Ленин, а так, как Лассаль. Хотя все они, вместе взятые, не обладали и десятой долей ума и таланта Лассалья. Одну характерную в этом отношении подробность о Сталине сообщил в своем секретном докладе XX съезду Н.С. Хрущев: Сталин, редактируя свою биографию, всюду своей собственной рукой усиливал восхваления в свой адрес. Можно себе представить, как изо всех

сил старались возвеличить его придворные биографы! И все-таки Сталину и этого показалось недостаточно...

Култ вождя, как и все прочие отрицательные явления, был результатом отступления от демократии и, в первую очередь, ликвидацией одного из основных демократических принципов – гласности. Засекречена была статистика. Дипломатия из открытой превратилась в тайную. Непроницаемой тайной окуталась в первую очередь деятельность органов безопасности, суда, прокуратуры.

Л.Д. Троцкий считал, что разрушение советской демократии было не только результатом злой воли Сталина, но и отражало некий объективный процесс. В какой-то мере это правильно, однако, с моей точки зрения, Троцкий слишком большое значение придает объективным факторам и слишком малое – деятельности Сталина.

Конечно, подавление советской демократии началось еще при руководстве Ленина. Приходится признать, что корни его заложены еще в ленинском принципе «демократического централизма», обоснованного им в известной работе «Что делать» в 1903 году.

Этот принцип построения партии с момента своего провозглашения и до настоящего времени имеет как своих сторонников, так и противников. В начальный период существования РСДРП противником этого принципа был Ю. Мартов, позднее к нему присоединился и Плеханов, выступивший со статьей «Централизм и бонапартизм». В статье этой он писал: «Централизм – это мертвая петля на шее партии, это бонапартизм, если не абсолютная монархия старой, дореволюционной манеры».

Одним из решительных противников демократического централизма был до 1917 года и Л.Д. Троцкий. Вступив в большевистскую партию, он принял этот принцип, но в 1923 году, в своей брошюре «Новый курс» постарался развить его демократическую сторону. Возможно, что если бы его толкование демократического централизма было принято партией, ей удалось бы построить социализм «с человеческим лицом». При Сталине же этот принцип действительно довел партию и страну до еще большей централизации, чем монархия старого образца.

В книге воспоминаний «Моя жизнь», изданной в Берлине в 1930 году, Л.Д. Троцкий дал характеристику основных принципов построения большевистской партии и изложил первоначальную историю ее заражения ядом бюрократизма. Он писал:

"Октябрьскую победу подготовила и обеспечила большевистская партия. Она же построила советское государство, вправив ему крепкий костяк. Перерождение партии стало причиной и следствием бюрократизации государства.

Внутренний режим партии характеризовался методом демократического централизма. Сочетание этих двух понятий не включает в себе ни малейшего противоречия. Партия зорко следила не только за тем, чтобы ее границы оставались всегда строго очерченными, но и за тем, чтобы все те, кто входил в эту границу, пользовались действительным правом определять направление партийной политики. Свобода критики и идейной борьбы составляли неотъемлемое содержание партийной демократии. Нынешнее утверждение о том, будто большевизм не мирится с фракциями, представляет собой миф эпохи упадка. На самом деле история большевизма есть история борьбы фракций. Да и как могла бы подлинная революционная организация, ставящая себе целью перевернуть мир и собирающая под свои знамена отважных отрицателей, мятежников и борцов, жить и развиваться без идейных столкновений, без группировок и временных фракционных образований?... Дальнозоркости большевистского руководства удавалось нередко смягчать столкновения и сокращать сроки фракционной борьбы, но не более того. На эту кипучую демократическую основу опирался Центральный Комитет, из нее он почерпал смелость решать и приказывать. Явная правота руководства на всех критических этапах создала ему высокий авторитет, этот драгоценный моральный капитал централизма. Режим большевистской партии, особенно до прихода к власти, представлял, таким образом, полную противоположность режиму нынешней секции Коминтерна с их назначенными сверху

«вождями», совершающими поворот по команде, с их бесконтрольным аппаратным высокомерием по отношению к низам, сервильным по отношению к Кремлю. Но и в первые годы после завоевания власти, когда партию прохватило административной ржавчиной, каждый большевик, не исключая и Сталина, назвал бы злостным клеветником того, кто показал бы ему на экране образ партии через 10 – 15 лет. В центре внимания Ленина и его сотрудников стояла неизменно забота об ограждении большевистских рядов от пороков, связанных с властью. Однако, чрезвычайное сближение, отчасти прямое слияние партийного аппарата с государственным нанесло уже в те первые годы несомненный ущерб свободе и эластичности партийного режима. Демократия сжималась по мере того, как нарастали трудности. Первоначально партия хотела и надеялась сохранить в рамках Советов свободу политической борьбы. Гражданская война внесла суровую поправку в эти расчеты. Оппозиционные партии были запрещены одна за другой. В этой мере, явно противоречащей советской демократии, вожди большевизма видели не принцип, а эпизодический акт самообороны.

Быстрый рост правящей партии при новизне и грандиозности задач неизбежно породил внутренние разногласия. Оппозиционные течения в стране оказывали, по разным каналам, давление на единственную легальную политическую организацию, усиливая остроту фракционной борьбы. К моменту завершения гражданской войны она принимала столь острые формы, что угрожала потрясением государственной власти. В марте 1921 года, в дни Кронштадтского восстания, вовлекшего в свои ряды немалое число большевиков, X съезд партии счел себя вынужденным прибегнуть к запрещению фракций, то есть к перенесению политического режима в государстве на внутреннюю жизнь правящей партии. Запрещение фракций мыслилось, опять таки, как исключительная мера, которая должна отпасть при первом серьезном улучшении обстановки. В то же время ЦК с чрезвычайной осторожностью применял новый закон, больше всего заботясь о том, чтобы он не привел к удушению внутренней жизни партии. Однако, то, что по первоначальному замыслу, считалось лишь вынужденной данью тяжелым обстоятельствам, пришлось как нельзя более по вкусу бюрократии, которая ко внутренней жизни партии стала подходить исключительно под углом зрения удобств управления...

Одновременно с теорией социализма в одной стране пущена была в оборот для бюрократии теория о том, что в большевизме Центральный Комитет – все, партия – ничто.

Аппарат завоевал себе необходимую независимость. Демократический централизм уступил место бюрократическому централизму. В самом партийном аппарате производится теперь, сверху вниз, радикальная перестановка. Главной доблестью большевика объявляется послушание. Под знаменем борьбы с оппозицией идет замена революционеров чиновниками. Требование партийной демократии являлось все время столь же настойчивым, сколь и безнадежным лозунгом всех оппозиционных группировок.

Известная нам платформа левой оппозиции требовала в 1927 году, чтобы в уголовный кодекс введена была специальная статья, карающая как тяжкое государственное преступление всякое прямое или замаскированное гонение на рабочего за критику..."

Взамен этого в уголовный кодекс были внесены статьи, облегчающие преследование оппозиции.

Против централистских излишеств в двадцатых годах в разное время выступали на съездах и конференциях многие старые уважаемые большевики: группа «Демократического централизма» (децисты) в лице В. Смирнова, Сапронова, И. Коссиора, Врачева, И. Стукова и др.; «Рабочая оппозиция» Шляпников, Коллонтай, Медведев, Лутовинов и др., Е.А. Преображенский и многие другие.

Что касается В.И. Ленина, то он в разные периоды партийной жизни в зависимости от внутренней и международной обстановки выдвигал на первый план то демократические, то централистские стороны провозглашенного им принципа. Даже на X съезде партии, где была принята известная резолюция о единстве партии и дисциплине, запрещавшая фракции (кото-

рую Сталин сделал вечной), одновременно по инициативе Ленина была принята резолюция, идеи которой почти аналогичны идеям «Нового курса» Троцкого. В этой резолюции, в частности было записано:

"П.16. Нужно сблизить «верхи» и «низы», военных работников и гражданских, профессионалистов и советских, старых и новых членов партии, «молодых» и «стариков». Без решения этой основной задачи не может быть выполнена гигантская строительно-хозяйственная роль пролетарского авангарда.

П.17. Эта задача не может быть решена при сохранении старой организационной формы. Очередные потребности момента требуют новой организационной оболочки. Такой формой является форма рабочей демократии. Курс на рабочую демократию должен быть взят с такой же решительностью, так же энергично проводиться в жизнь, как в прежние период проводился курс на милитаризацию партии..."

И действительно, совсем недавно, на II конгрессе Коминтерна Владимир Ильич в своих тезисах записал такой пункт:

«Партии, принадлежащие к Коммунистическому Интернационалу, должны быть построены по принципу демократического централизма. В нынешнюю эпоху обостренной гражданской войны коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если она будет организована наиболее централистским образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной, и если ее партийный центр будет являться властным, авторитетным органом с широкими полномочиями, пользующимся всеобщим доверием членов партии».

Не являются ли проявлением беспринципности эти противоречащие друг другу заявления, сделанные В.И. Лениным за короткий период? Нет, ибо это вопрос не принципов, а тактики – изменилась обстановка, меняется и тактика. Демократический централизм – весьма гибкий и удобный тактический инструмент: он позволяет осуществлять руководство и быстро принимать решения, не прибегая к малоподвижной дискуссионной машине парламентского типа. Но он и таит в себе большие опасности. Даже при таком честном, идейном руководстве, как ленинское, демократические принципы систематически нарушались именно благодаря чрезмерной централизации. Так, руководили страной фактически не ЦИК и Совнарком, как полагалось по конституции, а ЦК партии и его Политбюро: ЦИК лишь оформлял решения, принятые ЦК. Все основные вопросы, раньше чем выноситься на обсуждение правительства, рассматривались Политбюро, и в руках партийного руководства таким образом сосредоточивалась не только партийная, но и государственная власть.

Незадолго до смерти В.И. Ленин в своем «Завещании» выразил тревогу по поводу того, что в руках генсека Сталина оказалась «необъятная власть». Это, как показала жизнь, была обоснованная тревога, но беда была не только в личных качествах Сталина, а и в неправильных взаимоотношениях между партией и государством. «Корень зла, – проницательно сказал Бухарин в беседе с Каменевым в 1928 году, – в том, что партия и государство слились».

В демократических странах с многопартийной системой такого слияния произойти не может. Там партия, побеждающая на выборах, требует от своих представителей, получающих государственную власть, проведения общей политической линии партии, но не вмешивается каждодневно в государственные дела. Демократический централизм, при всех своих недостатках, тоже давал возможности для разделения функций между партией и государством: достаточно было отделить деятельность ЦИК и Совнаркома от постоянной опеки ЦК, предоставить им право самостоятельно принимать решения и назначать людей на все государственные посты. И председатель Совнаркома, и председатель ЦИК как члены партии, конечно, были бы подотчетны ей, но эта подотчетность была бы в общем направлении политики, а не в каждодневных решениях. В этом случае генеральный секретарь партии занимался бы (как это, впро-

чем, и было до болезни Ленина) только партийно-политической работой, а не государственными делами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.